

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и
ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIV.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.

Книга IV (69).

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1903 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №,
Цименовская ул., соб. домъ,
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія Ницше. XVII—XXV. (Окончаніе.) Кн. Евгенія Трубецкого	329
Теорія эмоцій Джемса-Ланге. Н. Д. Виноградова	379
Научное міровоззрѣніе и философія. Л. Лопатина	404
<hr/>	
Болѣзнь Н. В. Гоголя. В. Ф. Чижа . (Продолженіе.)	647
Жизнь и психика. (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни.) I—V. А. Богданова	682
Очерки философіи естествознанія. Законы природы и законы общества. А. Щукарева	709

Критика и библіографія.

I. Обзоръ книгъ.

- А. Роджерсъ**. «Краткое введеніе въ исторію новой философіи». Переводъ С. С. Зелинскаго, подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. М. 1903. XX + 224 стр. Ц. 1 р. **Г. Шпетта** 728
- „Образовательная библіотека“. **Г. Ф. Липпесъ**. Основы психофизики. Пер. Г. Котляра. Спб. 1903. 110 стр. Ц. 40 к. **Г. Шпетта** 732
- Давидъ Юмъ**. Изслѣдованіе челоѣческаго разумѣнія. (An inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902. **Н. Виноградова** 733

L'année psychologique , publiée par Alfred Binet avec collaboration de H. Beaunis, V. Henri, Th. Ribot. Secrétaire de la Rédaction: Larguier des Bangels. Huitième année. Paris, 1902. Н. Виноградова	735
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Rivista filosofica . Май—декабрь 1902 г. Н. К. Вальденбергъ	742
Archiv fur systematische Philosophie . Band VIII. Heft 2. А. Б.	747
Психологическое Общество . (Отчеты о засѣданіяхъ.) . .	752
Полемика.	
Возраженіе П. А. Некрасову. В. Гольцева	754
Отвѣтъ г. Каплану. (По поводу статьи г. Каплана «Плюшкинъ и Старосвѣтскіе помѣщики».) В. Ф. Чижа . . .	755
Объявленія.	

Философія Ницше ¹⁾).

XVII.

Соціальныя и политическія воззрѣнія Ницше.

Мы уже видѣли, что нравственныя воззрѣнія съ точки зрѣнія Ницше суть отраженія общественныхъ отношеній. Альтруистическая мораль представляетъ собою выраженіе демократическаго строя жизни и демократическихъ тенденцій общества. Напротивъ того, та мораль, которую Ницше называетъ „здравую“, „натуралистическою“, „господскою“, есть созданіе высшихъ слоевъ общества,—завоевателей господъ,—аристократіи.

Поэтому оцѣнка той или другой морали для Ницше есть вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнка того или другого общественнаго типа, общественнаго строя, создавшаго каждую данную мораль. За его ненавистью къ морали альтруизма скрывается глубокое презрѣніе ко всему, что носитъ на себѣ печать демократизма. Всѣ его соціальныя и политическія воззрѣнія отъ начала до конца построены на аристократическихъ началахъ.

Мы уже видѣли, что іерархіи цѣнностей у него соотвѣтствуетъ іерархія силъ въ человѣческомъ обществѣ. Люди не равны по природѣ, а, слѣдовательно, и неравноцѣнны; поэтому было бы верхомъ безумія и несправедливости—*уравнивать ихъ въ правахъ*. Истинная справедливость выра-

1) № 68 «Вопр. Фил. и Псих.», 436.

Вопросы Философіи, кн. 69.

жается въ неодинаковомъ отношеніи къ неодинаковымъ величинамъ, слѣдовательно, въ неравенствѣ ¹⁾, въ преобладаніи высшаго типа.

Вытекая изъ элементарныхъ требованій справедливости, аристократическій строй вмѣстѣ съ тѣмъ является необходимымъ условіемъ высшаго культурнаго развитія. „Всякое возвышеніе человѣческаго типа было доселѣ дѣломъ аристократическаго общества. Такъ оно будетъ и впредь, ибо для этой цѣли необходимо такое общество, которое признаетъ множество іерархическихъ ступеней, вѣритъ въ различную цѣнность различныхъ людей и нуждается въ рабахъ въ томъ или другомъ значеніи этого слова“ ²⁾. Чтобы человѣкъ непрестанно росъ въ высоту, привычка господствовать должна войти въ его плоть и кровь: онъ долженъ быть окруженъ рабами—орудіями его воли; его должно отдѣлять отъ низшихъ чувство разстоянія. Высшее не должно унижать себя до степени орудія низшихъ: паеосъ разстоянія долженъ навѣки раздѣлить самыя задачи людей. Высшіе люди имѣютъ въ тысячу разъ больше правъ на существованіе, чѣмъ низшіе: это преимущество колокола съ полнымъ звукомъ передъ колоколомъ разстроеннымъ и надтреснутымъ: въ высшихъ людяхъ—залогъ будущаго; они одни связаны обязательствами по отношенію къ будущему человечества ³⁾.

Въ чемъ же заключаются признаки высшаго типа, тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать, въ отличіе отъ тѣхъ, которые должны повиноваться? Мы уже видѣли, что по Ницше въ основѣ противоположности господъ и рабовъ лежитъ контрастъ животныхъ хищныхъ и домашнихъ, ягнятъ и орловъ; всякая высшая культура начиналась всегда съ завоеванія: какое-нибудь племя хищниковъ—варваровъ въ полномъ смыслѣ этого слова—бросалось на мирное пастушеское или земледѣльческое населеніе или на какое-нибудь

¹⁾ Götzen-Dämmerung, VIII, 161—162.

²⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 257, B. VIII, 235.

³⁾ Zur Genealogie der Moral, 436.

общество съ разлагающейся культурой; послѣ завоеванія варвары превращались въ господъ, завоеванное населеніе— въ рабовъ. Такова историческая основа всякой аристократіи. Господа первоначально превосходили рабовъ не физической силою, а своими психическими свойствами: они были болѣе цѣлостными людьми, или, что то же— „болѣе цѣлостными бестіями“¹⁾.

Въ этомъ и заключается оправданіе ихъ господства. Нечего удивляться тому, что ягнята ненавидятъ орловъ и находятъ ихъ злыми; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ винить орловъ за то, что они добываютъ себѣ въ пищу нѣжныхъ и вкусныхъ ягнятъ²⁾. Такъ всегда было, и такъ всегда будетъ. Существуетъ множество различныхъ формъ, различныхъ типовъ господства и рабства. Самыя способы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ исторически мѣняются, но сущность остается неизмѣнною. Въ наши дни весьма распространено мнѣніе, будто въ будущемъ наступитъ такое общественное состояніе, при которомъ эксплуатація вовсе не будетъ имѣть мѣста. По мнѣнію Ницше, устроить общество такимъ образомъ столь же невысказано, какъ создать жизнь безъ всякихъ органическихъ функций. „Эксплуатація вовсе не есть особенность общества испорченнаго или несовершеннаго и первобытнаго: она составляетъ существенное свойство жизни, служитъ основною ея, органической функцией“: она выражаетъ собою ту „волю могущества, которая составляетъ сущность всего существующаго“³⁾.

Поэтому высшіе, лучшіе люди не должны стыдиться эксплуатаціи. Сущность хорошей и здоровой аристократіи заключается въ томъ, чтобы видѣть въ себѣ самой *не функцию* общества, а его оправданіе и смыслъ: поэтому она должна со спокойной совѣстью принимать жертву безчисленнаго множества людей, которые ради нея становятся

1) Jenseits von Gut und Böse, § 257, B. VII, 235—236.

2) Zur Genealogie der Moral, B. VII, 326.

3) Jenseits von Gut und Böse, § 259, B. VII, 238.

неполными людьми, рабами, орудіями. Она должна проникнуться убѣжденіемъ, что общество должно существовать не ради самого общества, а единственно въ качествѣ фундамента и подмостковъ, на которыхъ высшій родъ существъ могъ бы подняться къ высшей своей задачѣ. Таковы жадныя до свѣта вьющіяся растенія на островѣ Явѣ, извѣстныя подъ названіемъ *Sipo Matador*; они своими вѣтвями обвиваютъ дубъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, поднявшись надъ нимъ, но опираясь на него, они въ свободномъ свѣтѣ не распустятъ своего вѣнца, выставляя на показъ свое счастье ¹⁾).

XVIII.

Не такова господствующая тенденція нашего времени. Характеристическая черта нашей эпохи—необыкновенно быстро совершающаяся демократизація общества. Всѣ словныя различія стираются и уничтожаются; люди становятся совершенно *подобными* другъ другу; въ борьбѣ за существованіе человѣкъ обыкновенный, тотъ, который ничѣмъ не отличается отъ прочихъ, беретъ верхъ; напротивъ, люди утонченныхъ дарованій, выдающіеся, рѣдкіе экземпляры, остаются непонятыми, изолированными и гибнуть въ своемъ одиночествѣ. Нужны чудовищныя силы, чтобы задержать этотъ естественный процессъ уподобленія (*progressus in simile*), превращеніе человѣчества во что-то обыкновенное, посредственное, стадообразное и пошлое! ²⁾ Въ общемъ, тутъ ничто не помогаетъ: человѣчество не можетъ двигаться вспять подобно раку; оно должно шагъ за шагомъ идти впередъ по пути упадка,—въ этомъ заключается сущность современнаго „прогресса“; всякія попытки воспрепятствовать этому движенію могутъ привести только къ тому, что оно, подобно запруженной рѣкѣ, скопится и сосредоточитъ свои силы, чтобы потомъ прорваться съ еще большей энергіей ³⁾).

¹⁾ *Jenseits von Gut und Böse*, § 258, B. VII, 236—237.

²⁾ *Ibid.*, § 268, стр. 255.

³⁾ *Götzen-Dämmerung*, B. VIII, 153.

Перебирая всѣ возможные слои современнаго общества, Ницше всюду видитъ одну и ту же безотрадную картину всеобщаго упадка. Рабочій классъ совершенно обезличенъ: рабочіе не почитаютъ для себя стыдомъ играть роль винтиковъ машины и какъ бы восполнять собою пробѣлы человѣческой изобрѣтательности: имъ не внушаетъ отвращенія мысль, будто сущность ихъ страданій, ихъ безличное рабство можетъ быть уничтожено повышеніемъ платы. Мало того, они слушаются тѣхъ теоретиковъ, которые учатъ, что позоръ рабства можетъ быть обращенъ въ добродѣтель путемъ увеличенія этой безличности въ машинномъ производствѣ современнаго общества. Ихъ низость доходитъ до того, что они соглашаются за опредѣленное вознагражденіе перестать быть личностями и превратиться въ винтики. Между тѣмъ, никакая плата не въ состояніи вознаградить рабочаго за утрату его внутренней цѣнности.

Надежды на социалистическій строй будущаго безумны и бессмысленны, ибо въ тотъ день, когда рабочій перестанетъ быть рабомъ капиталистовъ, онъ все-таки будетъ рабомъ революціонной партіи, рабомъ новаго государства, машины ¹⁾. Значеніе труда сводится къ тому, что онъ *убиваетъ личность въ рабочемъ*. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ современное прославленіе труда: въ основѣ его лежитъ страхъ *передъ личностью*. Въ сущности теперь всѣ чувствуютъ, что тяжелый, изнурительный трудъ, продолжающійся съ утра до вечера, дѣйствительнѣе всякой полиціи, такъ какъ онъ служитъ узлою для каждаго: онъ сдерживаетъ развитіе разума, потребностей, чувства независимости, ибо онъ затрачиваетъ огромное количество нервной силы, отвлекая ее отъ размышленія, думъ, мечтаній, заботъ, любви и ненависти. Онъ не ставитъ передъ человѣкомъ никакой цѣли, доставляетъ ему дешевое и постоянное удовлетвореніе. Поэтому въ обществѣ, гдѣ идетъ постоянный, усиленный трудъ, живется безопасно; а безопасность и

1) Morgenröthe, § 206, В. IV, 203—205.

есть то божество, на которое молится современный человек! И вдруг, о ужас! Какъ разъ рабочій сталъ опаснымъ! Опасныя личности кишмя кишать. И за ними скрывается величайшая изъ всѣхъ опасностей, *индивидуальность* ¹⁾.

Рабочій вопросъ, который во всемъ своемъ грозномъ величїи стоитъ въ настоящее время передъ человечествомъ, есть результатъ господствующей тенденціи нашей эпохи—стремленія ко всеобщей нивеллировкѣ и безсословности. Чтобы сохранить существующій общественный строй, слѣдовало бы воспитать въ рабочемъ китайскій темпераментъ—типъ трудолюбиваго и невзыскательнаго муравья. Въмѣсто того, что же сдѣлало современное общество: оно стерло сословныя грани и въ корнѣ уничтожило всѣ тѣ инстинкты, въ силу коихъ рабочій становится возможнымъ какъ классъ, становится возможнымъ для себя самого въ этомъ качествѣ. Рабочіе были призваны къ военной службѣ, имъ было дано право ассоціацій, политическое право голоса. Что же удивительнаго, если въ настоящее время рабочій видитъ въ своемъ состоянїи бѣдствіе, или, выражаясь нравственнымъ языкомъ, — *неправду*. „Но опять-таки спрашивается, чего же мы, наконецъ, хотимъ? Если мы желаемъ цѣли, то мы должны желать и средствъ; если мы хотимъ имѣть рабовъ, то мы будемъ дураками, если станемъ воспитывать въ нихъ господъ“ ²⁾.

Сами господа въ настоящее время врядъ ли многимъ лучше рабовъ. Если мы заглянемъ въ среду людей обеспеченныхъ, образованныхъ, то здѣсь точно такъ же мы увидимъ картину упадка, приниженія умственныхъ интересовъ и всеобщаго измельчанія личности. Современное общество заѣдено американизмомъ; есть что-то дикое въ той алчности къ золоту, которая характеризуетъ современныхъ американцевъ и все въ большей степени заражаетъ современную Европу. Все

1) Morgenröthe, § 173, В. IV, 169—170.

2) Götzen-Dämmerung, В. VIII, 153.

чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться типъ человѣка, поглощеннаго всецѣло денежными дѣлами: въ погонѣ за наживой онъ не знаетъ покоя; онъ стыдится отдыха, испытываетъ угрызенія совѣсти, когда мысль отвлекаетъ его отъ текущихъ заботъ дня. Мы постепенно привыкаемъ думать съ часами въ рукахъ; мы завтракаемъ съ биржевымъ листкомъ передъ глазами; мы живемъ, какъ будто боимся упустить минуту для какого-либо важнаго дѣла. Страхъ передъ бездѣльемъ, непрерывная тревога накопленія богатствъ и заботы о хлѣбѣ насущномъ грозятъ убить всякое образование и высшій вкусъ. Мы постепенно утрачиваемъ чувство формы, чутье къ мелодіи и ко всему прекрасному. Въ отношеніяхъ между людьми господствуетъ дѣловитость и разсудочная ясность; мы разучились радоваться жизни; мы считаемъ за добродѣтель „сдѣлать возможно больше въ возможно меньшее время“. Когда мы тратимъ время на прогулку, бесѣду съ друзьями или на наслажденіе искусствомъ, мы уже считаемъ нужнымъ оправдаться „необходимостью отдыха“ или „потребностями гигиѣны“. Скоро самая склонность къ созерцательной жизни войдетъ въ презрѣніе. Насколько возвышеннѣе было настроеніе древнихъ! Древніе греки полагали цѣль жизни въ созерцаніи; только война и созерцательная жизнь считались у нихъ достойными свободнаго; напротивъ, трудъ признавался занятіемъ рабскимъ, достойнымъ презрѣнія ¹⁾).

Нашъ вѣкъ ставитъ себѣ цѣлью сдѣлать человѣка возможно полезнымъ; для этого нужно прежде всего надѣлать его добродѣтелями непогрѣшимой машины: онъ долженъ выше всего цѣнить минуты „машинально полезнаго труда“. Главнымъ камнемъ преткновенія при этомъ служить, конечно, скука, связанная съ подобнаго рода дѣятельностью. Чтобы превратить человѣка въ „полезную машину“, надо приучить его къ скукѣ, сообщить ей даже особую прелесть; въ этомъ и заключалась доселѣ задача современной школы.

¹⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 329, B. V, 249—250.

Эта школа заставляет насъ учиться именно тому, что насъ вовсе не касается, видѣть въ этой якобы „объективной“ дѣятельности нашъ долгъ, дѣлать долгъ независимо отъ удовольствія,—въ этомъ ея „неоцѣненная заслуга!“ Поэтому филологъ былъ доселѣ воспитателемъ по преимуществу, ибо его дѣятельность являетъ собою классическій образецъ монотонности, доходящей до грандіозныхъ размѣровъ. У него юношество научается тому машинальному исполненію обязанностей, которое является необходимымъ качествомъ будущаго чиновника, супруга, раба какого-нибудь бюро, читателя газетъ и солдата ¹⁾.

XIX.

Наши умственные способности истощены: немудрено, что нашъ вѣкъ характеризуется отсутствіемъ какого бы то ни было оригинальнаго стиля. Въ нашемъ безсиліи создать что-либо новое, самобытное въ области искусства, философіи и морали, мы обращаемся къ прошлому, заботливо собирая обломки отжившихъ культуръ. Отсюда-то *преобладаніе историзма*, историческаго интереса, которое отличаетъ современность. Препжнія эпохи—древность, средніе вѣка, эпоха возрожденія,—обладали своеобразнымъ стилемъ въ архитектурѣ, скульптурѣ, во всей вообще ихъ умственной жизни; напротивъ, современность есть по преимуществу эпоха подражанія и сравненія всѣхъ возможныхъ стилей, нравовъ, міровоззрѣній, культуръ ²⁾. Она представляетъ собою какой-то пестрый карнаваль—смѣшеніе костюмовъ всѣхъ возможныхъ временъ, символовъ вѣры, моралей и религій ³⁾. Современный человекъ подобенъ тѣмъ планетамъ, которыя заимствуютъ свой свѣтъ не отъ одного, а отъ нѣсколькихъ свѣтилъ; въ нашей дѣятельности господствуетъ не одна, а нѣсколько различныхъ моралей: оттого наши дѣйствіяokra-

1) Der Wille zur Macht, § 406, B. XV, 431—432.

2) Menschliches, Allzumenschliches, § 23, B. II, 40—41.

3) Jenseits von Gut und Böse, § 223, B. VII, 176.

шиваются въ разнообразныя краски, и мы нерѣдко совершаемъ пестрые поступки ¹⁾).

Нѣтъ той духовной пищи, которую бы не перевариваль современный человѣкъ: въ этомъ заключается его гордость; но онъ принадлежалъ бы къ высшему разряду существъ, если бы онъ былъ лишень этой способности: *человѣкъ всеядный* вовсе не есть самая утонченная разновидность человѣка ²⁾). Все это смѣшеніе разнородныхъ культуръ, весь нашъ „историческій смыслъ“, которымъ мы такъ хвалимся, составляетъ послѣдствіе того полуварварскаго состоянія, въ которое погрузилась Европа вслѣдствіе демократическаго смѣшенія сословій и расъ. Впервые въ девятнадцатомъ столѣтіи историческій смыслъ сталъ чѣмъ-то вродѣ „шестого чувства“ образованнаго человѣка: этотъ смыслъ означаетъ собою чутье и вкусъ ко всему на свѣтѣ или, что то же,—отсутствіе изысканнаго и благороднаго вкуса, плебейскую любознательность. Что такое богъ современнаго искусства, Шекспиръ, какъ не сочетаніе всѣхъ возможныхъ вкусовъ: это—такое соединеніе испанскаго съ мавританскимъ и саксонскимъ, отъ котораго древніе аѳиняне—современники Эсхила—умерли бы со смѣха. А мы, напротивъ, наслаждаемся этой дикой пестротой, этой смѣсью нѣжнаго, грубаго и искусственнаго какъ высшимъ родомъ искусства; мы не гнушаемся дышать однимъ воздухомъ съ англійскою чернью—той атмосферой, которою живетъ творчество Шекспира. Недостатокъ вкуса составляетъ оборотную сторону нашей восприимчивости и отзывчивости ³⁾).

Будучи смѣшаннымъ существомъ, современный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то недодѣланное, обрывокъ и начатокъ чего-то. Наше время какъ никакое другое характеризуется развитіемъ специальностей: вслѣдствіе колоссальнаго роста разнообразныхъ отраслей знанія образованіе становится все менѣе и менѣе общимъ: оно получаетъ ха-

¹⁾ Ibid., § 215, стр. 170.

²⁾ Morgenröthe, § 171, B. IV, 168.

³⁾ Jenseits von Gut und Böse, § 224, B. VII, 176—179.

рактерьъ отрывочный; природы богатыя и глубокія уже не находятъ себѣ подходящихъ воспитателей. Человѣкъ-дробь, односторонній наблюдатель съ высокомѣрными претензіями,—вотъ современный культурный типъ. Нынѣшніе университеты стали настояшею школою приниженія умственнаго уровня ¹⁾).

Не одни только ученые спеціалисты,—большинство людей представляютъ собою какъ бы обломки, части человѣка; чтобы получить человѣка *цѣлостнаго*, надо сочетать ихъ воедино. Цѣлыя эпохи, цѣлые народы являютъ собою образцы такого односторонняго развитія; всѣ эти низшіе человѣческіе типы суть какъ бы предваренія и прелюдіи къ высшему: они въ своей совокупности готовятъ появленіе тѣхъ синтетическихъ личностей, которыя, подобно верстовымъ столбамъ, показываютъ, насколько человѣчество ушло впередъ въ своемъ движеніи ²⁾).

Въ „Заратустрѣ“ мы находимъ ту же мысль въ слѣдующемъ образномъ выраженіи. Однажды, будучи окруженъ калѣками и увѣчными, Заратустра обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „У одного нѣтъ глаза, у другого — уха, у третьяго — ноги; иные потеряли языкъ, носъ или голову. Но это еще далеко не худшее изъ того, что я видѣлъ у людей“.

„Я вижу и видѣлъ нѣчто худшее и подчасъ до того ужасное, что не обо всемъ могу говорить, а кое о чемъ долженъ молчать; я видѣлъ людей, коимъ недостаетъ рѣшительно всего, но вмѣстѣ съ тѣмъ *чего-нибудь одною* у нихъ слишкомъ много, напримѣръ, такихъ людей, которые суть только огромный глазъ, или огромная морда, или огромное брюхо, вообще, что-нибудь огромное,—такихъ я называю калѣками навыворотъ“.

„Поистинѣ, мои братья, я брожу среди людей, какъ среди частей и органовъ человѣка. Всего страшнѣе для моего

¹⁾ Götzen-Dammerung, VIII, 111.

²⁾ Der Wille zur Macht, § 475, B. XV, 482.

взора то, что я вижу чело́вѣка раздробленнымъ на куски и разбросаннымъ словно на полѣ сраженія или на бойнѣ“¹⁾.

Слова эти относятся къ самымъ разнообразнымъ чело́вѣческимъ типамъ—къ современнымъ художникамъ и ремесленникамъ, односторонне развившимъ въ себѣ какую-нибудь одну способность, къ специалистамъ всѣхъ отраслей, но въ особенности—къ ученымъ. Въ каждомъ „специалистѣ“,—говоритъ Ницше,—поражаетъ нѣкоторая ограниченность точки зрѣнія, преувеличенная оцѣнка того уголка, гдѣ онъ сидитъ, и—его горбъ—такой есть у каждого специалиста. Во всякой ученой книгѣ отражается кривая душа, ибо всякое ремесло искривляетъ! Всякое мастерство на свѣтѣ приобрѣтается дорогою цѣною: кто хочетъ въ совершенствѣ владѣть своимъ ремесломъ, тотъ долженъ въ концѣ концовъ стать его жертвою. Такова именно участь ученыхъ специалистовъ: они врастаютъ въ свой уголокъ, теряютъ равновѣсіе, становятся тощими, угловатыми во всемъ, кромѣ чего-нибудь одного²⁾. Ихъ исключительно кабинетная жизнь влечетъ за собою утрату воспріимчивости и умственной свѣжести. „Если притронуться къ нимъ руками,—говоритъ Заратустра,—то они испускаютъ пыль, подобно мѣшкамъ съ мукою; и кто бы могъ подумать, что эта пыль происходитъ отъ хлѣбнаго зерна, отъ благодати и золота полей“.

„Они—хорошіе часовые механизмы; только надо заводить ихъ во-время; тогда они безъ обмана показываютъ время и при этомъ скромно постукиваютъ. Они работаютъ подобно мельницамъ и ступкамъ, только надо подбрасывать имъ зерно! Они прекрасно умѣютъ размалывать зерно на мельчайшія части и превращать его въ бѣлую пыль“³⁾.

Всѣ эти качества ученаго выдаютъ въ немъ типъ неблагородный, демократическій: у него нѣтъ доблестей власти имѣющихъ, господствующихъ, самодовлѣющихъ людей. Его добродѣтели—прилежаніе, терпѣніе, усидчивость, покор-

1) Also sprach Zarathustra, VI, 204—205.

2) Die fröhliche Wissenschaft, § 366, B. V, 318—320.

3) Also sprach Zarathustra, B. VI, 184.

ность дисциплинѣ, привычка считаться съ другими — *себѣ равными*, избобличаютъ въ немъ существо зависимое и стадное ¹⁾. Оттого-то Заратустра не выноситъ ученыхъ. „Слишкомъ долго, — говоритъ онъ, — моя душа голодала за ихъ трапезою; для меня познаніе не есть какъ для нихъ — шелканье орѣховъ ²⁾).

Въ современномъ развитіи специальныхъ знаній въ ущербъ общимъ философскимъ интересамъ Ницше видитъ проявленіе вульгарныхъ тенденцій вѣка. „Объявленіе независимости ученымъ человѣкомъ, его освобожденіе отъ философіи представляетъ собою одно изъ тончайшихъ проявленій демократическаго склада и нескладицы“. „Долой всякихъ господъ!“ такъ хочетъ и здѣсь плебейскій инстинктъ; послѣ того, какъ наука перестала быть „рабою богословія“, высокомеріе и неразуміе ученаго человѣка хочетъ въ свою очередь диктовать законы философіи, господствовать надъ нею. Мало того, ученые сами хотятъ быть философами. Всего чаще у ученыхъ можно замѣтить пренебрежительное отношеніе ко всякой вообще философіи въ связи съ рабскою зависимостью отъ *какого-либо одного философскаго ученія*, которое служитъ для ученаго предметомъ безотчетной, наивной вѣры.

Такому разочарованію въ философіи въ значительной мѣрѣ способствовали сами современные философы съ ихъ отсутствіемъ творчества и пониманія великихъ синтетическихъ задачъ мысли. Въ особенности тѣ „смѣшанные люди“, которые называютъ себя позитивистами или „философами дѣйствительности“, способны вселить опасное недоверіе въ душу молодого ученаго. Въ лучшемъ случаѣ эти философы суть сами „специалисты“, ученые: не будучи на то способны, они взялись за царственные задачи философіи. И вотъ, они теперь мстятъ за свое безсиліе, проповѣдуютъ словомъ и дѣломъ недоверіе къ философіи ³⁾.

Демократизація и связанное съ нею опошленіе мысли ска-

1) *Jenseits von Gut und Böse*, § 206, В. VII, 148—149.

2) *Also sprach Zarathustra*, В. VI, 183.

3) *Jenseits von Gut und Böse*, § 204, В. VII, 143—146.

зывается не только въ упадкѣ современныхъ философскихъ системъ, но и въ искаженіи самой научной мысли, ибо въ основныхъ своихъ опредѣленіяхъ положительныя науки находятся въ неизбѣжной зависимости отъ философіи. Ницше указываетъ слѣды демократизма въ социологіи ¹⁾, біологіи ²⁾ и даже въ физикѣ ³⁾.

Словомъ, во всѣхъ сферахъ умственной и нравственной жизни съ неимовѣрной быстротой совершается одинъ и тотъ же процессъ — паденія культуры. Чѣмъ оно обусловливается? Въ частности, что способствуетъ паденію культуры нѣмецкой? Прежде всего — то, что высшее образованіе потеряло значеніе привилегіи, — въ этомъ состоитъ демократизмъ образованія общедоступнаго, всеобщаго. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что привилегіи по воинской повинности прямо вынуждаютъ переполненіе высшихъ школъ, иначе говоря, — ихъ гибель. Теперь въ современной Германіи никто не можетъ давать своимъ дѣтямъ аристократическаго воспитанія: всѣ высшія школы съ ихъ учителями, учебными планами и цѣлями, приспособлены къ самой двусмысленной посредственности ⁴⁾.

XX.

Обыкновенно, въ опроверженіе всякихъ толковъ объ упадкѣ культуры указываютъ на колоссальный прогрессъ государственнаго начала. Въ глазахъ Ницше, какъ разъ наоборотъ, именно ростъ государства служить частью симптомомъ, частью же причиной упадка, ибо государство выражаетъ собою коллективное, *стадное* начало. Культура и государство суть антагонисты: государство можетъ преуспѣвать только въ ущербъ культурѣ, культура же — въ ущербъ государству. Все великое въ культурномъ смыслѣ

1) Götzen—Dämmerung, VIII, 148.

2) Genealogie der Moral, VII, 371—372.

3) Jenseits von Gut und Böse, § 22, B VII, 35.

4) Götzen—Dämmerung, VIII, 113.

чуждо политикѣ; наоборотъ, государство, достигши могущества, перестаетъ быть центромъ культурной жизни. Умственная жизнь процвѣтала въ Германіи въ началѣ XIX столѣтія, когда послѣдняя была политически ничтожна; послѣ политическаго объединенія Германіи центръ культурнаго движенія перенесся въ побѣжденную Францію ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія Заратустра учитъ, что государство есть „смерть народовъ“, учрежденіе для „лишнихъ людей“: типъ истиннаго, „не лишняго“ человѣка начинается тамъ, гдѣ кончается государство ²⁾.

Какова общественная жизнь, таковы и политическія теоріи. Онѣ даютъ формулы извращеннымъ инстинктамъ выродившагося европейскаго общества. Въ чемъ заключаются основныя стремленія социализма? Это—во всѣхъ отношеніяхъ фантастическій младшій братъ отживающаго деспотизма. Онъ требуетъ для себя такой полноты государственнаго могущества, которое оставляетъ далеко за собой все прошлое деспотизма; онъ стремится прямо къ уничтоженію индивидуальности: послѣдняя представляется ему какою-то неумѣстной роскошью въ природѣ; и вотъ, социализмъ хочетъ превратить индивида въ цѣлесообразный органъ общежитія. Самое могущество цезарей оказалось бы далеко недостаточнымъ для этой цѣли, ибо социализмъ требуетъ небывалаго еще доселѣ вѣрноподданческаго преклоненія всѣхъ гражданъ передъ неограниченною властью государства ³⁾.

Въ основѣ ученій либеральныхъ лежитъ та же сущность. Либеральныя учрежденія „подкапываютъ“ стремленіе личности къ могуществу; они возводятъ въ принципъ всеобщую нивеллировку, уравниваютъ холмы и долины, дѣлаютъ людей маленькими, трусливыми и жадными къ наслажденіямъ: въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ—не что иное, какъ превращеніе въ стадо. Народы, которые чего-нибудь стоятъ и стояли, никогда не достигали своего ве-

¹⁾ Götzen—Dämmerung, B. VIII, 111—112.

²⁾ Also sprach Zarathustra, B. VI, 69—72.

³⁾ Menschliches, Allzumenschliches, § 473, B. II, 350—351.

личія при либеральныхъ учрежденіяхъ: великая опасность вырабатывала изъ нихъ нѣчто достойное уваженія,—та опасность, въ которой пробуждается наша сила, наша воинственная доблесть и нашъ умъ: либеральныя учрежденія, разъ они достигнуты, губятъ высшія качества человѣческой природы именно потому, что они создаютъ атмосферу всеобщей безопасности ¹⁾. Всѣ современныя политическія учрежденія, конституціи и теоріи, отъ либерализма до анархизма, выражаютъ собою различныя стороны одного и того же упадка; всѣ они сближаются между собою въ общей приверженности къ идеалу „автономнаго стада“ и въ общей враждѣ противъ всякаго другого общественнаго устройства, покоющагося на противоположности рабовъ и господъ ²⁾).

Общая мечта демагоговъ есть счастье зеленаго пастбища для всѣхъ, со спокойствіемъ, безопасностью, удобствомъ и облегченіемъ жизни для каждаго; ихъ любимое ученіе—„равенство правъ“ и „состраданіе ко всѣмъ страждущимъ“; самое страданіе съ ихъ точки зрѣнія есть нѣчто такое, что слѣдуетъ уничтожить. А мы, говоритъ Ницше, напротивъ, думаемъ, что растеніе „человѣкъ“ всего сильнѣе растетъ ввысь при противоположныхъ условіяхъ: для этого опасность его положенія должна возрасти до чрезвычайности. Жестокость, насиліе, рабство, опасность на улицѣ и въ сердцѣ, стоицизмъ, искусство искушенія и чертовщина всякаго рода, хищное и змѣиное въ человѣкѣ—вотъ тѣ качества, которыя по преимуществу служатъ возвышенію человѣческаго рода ³⁾).

Въ основѣ политическихъ идеаловъ новаго времени, какъ и въ основѣ морали состраданія, лежитъ по Ницше все тотъ же источникъ—возстаніе рабовъ противъ господъ. Въ его глазахъ демагогія новаго времени какъ нельзя лучше олицетворяется образомъ Руссо, который былъ идеалистомъ

1) Götzen—Dämmerung, VIII, 149—150.

2) Jenseits von Gut und Böse, § 202, B. VII, 136.

3) Ibid., § 44, B. VII, 64—65.

и вмѣстѣ съ тѣмъ — канальей, проповѣдникомъ равенства изъ злобы и зависти ко всему, что выдается надъ общимъ уровнемъ ¹⁾).

Въ концѣ концовъ весь этотъ демократизмъ представляеть собою историческое продолженіе той идеализаціи слабыхъ, „немошныхъ міра сего“, которая началась еще въ христіанствѣ. Христіанство впервые возвѣстило равенство всѣхъ передъ Богомъ! „Первый и послѣдній христіанинъ“, — говоритъ Ницше, — „возстаетъ въ угоду низшему инстинкту противъ всего привилегированнаго: онъ живетъ и борется изъ-за равныхъ правъ“ ²⁾. Христіанинъ и анархистъ — въ одинаковой мѣрѣ — декаденты. Христіанинъ осуждаетъ и хулитъ міръ подъ давленіемъ того же инстинкта, который заставляетъ социалистическаго рабочаго хулить, клеветать и осуждать современное общество. Самый „страшный судъ“ есть услада ожидаемой мести; это — та же революція, о которой мечтаетъ социалистическій рабочій, хотя и отодвинутая въ мысли на срокъ болѣе отдаленный“ ³⁾.

Измельчаніе и вырожденіе въ современной Европѣ дошло до того, что самый типъ человѣка независимаго, повелителя, мало-по-малу исчезаетъ. Европа находится подъ обаяніемъ общераспространеннаго предразсудка, будто человѣкъ стадный, *послушный* есть единственный дозволенный типъ человѣка. Поэтому сами правители, вынужденные повелѣвать другимъ, испытываютъ при этомъ угрызенія совѣсти: чтобы быть въ состояніи повелѣвать, они должны прибѣгать къ самообману. Въ этомъ и заключается то, что Ницше называетъ „лицемѣріемъ повелѣвающихъ“. Давая приказанія, правители притворяются, будто они приказываютъ не отъ своего имени, будто они сами при этомъ подчиняются велѣніямъ болѣе древнимъ, на примѣръ, завѣтамъ предковъ, предписаніямъ конституціи, закона, права и даже — Бога: они хотятъ всѣхъ увѣрить, будто и сами они слѣду-

¹⁾ Götzen—Dämmerung, B. VIII, 161—162.

²⁾ Der Wille zur Macht, § 46, B. VIII, 280.

³⁾ Götzen—Dämmerung, B. VIII, 142.

ють правиламъ стадной мудрости въ качествѣ „первыхъ слугъ народа“ или „орудій общаго блага“. Самый конституціонный образъ правленія нынѣшнихъ государствъ проникнуть тѣмъ же духомъ: нынѣшній парламентаризмъ представляетъ собою попытку замѣнить истинныхъ, врожденныхъ повелителей коллективною мудростью многихъ стадныхъ людей ¹⁾).

XXI.

Соціальная философія Ницше, какъ и его нравственное ученіе, проникнута отвращеніемъ къ человѣку. Чѣмъ объясняется это отвращеніе, спрашиваетъ онъ себя, „вѣдь безо всякаго сомнѣнія мы страдаемъ о человѣкѣ? Причину тутъ служить не страхъ, а скорѣе то, что *намъ уже нечего бояться* отъ человѣка: человѣкъ—червь занялъ весь первый планъ и кишмя кишить; человѣкъ ручной и безнадежно посредственный уже научился видѣть въ себѣ человѣка высшаго, конечную цѣль, вершину и смыслъ исторіи ²⁾).

Въ этомъ мрачномъ освѣщеніи Ницше видитъ не только настоящее, но и прошлое человѣка. „Когда мой взоръ обращается отъ настоящаго къ прошлому“,—говоритъ Заратустра,—„онъ находитъ тамъ все то же самое: разрозненные части, органы человѣка, но людей онъ не видитъ. Настоящее и прошлое на землѣ, братья мои, это для меня самое невыносимое; я не зналъ бы, какъ мнѣ и жить, если бы я не былъ ясновидцемъ будущаго“ ³⁾).

Утѣшеніемъ для Ницше служить то, что онъ видитъ въ настоящемъ переходъ къ лучшему будущему. „Ясновидецъ, хотящій, человѣкъ будущаго и какъ бы мостъ къ будущему, но вмѣстѣ съ тѣмъ, увы, какъ бы калѣвка на этомъ мосту,—таковъ Заратустра“ ⁴⁾). Залогъ того лучшаго будущаго, ко-

1) *Jenseits von Gut und Böse*, § 199, B. VII, 130; ср. *Nachträge zum Zarathustra*, § 714, B. XII, 367; *Die fröhliche Wissenschaft*, § 174, B. V, 186.

2) *Zur Genealogie der Moral*; B. VII, 324.

3) *Also sprach Zarathustra*. B. VI, 205.

4) *Ibid.*

торое предвидитъ Заратустра, заключается въ самомъ процессѣ вырожденія современнаго человѣчества. Этотъ ужасающій упадокъ представляетъ собою необходимое предшествующее того великаго роста, который предстоитъ человѣчеству. Когда старое крошится и погибаетъ, это значить, что нарождается новая, высшая форма существованія. Самыя страданія, симптомы упадка предзнаменуютъ эпохи усиленнаго движенія впередъ. Когда растеть высшій человѣкъ, то должна расти вмѣстѣ съ тѣмъ и обратная его сторона, человѣкъ обыденный, низшій: для возвышенія рѣдкихъ, исключительныхъ экземпляровъ человѣчества необходимо контрастъ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія вырожденіе человѣчества должно представиться въ новомъ освѣщеніи. Паденіе, упадокъ, вырожденіе, не есть что-либо заслуживающее осужденія; это — необходимое послѣдствіе самой жизни и ея роста. Явленіе „декаденства“ такъ же необходимо, кикъ и всякое восхожденіе жизни, всякое поступательное движеніе: не въ нашихъ силахъ его остановить. Напротивъ, разумъ хочетъ его оправданія ²⁾.

Оправданіе заключается въ томъ, что для высшаго рода существъ необходимы низшіе — въ качествѣ орудій и пьедестала: точнѣе говоря, для господъ необходимы рабы. Умаленіе человѣка въ теченіе долгаго времени должно считаться единственною цѣлью исторіи: только этимъ путемъ можетъ создаться тотъ широкій и прочный фундаментъ, на которомъ будетъ красоваться болѣе сильная разновидность человѣка ³⁾.

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ не задерживать, а, напротивъ того, ускорять происходящій въ Европѣ процессъ всеобщаго уравниенія. Какъ только этотъ процессъ придетъ къ концу, измельчавшее человѣческое стадо само собою попадетъ въ руки сильныхъ людей—его естественныхъ господъ и повелителей. Ибо, чѣмъ больше мельчаетъ масса,

¹⁾ Der Wille zur Macht, §§ 71, 475, B. XV, 70, 481.

²⁾ Ibid., § 72, стр. 71.

³⁾ Ibid., § 388, стр. 415.

тѣмъ больше возрастаетъ пропасть между нею и высшею разновидностью человѣка; тѣмъ значительнѣе, слѣдовательно, становится перевѣсъ силы на сторонѣ послѣдней.

Оправданіе толпы заключается въ ея служеніи высшему роду властителей, которые безъ нея не могли бы исполнить своей задачи. Задача господствующей расы заключается вовсе не въ томъ только, чтобы править: ея цѣль — не въ управляемыхъ, не въ низшихъ, а въ ней самой, въ ея собственной жизненной сферѣ: здѣсь она должна быть явленіемъ избытка силы, красоты, мужества, высшей культуры и манеры. Это — самоутверждающаяся и жизнерадостная порода людей, которая можетъ позволить себѣ всякую роскошь, достаточно сильная, чтобы не нуждаться въ тираніи нравственныхъ заповѣдей, достаточно богатая, чтобы не быть бережливою и педантичною, — по ту сторону добра и зла. Это — какъ бы оранжерея, наполненная рѣдкими и изысканными растениями ¹⁾.

Такимъ образомъ, современное развитіе человѣчества приводитъ къ двоякому результату: оно готовитъ типъ человѣка-машины: оно стремится превратить человѣчество въ необозримую систему колесъ и рычаговъ, прилаженныхъ другъ къ другу и приспособленныхъ къ общей цѣли производства. Готовя, такимъ образомъ, прекрасныя орудія эксплуатаціи, современная цивилизація тѣмъ самымъ подготавливаетъ условія существованія для новаго типа эксплуататоровъ. Современное машинное производство доводитъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ до максимума: эта эксплуатація не исчезнетъ, а найдетъ себѣ оправданіе въ будущемъ, когда народится новая знать, достойная господствовать надъ низшими ²⁾.

Между „господами“ и „рабами“ найдутъ себѣ мѣсто и люди среднихъ дарованій: высшая культура можетъ стоять только на широкомъ основаніи крѣпко сплоченной посред-

1) Ibid., § 386, В. XV, 414.

2) Ibid., § 390, В. XV, 420—421.

ственности. Для нея прежде всего необходимы ученые; наука же никогда не была занятіем аристократическимъ: она не мирится съ исключительными дарованіями гения, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть и дѣло массы: она—какъ разъ по плечу среднему типу людей. Чтобы вести торговлю и ворочать капиталами, опять таки нужны люди съ буржуазными наклонностями, иначе говоря,—люди среднихъ дарованій ¹⁾.

Разъ высшая культура не можетъ обойтись безъ рабовъ, представляется необходимою и желательною та мораль, которая воспитываетъ въ человѣкѣ качества орудія. Я объявилъ войну христіанскому идеалу, говоритъ Ницше, вовсе не съ тѣмъ, чтобы его уничтожить, а для того, чтобы положить конецъ его тиранніи и очистить мѣсто для другихъ, болѣе могущественныхъ идеаловъ. Само по себѣ дальнѣйшее существованіе христіанскаго міровоззрѣнія даже въ высшей степени желательно. „Намъ имморалистамъ нужна сила морали: наше стремленіе къ самосохраненію требуетъ, чтобы противники остались при своихъ силахъ; оно только хочетъ — господствовать надъ ними“ ²⁾. Съ точки зрѣнія Ницше правило является необходимымъ условіемъ существованія исключеній ³⁾. Чтобы высшіе люди были совершенными господами, необходимо, чтобы масса была совершеннымъ стадомъ.

XXII.

Послѣ всего того, что было уже сказано о внутреннихъ противорѣчіяхъ нравственной философіи Ницше, критика его соціального и политическаго ученія можетъ свестись къ немногимъ замѣчаніямъ. Здѣсь мы находимъ тѣ же противорѣчія, тотъ же двойственный масштабъ цѣнностей.

Двойственнымъ представляется прежде всего то понятіе „упадка“, подъ которое Ницше подводитъ все современное

¹⁾ Ibid., § 389, В. XV, 418—419.

²⁾ Ibid., § 409, стр. 434.

³⁾ Ibid., § 404, стр. 431.

ему общественное развитие. „Упадокъ“ въ его устахъ означаетъ то отпаденіе отъ извѣстной нормы біологическаго совершенства, достигнутой когда-то въ прошломъ, въ эпоху процвѣтанія „бѣлокурой бестыи“, то отклоненіе отъ идеала высшей разумности, достижимой только въ будущемъ. Вслѣдствіе этого одни и тѣ же факты понимаются у Ницше то какъ признаки упадка, то какъ проявленія новой восходящей жизни, высшей культуры.

Таково, напримѣръ, его отношеніе къ сознательной жизни. Развитие сознанія всегда связано съ усиленнымъ развитіемъ нервной системы: усиленная мозговая дѣятельность обыкновенно идетъ въ ущербъ развитію мускуловъ. Будучи орудіемъ общенія между людьми, сознаніе вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ потребность въ такомъ общеніи. Жить сознательно—значитъ жить въ атмосферѣ, общей всѣмъ людямъ. На этомъ основаніи Ницше видитъ въ сознаніи *проявленіе стаднаго начала*. „Въ концѣ концовъ“,—говоритъ онъ,—возрастающее сознаніе есть опасность: кто живетъ среди сознательныхъ европейцевъ, тотъ понимаетъ, что оно—болѣзнь“¹⁾. Съ другой стороны въ глазахъ Ницше—*высшая сознательность есть печать гения*, то, что возвышаетъ личность надъ состояніемъ вырожденія и упадка. Сознаніе, такимъ образомъ, есть для нашего философа то признакъ зависимости и слабости, то проявленіе избытка силы и превосходства: съ одной стороны оно возводитъ человѣка въ достоинство личности; съ другой стороны, оно есть именно то, что обезличиваетъ.

Противоположности упадка и возвышенія жизни, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ у Ницше противоположность аристократизма и демократизма. Нетрудно убѣдиться, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ понятіями по существу противорѣчивыми и двусмысленными. Демократизмъ у нашего писателя является то синонимомъ слабонервности, дряблости, вообще фізіологическаго вырожденія, то синонимомъ умствен-

1) Die fröhliche Wissenschaft, § 354, B. V, 290—294.

наго ничтожества. Точно такъ же и аристократизмъ означаетъ то превосходство расы, болѣе крѣпкой нервами и мускулами, то превосходство людей, исключительно одаренныхъ. Самое нѣмецкое слово „*vornehm*“, которое Ницше употребляетъ для обозначенія всего аристократическаго,—слово, не поддающееся точному переводу,—есть терминъ двусмысленный по существу: оно можетъ означать и знатность рода и всякое другое превосходство человѣка надъ человѣкомъ. Тотъ общественный типъ, который служить у Ницше мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ существующихъ формъ человѣческаго общенія, соединяетъ въ себѣ противоположныя черты аристократіи расовой и аристократіи умственной, культурной. Въ его изображеніи „знать будущаго“ соединяетъ въ себѣ качества хищнаго звѣря, который пожираетъ „ягнать“ и мудреца, который законодательствуетъ по праву разума.

Съ этимъ связывается у Ницше двойственность правовыхъ понятій. Владычество аристократіи у него оправдывается требованіями „истинной справедливости“, при чемъ эта „справедливость“ то отождествляется съ правомъ силы, то, напротивъ, противопоставляется ему. Когда идетъ рѣчь объ эксплуатаціи низшихъ высшими, Ницше находитъ, что она справедлива, ибо она естественна: она составляетъ результатъ физиологической необходимости. Тутъ, слѣдовательно, *право сильнѣйшаго признается безо всякихъ ограниченій*. Напротивъ, когда государство пожираетъ личность, когда чернь ниспровергаетъ меньшинство господъ *по праву силы*, это вызываетъ въ Ницше негодованіе и отвращеніе. Тутъ, слѣдовательно, *справедливость понимается какъ что-то противоположное силѣ*: „равнымъ равное“, говоритъ онъ, неравнымъ неравное, вотъ истинное требованіе справедливости ¹⁾.

Однимъ словомъ, въ своихъ сужденіяхъ о человѣческомъ обществѣ, дѣйствительномъ и идеальномъ, Ницше становится

1) *Götzen-Dämmerung*, VIII, 2.

то на точку зрѣнія *чистаго натурализма*, исключаящую нравственную оцѣнку, то на точку зрѣнія *нормативную, нравственную*. Господство знати представляется ему то какъ *фактъ*, имѣющей наступить въ будущемъ въ силу непреодолимой естественной необходимости, то какъ повелительная норма, идеаль, которому *долженъ* слѣдовать человѣкъ. Въ своемъ социальномъ ученіи Ницше хочетъ стоять по ту сторону добра и зла; однако, онъ предъявляетъ, если не ко всему обществу, то, по крайней мѣрѣ, къ „вышимъ людямъ“ рядъ этическихъ требованій: они не должны довольствоваться ролью винтиковъ социальной машины; они не должны жертвовать интересами умственными для интересовъ матеріальныхъ; они не должны стыдиться господства надъ низшими; они не должны предаваться узкой специальности: имъ подобаешь стремиться къ всестороннему гармоническому развитію всѣхъ ихъ силъ и способностей.

Социальная философія Ницше, какъ и вся вообще его философія, является одновременно и исканіемъ и отрицаніемъ высшаго смысла человѣческаго существованія. Съ одной стороны, весь его протестъ противъ того, что онъ называетъ „демократизмомъ“ или „вырожденіемъ“ покоится на томъ предположеніи, что цѣль человечества — не въ сытости, не во всеобщемъ довольствѣ: никакое матеріальное благосостояніе не можетъ вознаградить человѣка за утрату тѣхъ духовныхъ благъ, которыя обусловливають его достоинство какъ личности, составляютъ его преимущество передъ животными. Съ другой стороны, оказывается, что нѣтъ той цѣли, которая могла бы приподнять человѣка надъ животнымъ міромъ. Безсмысленная сила, слѣпая, безцѣльная воля могущества есть высшее и безусловное въ мірѣ! Человѣкъ — одно изъ проявленій этой слѣпой стихій: поэтому высшее, что ему доступно, есть *максимумъ могущества*, максимумъ эксплоатации, максимумъ господства надъ другими. Та пропасть между человѣкомъ и животнымъ, которую имѣлось въ виду воздвигнуть, снова исчезаетъ, и высшій человѣкъ оказывается въ высшей мѣрѣ животнымъ, страшнѣйшимъ и

злѣйшимъ экземпляромъ животнаго. А низшіе должны довольствоваться болѣе скромною ролью—животныхъ домашнихъ, орудій сверхчеловѣка.

XXIII.

Ученіе о сверхчеловѣкѣ.

Мы подошли къ центральной идеѣ Ницше. Для него мысль о „сверхчеловѣкѣ“ олицетворяетъ собою оправданіе его жизни и весь смыслъ его философствованія. Присмотримся же внимательнѣе къ этой мысли.

Прежде всего замѣтимъ, что она находится въ тѣснѣйшей связи съ изложеннымъ уже выше ученіемъ о безцѣльности всего существующаго.—Въ мірѣ нѣтъ цѣли, нѣтъ смысла; а между тѣмъ, вся жизнь человѣка построена на предположеніи какой-то конечной цѣли, которая оправдываетъ его существованіе. Отсюда слѣдуетъ, что это представленіе „цѣли“ есть выраженіе человѣческой прихоти и произвола. Отдѣльные люди и цѣлыя народы создаютъ себѣ цѣли по своему усмотрѣнію и вкусу. „До сего времени,—говоритъ Заратустра,—существовали тысячи цѣлей, ибо существовали тысячи народовъ. Но доселѣ не существуетъ еще тѣхъ оковъ, которыя бы сковывали вмѣстѣ эти тысячи: нѣтъ единой цѣли. Человѣчество еще не имѣетъ цѣли. Но скажите, братья мои, если у человѣчества еще нѣтъ цѣли, не значитъ ли это, что доселѣ еще нѣтъ самаго человѣчества“ ¹⁾?

Существо, лишненное цѣли, по тому самому мелко, ничтожно и недостойно носить имя человѣка. Если всѣ тѣ цѣли, которыя до сего времени ставило себѣ человѣчество, оказались призрачными, то необходимо поставить перель человѣкомъ новую цѣль. До сихъ поръ цѣль человѣчества опредѣлялась моралью. Но нравственныя воззрѣнія, ложныя въ своемъ основаніи, не спасали личности отъ ничтожества. Крушеніе морали, предстоящее въ непосредственномъ бу-

¹⁾ Also sprach Zarathustra, VI, 87.

душемъ, должно вызвать въ обществѣ дальнѣйшій процессъ разложенія, слѣдовательно, дальнѣйшее измельчаніе и паденіе личности. Поэтому человѣчество болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ новой цѣли и въ новой любви. Уничтоженіе человѣка должно быть остановлено новымъ актомъ творчества ¹⁾).

Въ этомъ смыслѣ Заратустра обращается къ народу: „Настало время, чтобы человѣкъ поставилъ передъ собою свою цѣль. Настало время человѣку насадить зерно высшей своей надежды. Теперь еще почва для этого достаточно плодородна. Но она станетъ когда-нибудь скудною, тощею, и никакое высокое дерево не возможетъ возрасти на ней“. „Увы, наступаетъ время, когда человѣчество уже не будетъ въ состояніи родить изъ себя никакой звѣзды? Увы, наступаетъ время презрѣннѣйшаго человѣка, который уже не будетъ въ состояніи презирать самого себя“ ²⁾!

Та новая цѣль, которую Ницше хочетъ поставить передъ человѣкомъ, не есть что-либо трансцендентное самому человѣку, ибо надъ человѣкомъ нѣтъ иной, высшей дѣйствительности. Если надъ человѣкомъ нѣтъ Бога,—это значить, что самъ человѣкъ долженъ стать для себя высшимъ, божественнымъ. Единый Богъ долженъ быть замѣненъ множествомъ человѣческихъ боговъ; смерть Бога есть вмѣстѣ съ тѣмъ воскрешеніе политеизма. „Божественное состоитъ именно въ томъ, что есть боги, но нѣтъ Бога“ ³⁾. Но обожествленный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ преображенный, всецѣло отличный отъ нынѣшняго человѣка-карлика: должно народиться нѣчто, „что превзойдетъ величіемъ бурю, горы и море и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сыномъ человѣческимъ“ ⁴⁾.

Новою цѣлью для человѣка мажетъ быть только новый человѣческій, точнѣе говоря, новый сверхчеловѣческій типъ.

1) Nachträge zum Zarathustra, §§ 673—674, XII, 357—358.

2) Also sprach Zarathustra; VI, 19.

3) Ibid., VI, 296: Der Wille zur Macht, § 480, B. XV, 485—486.

4) Nachträge zum Zarathustra, § 682, B. XII, 361.

„Слушайте, я возвѣщаю вамъ сверхчеловѣка,—говорить Заратустра.—Сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли. Пусть ваша воля скажетъ: сверхчеловѣкъ да будетъ смысломъ земли“¹⁾. Разъ сверхчеловѣкъ становится для насъ высшею цѣлью, онъ наполняетъ для насъ смысломъ не только міръ человѣческой, но и „всю землю“, т.-е. всю жизнь природы; если сверхчеловѣкъ есть для насъ цѣнное по преимуществу, то все существующее должно быть оцѣниваемо въ отношеніи къ нему. Вся наша жизнь должна быть принаровлена къ этой цѣли: мы должны работать и изобрѣтать, чтобы построить жилище для сверхчеловѣка; мы должны готовить для него землю, животныхъ и растенія; ради него мы должны желать собственной нашей гибели²⁾.

„Новая цѣль“ разомъ мѣняетъ освѣщеніе всей окружающей насъ дѣйствительности, всего нашего настоящаго и прошлаго. Для человѣка она олицетворяетъ собою его задачу и вмѣстѣ съ тѣмъ—его оправданіе. Въ процессъ міровой эволюціи каждая ступень органическаго міра служить переходомъ отъ низшаго къ высшему: всѣ существа доселѣ производили изъ себя нѣчто высшее; въ человѣкѣ это восхожденіе жизни должно продолжаться: онъ также долженъ родить изъ себя высшую форму существованія—сверхчеловѣка. „Что такое обезьяна въ отношеніи къ человѣку: посмѣшище или мука стыда! Тѣмъ же самымъ долженъ быть и человѣкъ для сверхчеловѣка: посмѣшищемъ или мукою стыда. Вы прошли путь отъ червя къ человѣку и въ васъ еще остается многое отъ червя. Нѣкогда вы были обезьянами, да и сейчасъ еще человѣкъ—больше обезьяна, чѣмъ всякая другая обезьяна“³⁾!

Человѣкъ—во всѣхъ отношеніяхъ промежуточное звено, „канатъ, протянутый между животнымъ и сверхчеловѣкомъ и висящій надъ бездною“. Велико и достойно любви въ человѣкѣ—именно то, что онъ не есть окончательная цѣль,

1) Also sprach Zarathustra, VI, 13.

2) Ibid., VI, 16.

3) Ibid., 13.

а только *мостъ* къ сверхчеловѣку, переходная, а потому—преходящая форма жизни ¹⁾. Даже высшіе люди нашего времени—не болѣе, какъ такіе мосты и переходы, отцы и предки имѣющаго народиться сверхчеловѣка ²⁾. Переходъ къ лучшему будущему сказывается въ томъ отвращеніи, которое современность внушаетъ высшимъ людямъ, въ ихъ отчаяніи и презрѣніи къ настоящему: ибо въ этомъ отчаяніи обнаруживается ихъ влеченіе „къ берегамъ инымъ“ ³⁾.

Что же долженъ дѣлать человѣкъ, который видитъ въ самомъ себѣ только подготовительную ступень къ будущему? Онъ долженъ посвятить этому будущему всю свою мысль и волю; онъ не долженъ заботиться вмѣстѣ съ прочими людьми о возможно долгомъ сохраненіи и наибольшемъ благополучіи человѣка; вмѣсто того онъ долженъ видѣть свою основную задачу въ вопросѣ Заратустры: „*какъ преодолѣть человѣка?*“ Маленькая добродѣтель, мелкая житейская мудрость, мелочныя заботы, муравьиная суета, жалкое довольство и „счастіе большинства“,—вотъ что предстоитъ преодолѣть высшимъ людямъ ⁴⁾!

Отсутствіе конечной цѣли въ мірѣ равнозначительно отсутствію добра и зла въ немъ. Но тотъ, кто создаетъ человѣку цѣль, тѣмъ самымъ возвращаетъ землѣ ея смыслъ и ея будущее. Только этимъ творческимъ подвигомъ человѣкъ можетъ вновь содѣлать, чтобы добро различалось отъ зла ⁵⁾. Создать цѣль—значитъ внести смыслъ не въ одно только будущее. Созидая изъ человѣческаго матеріала сверхчеловѣка, мы тѣмъ самымъ создаемъ посмертное оправданіе всѣмъ уже умершимъ; мы сообщаемъ смыслъ и цѣль ихъ жизни и всему вообще прошедшему. Мы пересоздаемъ все бывшее въ желанное ⁶⁾, долженствовавшее быть. Вмѣстѣ

¹⁾ Ibid., 16, 418.

²⁾ Ibid., 411, 123.

³⁾ Ibid., 418, 16.

⁴⁾ Ibid., 16, 419.

⁵⁾ Ibid., 288.

⁶⁾ Ibid., 206; Nachträge zum Zarathustra, § 677, B. XII, 360.

съ тѣмъ мы даемъ человѣку счастье творчества, — то единственное счастье, которое имѣеть цѣну: всѣ люди должны участвовать въ созиданіи сверхчеловѣка и въ этомъ находить свое счастье ¹⁾.

„Сверхчеловѣкъ“ олицетворяетъ собою нашу новую и высшую любовь, единственный предметъ, достойный нашей любви и могущій удовлетворить нашу потребность въ ней ²⁾. Достоиню любви не настоящее и не прошедшее, а только будущее: слѣдуетъ любить не ближнихъ, а дальнихъ ³⁾. Мы можемъ любить истинною любовью только *нашихъ дѣтей*, то лучшее, высшее человѣчество, которое имѣеть отъ насъ родиться. Мы хотимъ создать новое существо, участвовать въ его рожденіи, любить его, носить его въ нашемъ чревѣ; въ сверхчеловѣкѣ мы имѣемъ цѣль, ради которой мы можемъ любить и уважать другъ друга: всякія другія цѣли достойны уничтоженія. Въ сверхчеловѣкѣ самое наше себялюбіе находить себѣ оправданіе, ибо оно служитъ признакомъ беременности: нынѣшнее человѣчество чревато будущимъ; его муки суть муки рожденія ⁴⁾.

XXIV.

Въ чемъ же заключаются тѣ качества сверхчеловѣка, которыя дѣлають его для насъ цѣлью? Если бы онъ былъ существомъ, всецѣло отъ насъ отличнымъ, безусловно намъ чуждымъ, мы не могли бы составить о немъ никакого представленія. Но, съ точки зрѣнія Ницше, *сверхчеловѣкъ есть продолженіе человека*. Его качества уже таятся въ насъ въ зародышѣ; мы можемъ судить о немъ по тому человѣческому матеріалу, изъ коего онъ имѣеть быть созданъ. „Когда я создавалъ сверхчеловѣка, — говоритъ Ницше, — я не могъ откинуть отъ него ничего человѣческаго. Вся ваша злоба

¹⁾ Nachträge zum Zarathustra, § 685, В. XII, 361

²⁾ Ibid., § 680, стр. 360.

³⁾ Also sprach Zarathustra, VI, 291.

⁴⁾ Ibid., 177, 236, 424; Nachträge zum Zarathustra, § 687, В. XII, 362.

и фальшь, вся ваша ложь и невѣжество, все это таится въ его сѣмени“ 1). Сверхчеловѣкъ есть „синтетическій человекъ“ по преимуществу: его образъ получается путемъ сведенія въ одно цѣлое того, что есть въ отдѣльныхъ людяхъ частичнаго и отрывочнаго 2). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ нѣтъ мѣста для того, что представляется въ человекѣ мелкимъ и ничтожнымъ: онъ олицетворяетъ совокупность всего, что есть великаго въ человекѣ, тотъ океанъ, въ которомъ должно потонуть наше презрѣніе 3).

Присматриваясь внимательно къ тѣмъ качествамъ, въ которыхъ Ницше видитъ признаки величія, зародыши сверхчеловѣчества, мы увидимъ, что это—большую частью опредѣленія, полученныя путемъ отрицанія средняго, обыденнаго человекѣка. Обыденный человекъ во всемъ покоренъ обычаю; напротивъ, великое въ человекѣ есть всегда „необычное“, „рѣдкое“; великъ тотъ, кто непохожъ на другихъ; но, такъ какъ эти „другіе“, т.-е. человѣческая толпа, въ различныхъ историческихъ эпохи обладаютъ далеко не одинаковой физиономіей, то и признаки величія въ различныхъ времена различны. Въ наши дни господства демократическаго идеала признакомъ величія является аристократизмъ: великъ тотъ, кто не идетъ со всѣми, кто уединяется отъ толпы, живетъ для себя, а не для другихъ, тотъ, кто отклоняется отъ общей нормы. Если отличительнымъ признакомъ обыденнаго человекѣка является послушаніе господствующей морали, то „великій“ человекъ стоитъ „внѣ противоположности добра и зла“: онъ—„преступникъ“ по существу, ибо онъ разбиваетъ всѣ существующія скривали цѣнностей: вся его жизнь есть непрерывное нарушеніе всѣхъ тѣхъ законовъ, коими управляется масса; зародышъ сверхчеловѣческаго въ немъ есть по преимуществу его „злота“. Въ противоположность „стадному человѣчеству“—великіе суть „отшельники“, „одинокіе“; изъ нихъ со временемъ выростетъ

1) Nachträge, § 692, В. XII, 362.

2) Also sprach Zarathustra, В. VI, 206.

3) Ibid., 14.

тотъ избранный народъ, который создасть изъ себя сверхчеловѣка.

Въ своемъ „Заратустрѣ“ Ницше между прочимъ изображаетъ рядъ типовъ „высшихъ людей“ нашего времени. Они еще носятъ на себѣ печать упадка—характерное отличие всего современнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они уже содержатъ въ себѣ зародыши имѣющаго родиться сверхчеловѣка: они—его предшественники и предки. Всѣ они—прежде всего отрпцатели, бѣглецы, ушедшіе отъ современнаго общества, отрѣшившіеся отъ современныхъ вѣрованій, „люди великаго презрѣнія и отчаянія“. Это—прежде всего самъ Заратустра—безбожникъ изъ безбожниковъ: онъ не знаетъ себѣ равнаго, ибо онъ отвергъ всякій законъ кромѣ собственной своей воли; всякое человѣческое общество служить для него предметомъ отвращенія; онъ спасается отъ людей въ уединеніи своей пещеры, расположенной на высочайшей горной вершинѣ, подъ снѣгомъ и льдомъ, среди недоступныхъ скалъ. Онъ—врагъ всякаго состраданія—хочетъ быть твердымъ какъ алмазъ; но онъ все-таки представляетъ собою только пророческое явленіе, подготовительную ступень къ сверхчеловѣку, ибо онъ не преодолѣлъ еще въ себѣ послѣдняго своего грѣха, послѣдняго остатка человѣчности—жалости къ лучшимъ, „высшимъ людямъ“.

Въ пещеру Заратустры стекаются посѣтителы,—тоже „высшіе люди“, но, однако, стоящіе ступеню ниже его; они ищутъ у него поученія и требуютъ помощи. Первымъ является прорпцатель, „проповѣдникъ великой усталости“, типъ современнаго пессимиста. Онъ учитъ, что „все въ мпръ безразлично, всякое стремленіе суетно, мпръ не имѣетъ смысла, знаніе давитъ какъ кошмаръ, исканіе бесплодно, и нѣтъ острововъ блаженныхъ“. За нимъ идутъ цари, пресытившіеся властью; имъ тошно господствовать надъ чернью, быть первыми среди сволочи; имъ противно занимать высшее положеніе, не будучи высшими по природѣ; въ самихъ себѣ и въ своихъ подданныхъ они видятъ только типъ человѣка выродившагося: они ищутъ того высшаго

человѣка, который достоинъ властвовать на землѣ. За царями слѣдуетъ „добросовѣстный духа“—ученый, разочаровавшійся въ своемъ знаніи. Его добросовѣстность не мирится съ диллетантизмомъ: онъ хочетъ знанія безусловно достовѣрнаго, точнаго и предпочитаетъ ничего не знать, нежели знать многое наполовину; и онъ подавленъ ничтожествомъ того, что доступно человѣческому знанію. Онъ посвятилъ свою жизнь изученію мозга пивки: это—его міръ, внѣ коего онъ ничего не знаетъ въ совершенствѣ. Другой типъ высшаго человѣка—волшебникъ—художникъ, разочаровавшійся въ своемъ искусствѣ. Онъ обладаетъ даромъ очаровывать, обманывать другихъ, но онъ не въ состояніи обмануть самого себя: передъ людьми онъ является въ роли великаго мага, но самъ онъ удрученъ сознаніемъ своего ничтожества и лжи своего творчества; все въ немъ ложь; онъ правдивъ только въ своемъ отвращеніи къ себѣ и другимъ, въ своей тоскѣ по недосягаемому идеалу человѣка великаго и правдиваго.

Далѣе Ницше изображаетъ „последняго папу“; этотъ святиль утратилъ вѣру „изъ благочестія“, потому что его религіозная потребность не нашла себѣ удовлетворенія въ его собственной религіи; и вотъ онъ странствуетъ безъ дѣла, безъ служенія и безъ радости, ошеломленный извѣстіемъ о смерти Бога. То же разочарованіе и та же печаль является намъ во образѣ „безобразнѣйшаго изъ людей“—„убійцы Бога“. Для него Богъ прежде всего—„свидѣтель человѣческой немощи“ и какъ бы ея олицетвореніе. Богъ видѣлъ всю глубину человѣческаго безобразія и позора: его состраданіе проникало всюду, не щадило человѣческаго стыда, давало чувствовать человѣку всю бездну его ничтожества. „Безобразнѣйшій изъ людей“ не вынесъ такого свидѣтеля: онъ умертвилъ Бога; это было для него актомъ мести.

Слѣдующій посѣтитель Заратустры—добровольный нищій, такъ же какъ и другіе—одинъ изъ отверженныхъ обществомъ. Онъ нѣкогда обладалъ большимъ состояніемъ, но устыдил-

ся своего богатства и проникся отвращеніемъ къ нынѣшнимъ богатымъ, этой „позлащенной черни“, которая хочетъ извлекать выгоды изъ всякаго сора. Отвернувшись отъ богатыхъ, „добровольный нищій“ обратился къ бѣднымъ отъ полноты своего сердца; но и они его не приняли: они также оказались „чернью“, мелкими, завистливыми людьми, возставшими рабами. Онъ удалился отъ бѣдныхъ и сталъ проповѣдовать коровамъ.

Послѣднимъ посѣтителемъ является тѣнь самого Заратустры, олицетвореніе всего его отрицанія и скорби. „Съ тобою,—говорить ему тѣнь,—я стремился ко всему запрещенному, худшему, отдаленнѣйшему: моя единственная добродѣтель—въ томъ, что я не страшился никакихъ запретовъ. Съ тобою я разбилъ все то, что почитало мое сердце; я отбросилъ всѣ пограничные камни и иконы; я побѣждалъ навстрѣчу опаснѣйшимъ желаніямъ, поднялся надо всякимъ преступленіемъ. Съ тобою я разучился вѣрить въ слова, цѣнности и великія имена“. Это—призракъ, который бродитъ безъ радости и безъ цѣли, и Заратустра бѣжитъ отъ своей мрачной тѣни.

Въ итогѣ всѣ тѣ „вышіе люди“, которые стекаются въ пещерѣ Заратустры, сближаются между собою *въ отрицаніи*; все это—люди, отчаявшіеся въ Богѣ и въ современномъ человѣкѣ: выраженіемъ ихъ общаго настроенія служить обрядъ „поклоненія ослу“, кощунственная пародія на богослуженіе, которую они всѣ вмѣстѣ совершаютъ въ пещерѣ Заратустры. Само по себѣ отрицаніе не можетъ быть идеаломъ и цѣлью, а потому Ницше неудовлетворенъ своими „вышними людьми“: они представляютъ собою только подготовительную ступень и предзнаменованіе грядущаго поколѣнія „сверхчеловѣковъ“. Заратустра ждетъ другихъ, болѣе могущественныхъ, побѣдоносныхъ, прекрасныхъ душою и тѣломъ: они должны быть „смѣющимися львами“. Только такихъ людей Заратустра можетъ назвать своими дѣтьми и наслѣдниками. „Вы, для меня недостаточно прекрасны и благородны,—говоритъ онъ высшимъ людямъ.—Мнѣ нужны

чистыя, гладкія зеркала для моихъ ученій; на вашей поверности еще искажается мой собственный образъ!“

Ницше пытается возвыситься надъ отрицательными опредѣленіями и наполнить идею „сверхчеловѣка“ положительнымъ содержаніемъ; но всѣ эти положительныя черты разлетаются какъ дымъ при первомъ прикосновеніи анализа. Въ основѣ всего ученія о сверхчеловѣкѣ лежитъ частью прикрашенное образами отрицаніе, частью безысходное противорѣчіе несовмѣстимыхъ стремленій.

То положительное качество, которое Ницше прежде всего цѣнитъ въ сверхчеловѣкѣ, есть сила: мы видѣли, что онъ признаетъ степень могущества единственнымъ мѣриломъ цѣнности. Если стать на эту точку зрѣнія, то станетъ очевиднымъ, что вся цѣнность сверхчеловѣка сводится *единственно къ контрасту* съ людьми болѣе слабыми, съ массою, съ толпою. Между тѣмъ мы видѣли, что масса людей, съ точки зрѣнія Ницше, не только не обладаетъ никакой цѣнностью, но напротивъ того, есть нѣчто заслуживающее презрѣнія и отвращенія. Если „сверхчеловѣкъ“ цѣненъ лишь по сравненію съ тѣмъ, что никакой цѣны не имѣетъ, то очевидно, что и самъ онъ—цѣнность только воображаемая, мнимая. Съ космической точки зрѣнія онъ—одно изъ ничтожнѣйшихъ явленій, песчинка на земной корѣ, которая немного выше нѣкоторыхъ другихъ песчинокъ.

Все значеніе сверхчеловѣка сводится къ контрасту. Самъ по себѣ онъ—ничто: чтобы быть чѣмъ нибудь, для него необходимо возвышаться, красоваться *надъ другими*: ему нуженъ человѣческой пьедесталь, „чернь“, надъ которой онъ могъ бы куражиться и зрители, передъ которыми онъ могъ бы позировать. Неужели въ этомъ заключается „смыслъ земли“ и „цѣль человѣческаго существованія“!

Самъ Ницше смутно чувствуетъ фальшь собственной точки зрѣнія. Для него „сверхчеловѣкъ“ есть высшая форма существованія. Но что можетъ значить „высшее“ и „низшее“ въ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни верха, ни низа, гдѣ отсутствуетъ самый масштабъ для опредѣленія превосходства од-

нѣхъ формъ надъ другими! Современные эволюціонисты, изображаютъ развитіе органическаго міра какъ прогрессивное движеніе, какъ переходъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. На этой гипотезѣ покоятся и надежды Ницше на возможный переходъ человѣчества въ высшій типъ сверхчеловѣка. Но вдругъ онъ спрашиваетъ себя, не лежитъ ли въ основѣ всей гипотезы развитія фальшивая и произвольная іерархія цѣнностей? Кто намъ сказалъ, что переходъ отъ одной формы къ другой есть переходъ къ лучшему и высшему? Вѣдь въ сущности можно такъ же убѣдительно доказать противоположное, т.-е. что весь процессъ міровой эволюціи, до человѣка включительно, есть непрерывный упадокъ: человѣкъ и какъ разъ мудрѣйшій человѣкъ есть крайній предѣлъ самопротиворѣчія и заблужденія природы, ибо онъ—наиболѣе страждущее существо; самый органическій міръ есть продуктъ вырожденія міра неорганическаго ¹⁾).

Стать „по ту сторону добра и зла“, какъ этого хочетъ Ницше, значитъ отрѣшиться отъ всякихъ цѣнностей: съ этой точки зрѣнія одинъ человѣкъ не выше и не цѣннѣе другого, ибо всѣ люди, какъ и всѣ вообще явленія природы, одинаково безцѣнны. Казалось бы, если такъ, о „сверхчеловѣкѣ“ не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, „сверхчеловѣкъ“ есть центральное понятіе философіи Ницше: онъ—именно то, что придаетъ красоту, смыслъ и привлекательность всей картинѣ міровой жизни. Какъ же, спрашивается, могло произойти это превращеніе безразличнаго въ прекрасное, цѣнное.

Самъ Ницше разоблачилъ свою тайну въ слѣдующемъ поэтическомъ образѣ.

„Эта гора сообщаетъ красоту и значеніе всей мѣстности, надъ которой она господствуетъ. Сказавши это себѣ въ сотый разъ, мы имѣемъ неблагоразуміе и благодарность думать, что именно она, источникъ этого очарованія,

¹⁾ Nachträge zum Zarathustra, § 676, В. XII, 359.

должна быть очаровательнѣйшею частью мѣстности; мы свершаемъ восхожденіе и испытываемъ разочарованіе. Внезапно для насъ исчезаетъ волшебство, украшавшее какъ гору, такъ и мѣстность! Мы забыли, что многое благое и великое представляется таковымъ только съ извѣстнаго разстоянія, притомъ непременно снизу, а не сверху,—только при этомъ условіи оно можетъ на насъ дѣйствовать. Быть можетъ, среди окружающихъ ты знаешь людей, которые должны смотрѣть на себя съ извѣстнаго разстоянія, чтобы находить себя вообще сносными или привлекательными и дающими силу“ ¹⁾

Въ этихъ строкахъ, написанныхъ за два года до составленія „Заратустры“, Ницше не имѣлъ въ виду „сверхчеловѣка“; и, однако, въ нихъ—весь секретъ послѣдняго. Если посмотрѣть на него сверху, то онъ разоблачится передъ нами во всей своей пустотѣ и безсодержательности. Чтобы видѣть въ немъ „красу и смыслъ жизни“,—для этого нужно смотрѣть на него снизу, въ извѣстномъ отдаленіи и искусственной перспективѣ. „Сверхчеловѣкъ“ представляетъ собою бьющее на нервы и эффектное зрѣлище; но нетрудно убѣдиться, что весь эффектъ достигается путемъ оптического обмана.

Общій смыслъ цѣлаго ряда опредѣленій „сверхчеловѣка“ сводится къ отрицанію человѣка и человѣчности. Признавая въ Наполеонѣ I воплощеніе своего идеала, Ницше прямо говоритъ, что онъ былъ „синтезомъ сверхчеловѣка и нечеловѣка“ ²⁾. Сочетаніе такихъ качествъ—какъ необычайная мощь и необычайная безчеловѣчность—заставляетъ его видѣть „сверхчеловѣка“ и въ Цезарѣ Борджіа ³⁾. Спрашивается, что же можетъ быть привлекательнаго въ человѣкѣ хищникѣ, эксплуататорѣ, жестокомъ, не вѣдающемъ жалости?! Сама по себѣ безчеловѣчность можетъ внушать только отвращеніе; но въ извѣстной обстановкѣ она можетъ

¹⁾ Die fröhliche Wissenschaft, § 15, B. V, 54—55.

²⁾ Zur Genealogie der Moral, B. VII, 337.

³⁾ Götzen-Dämmerung, B. VIII, 145—148.

произвести на насъ нѣкоторый театральный эффектъ: по контрасту съ мелкими воришками и стадными животными, носящими человѣческой образъ, крупный хищникъ можетъ показаться намъ львомъ; жестокость, если мы будемъ постоянно сопоставлять ее съ дряблостью, слабонервностью и изнѣженностью, сойдетъ въ концѣ концовъ за „твердость алмаза“; безжалостность будетъ рано или поздно принята нами за „силу воли“, мѣдный лобъ за благородный металлъ, а красивыя слова—за философію. Самъ Ницше говоритъ: *un monstre gai vaut mieux qu'un sentimental ennuyeux* ¹⁾.

Философія Ницше представляетъ собою протестъ противъ измельчанія и вырожденія современнаго человѣка; но именно въ этомъ вырожденіи кроется одинъ изъ источниковъ ея колоссальной популярности. Намъ наскучили „хмурые люди“, безконечной вереницей проходящіе передъ нами. Наши нервы утомлены однообразною картиною окружающей насъ житейской пошлости, и нашъ выродившійся вкусъ жаждетъ сильныхъ ощущеній! „Сверхчеловѣкъ“ доставилъ намъ зрѣлище, которое насъ развлекло и какъ будто наполнило на время одинъ изъ пробѣловъ нашего существованія. Но теперь мы довольно развлеклись, и пора сорвать съ него маску.

Одно изъ основныхъ положеній Ницше заключается въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, что было бы цѣннымъ само по себѣ. Отсутствие абсолютныхъ цѣнностей должно быть восполнено творчествомъ: иначе жизнь становится невыносимою ²⁾. „Сверхчеловѣкъ“ съ точки зрѣнія самого Ницше—не болѣе, какъ поэтической вымыселъ, цѣнность выдуманная, сочиненная для того, чтобы скрасить жизнь. Его Заратустра говоритъ, что онъ не могъ бы помириться со своимъ человѣческимъ существованіемъ, если бы человѣкъ не былъ поэтомъ и гадателемъ ³⁾. Но поэзія по Ницше есть атмосфера лжи; всѣ поэты лгутъ, ибо они привносятъ въ

¹⁾ Der Wille zur Macht, §§ 16, B. XV, 32.

²⁾ Nachträge zum Zarathustra, § 675, B. XII, 358.

³⁾ Also sprach Zarathustra, B. VI, 206.

міръ несуществующую красоту; въ качествѣ поэта лжетъ и самъ Заратустра. „Поистинѣ,—говоритъ онъ,—насъ (поэтовъ) вѣчно влечетъ кверху — въ царство облаковъ; на облака сажаемъ мы наши пестрыя чучела и называемъ ихъ тогда богами и сверхчеловѣками. Они какъ разъ достаточно легки для этихъ стульевъ, всѣ эти боги и сверхчеловѣки“. И нѣсколько далѣе: „усталъ я отъ поэтовъ“ 1).

Кажется, трудно злѣе посмѣяться надъ той завѣтною мечтою Ницше, которая олицетворяла для него смыслъ его существованія: и, однако, мы имѣемъ здѣсь его подлинное изреченіе. За невозможностью наполнить жизнь дѣйствительнымъ содержаніемъ ему оставалось только *казаться*, позировать передъ другими и любоваться самимъ собою. Его „Заратустра“ играла для него роль зеркала, украшеннаго изображенія его собственной личности. Въ немъ Ницше хотѣлъ воплотить идеалъ своего собственнаго величія; но самъ же онъ и развѣнчалъ это величіе: отъ него самого мы узнаемъ, что въ великомъ человѣкѣ онъ видитъ „всегда только актера своего идеала“ 2). И въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи Заратустры чувствуется, что онъ разыгрываетъ роль, въ которую самъ онъ плохо вѣритъ.

Прежде всего онъ—*творецъ, учитель и законодатель*. Мы уже видѣли, что, какъ творецъ, онъ не вѣритъ въ собственное свое творчество, ибо въ концѣ концовъ оно сводится къ созданію иллюзій, лживыхъ призраковъ красоты, добра и

1) Ibid.; 188; ср. вообще 186—196. Въ *Menschliches Allsumenschliches*, § 164, В. II, 171—174, Ницше говоритъ о „религіозномъ или наполовину религіозномъ“ суевѣріи, приписывающемъ генію сверхчеловѣчскія качества; такое суевѣріе онъ считаетъ отчасти полезнымъ для массы, но гибельнымъ для самого генія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ заключать, будто неодинаковое отношеніе къ „сверхчеловѣку“ составляетъ грань между „серединымъ“ и послѣднимъ періодомъ дѣятельности нашего философа. Приведенный только-что текстъ изъ «Заратустры» показываетъ, что и здѣсь проповѣдь «сверхчеловѣка» уживается съ отрицательнымъ къ нему отношеніемъ и даже—съ насмѣшкой надъ нимъ.

2) *Jenseits von Gut und Böse*, § 97, В. VII, 98.

величія, однимъ словомъ, *мнимыхъ цѣнностей*. Онъ „учитель“, которому учить нечему, ибо онъ не вѣрить въ истину: для него всякое человѣческое сужденіе есть ложь. „Я уже ни во что не вѣрю,—говоритъ Ницше,—таковъ правильный образъ мысли творческихъ личностей“¹⁾. На этомъ основаніи Заратустра смѣется надъ тѣми учениками, которые въ него вѣрятъ. „Вы говорите, что вѣрите въ Заратустру,—вѣщаетъ онъ имъ.—Но что значитъ Заратустра! Вы—мои вѣрующіе, но что могутъ значить всѣ вѣрующіе! Вы еще не искали самихъ себя и поэтому нашли меня. Такъ поступаютъ всѣ вѣрующіе, и потому-то всякая вѣра такъ мало значить. Теперь я зываю къ вамъ, чтобы вы утратили меня и нашли самихъ себя; и только тогда я возвращусь къ вамъ, когда всѣ вы отречетесь отъ меня“²⁾. Слова эти не суть только предостереженіе противъ вѣры въ авторитетъ, но отрицаніе самаго учительства: Заратустра не имѣетъ сообщить своимъ ученикамъ *никакихъ истинъ*³⁾. Онъ проповѣдуетъ имъ сверхчеловѣка и побуждаетъ ихъ къ его исканію; но „сверхчеловѣкъ“ для него—не истина, а только поэтическая греза.

Также фиктивно и „законодательство“ Заратустры. Мы уже видѣли, что философія Ницше отрицаетъ возможность какого бы то ни было *всеобщаго* законодательства, какихъ бы то ни было предписаній, обязательныхъ для *всѣхъ* людей. Соотвѣтственно съ этимъ Заратустра заявляетъ, что его законодательство обращается *не ко всѣмъ, а только къ нѣкоторымъ*, не къ народу, а къ избраннымъ. Онъ ищетъ себѣ не стада, а *спутниковъ*, которымъ онъ могъ бы показать сіяніе радуги и всѣ ступени сверхчеловѣчества⁴⁾. Но воз-

1) Aus der Zeit des Zarathustra, § 68, В. VIII, 250.

2) Also sprach Zarathustra, В. VI. 187, 115.

3) Ср. выше, § X; ср. также приведенное уже изреченіе объ „истинномъ учителѣ“. Jenseits von Gut und Böse, § 63, В. VII, 92.

4) Also sprach Zarathustra, В. VI, 28. Впрочемъ, какъ мы видѣли, въ Заратустрѣ и другихъ сочиненіяхъ Ницше есть множество текстовъ, гдѣ „сверхчеловѣкъ“ является въ роли единой цѣли, коей всѣ люди должны служить

можно ли, съ точки зрѣнія философіи Ницше, какое бы то ни было объективное законодательство, хотя бы только для избранныхъ? Вѣдь „избранные“ суть именно тѣ, которые не признають для себя ничего обязательнаго, отрицають самую идею обязанности!

Законодательство, по Ницше, есть признакъ господства надъ другими; но „господствовать,—говорить онъ,—значить, навязывать мой типъ. Вѣдь это ужасно! Развѣ мое счастье не состоитъ именно въ созерцаніи множества другихъ типовъ“ ¹⁾. Въ концѣ концовъ ученіе о „сверхчеловѣкѣ“ есть доведенный до крайнихъ предѣловъ индивидуализмъ, который исключаетъ возможность связать волю индивида какими бы то ни было правилами. Поэтому все законодательство Заратустры для самого Ницше связывается съ вопросительнымъ знакомъ. За невозможностью создать единое законодательство, онъ прямо заявляетъ, что „Заратустра есть герольдъ, который вызываетъ многихъ законодателей“ ²⁾. Но множество законодателей, изъ коихъ каждый законодательствуетъ только для себя, означаетъ въ сущности отсутствіе какого бы то ни было законодательства. Чувствуя это затрудненіе, Ницше дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующую обмолвку: цѣль законодательства заключается въ томъ, чтобы вызвать духъ противорѣчія. „Отъ меня долженъ исходить законъ, какъ будто я всѣхъ хочу пересоздать по моему образу, дабы въ борьбѣ противъ меня личность познала себя и окрѣпла“ ³⁾. Въ концѣ концовъ Ницше такъ и умеръ съ неразрѣшеннымъ вопросомъ: „какой смыслъ заключается вообще въ изданіи законовъ“ ⁴⁾.

Выше мы видѣли, что по Ницше образъ сверхчеловѣка

частью какъ матеріалъ, частью какъ орудія, сознательныя или слѣпныя. Но это—одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми вообще изобилуетъ ученіе Ницше.

1) Nachträge zum Zarathustra, § 706, В. XII, 365.

2) Nachträge zum Zarathustra, § 707, В. XII, 365.

3) Ibid, § 705.

4) Ibid, § 707.

получается путемъ сведенія воедино всего великаго, что есть въ отдѣльныхъ людяхъ. Теперь оказывается, что всѣ признаки человѣческаго величія обладаютъ характеромъ фиктивнымъ. Спрашивается, какая же величина можетъ получить въ результатѣ синтеза множества нулей!

Въ числѣ признаковъ сверхчеловѣчества мы оставили пока въ сторонѣ одинъ; это—веселость, смѣхъ, радостность существованія, побѣдившаго въ себѣ страданія и достигшаго высшей своей цѣли. Но и тутъ Заратустра является прежде всего и больше всего актеромъ своего идеала. Мы уже имѣли случай убѣдиться, что веселость у Ницше есть маска, способъ сокрытія страданій. Разъ предметомъ всей этой радости служатъ мнимыя цѣнности, *вымышленная* цѣль жизни, веселость не можетъ не быть напускною, театральною. Въ самомъ смѣхѣ Заратустры чувствуется не радость, а горькая насмѣшка надъ человѣкомъ и его философскимъ исканіемъ, попытка *высмѣять жизнь!* Попытка эта, однако, не всегда удается. „Ты потерялъ твою цѣль,—говоритъ Заратустра своей тѣни;—горе тебѣ, какъ сможешь ты переболѣть и вышутить эту потерю. Вѣдь тѣмъ самымъ ты потерялъ твой путь“. И тотчасъ вслѣдъ затѣмъ Заратустра приглашаетъ тѣнь въ пещеру со словами: „сегодня вечеромъ у меня будутъ танцы“¹⁾.

Мы уже ознакомились съ посѣтителеми, собирающимися въ этой пещерѣ. Въ отвѣтъ на запросы всѣхъ этихъ страждущихъ и неудовлетворенныхъ жизнью Заратустра предлагаетъ имъ пуститься въ плясъ. „Вознесите сердце, братья мои, и не забудьте ноги. Дайте волю ногамъ, вы, искусные танцоры, а еще лучше—станьте на голову! Этотъ вѣнецъ смѣха, этотъ вѣнецъ изъ розъ, я самъ возложилъ его себѣ на голову. Въ наши дни никто, кромѣ меня, не оказался для этого достаточно сильнымъ!“²⁾.

Проповѣдуя любовь къ жизни, Заратустра, однако, самъ

¹⁾ Also sprach Zarathustra, B. VI, 399.

²⁾ Ibid., 428.

убѣжденъ въ безуміи этой любви: „во всякой любви,—говоритъ онъ,—есть безуміе; но во всякомъ безуміи есть доля разума. И мнѣ, при всемъ моемъ расположеніи къ жизни, кажется, что бабочки, мыльные пузыри и всѣ тѣ люди, которые имъ подобны, всѣхъ лучше знаютъ, что такое счастье“ ¹⁾. Самому Заратустрѣ, однако, не дается счастье бабочки и смѣхъ въ немъ не въ состояніи пересилить грусть. Въ прекрасный лѣтній вечеръ онъ любитъ пляска дѣвушекъ на лѣсной полянѣ. Но танцы кончились, дѣвушки удалились и имъ овладѣла грусть. „Солнце уже давно закатилось,—молвилъ онъ, наконецъ;—на лугу стало сыро, изъ лѣсовъ повѣяло прохлагою. Что-то неизвѣстное надвигается на меня и смотритъ вопросительно. Какъ, ты еще живешь, Заратустра? Почему, для чего, какою силою, зачѣмъ, какимъ образомъ! Развѣ не безумно продолжать жизнь! Друзья мои, вѣдь это вечеръ такъ во мнѣ вопрошаетъ! Простите мнѣ мою грусть! То было вечеромъ: простите мнѣ, что былъ вечеръ“ ²⁾.

Въ эти минуты скорби Ницше словно забываетъ роль: тщеславіе уступаетъ мѣсто искренности, маска сверхчеловѣка отпадаетъ, и въ его рѣчахъ звучитъ симпатичная, человѣческая нота. Въ страданіяхъ своихъ онъ, конечно, не является актеромъ. Но вся его душевная жизнь есть непрерывная смѣна противоположныхъ состояній, рядъ скачковъ изъ крайности въ крайность. Въ борьбѣ съ безысходною тоскою, которая поднимается изъ глубины его души, онъ живетъ въ вѣчно взвинченномъ настроеніи; бредъ величія постоянно беретъ въ немъ верхъ надъ сознаниемъ его человѣческой немощи. Его самомнѣніе не знаетъ предѣла. „Я хочу создать вещи,—говоритъ онъ,—противъ которыхъ безсильно время, создать для себя по формѣ и по существу маленькое безсмертіе; я никогда не былъ достаточно скромнень, чтобы мечтать о меньшемъ“. Своего „Зара-

¹⁾ Ibid., 57—58.

²⁾ Ibid., 159.

тустру“ онъ называетъ „глубочайшею книгою, какою когда-либо обладало человѣчество“ ¹⁾). Со дня „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“, т.-е. со дня появленія его собственнаго ученія, онъ предлагаетъ начать новое лѣтосчисленіе ²⁾). Его alter ego—Заратустра обставленъ у него символами мудрости и могущества: надъ головою Заратустры парить орель, „горделивѣйшее изъ животныхъ“, шею орла обвиваетъ змѣя — „мудрѣйшее изъ животныхъ“ ³⁾). Къ этимъ вѣстникамъ мудрости присоединяется еще и левъ—знаменіе грядущаго поколѣнія „сверхчеловѣковъ“, „дѣтей Заратустры“. Онъ ласкается къ Заратустрѣ и отгоняетъ отъ его пещеры посѣтителей, дряблую породу „высшихъ людей“ нашего времени. Въ своемъ ученіи Ницше видитъ начало всемірнаго кризиса, всеобщей революціи, имѣющей наступить не позже 1890 года. „Я—рокъ для человѣчества,—пишетъ онъ своему другу—Брандесу—за годъ до своего умопомѣшательства“ ⁴⁾).

Впрочемъ, въ ясныя минуты Ницше судить о себѣ болѣе правильно. Въ предисловіи къ статьѣ о Вагнерѣ онъ пишетъ между прочимъ: „Я такой же сынъ моего времени, какъ и Вагнеръ, т.-е. декадентъ, съ той разницей, что я это понялъ и возсталъ противъ этого“ ⁵⁾). Подъ этимъ сужденіемъ и мы подпишемся.

XXV.

З а к л ю ч е н і е .

Что ученіе Ницше носить на себѣ печать упадка философской мысли, въ этомъ мы убѣдимся, какъ только попытаемся подвести ему итоги. Во всѣхъ его произведеніяхъ чувствуется крупное философское и въ особенности художественное дарованіе. Въ отдѣльныхъ его афоризмахъ насъ

1) *Götzen-Dämmerung*, VIII, 165.

2) *Der Wille zur Macht*, § 62, VIII, 314.

3) *Also sprach Zarathustra*, VI, 29.

4) *Brandes, Menschen und Werke*, 223.

5) *Der Fall Wagner*, VIII, 1.

поражаєть глѹбина постановки философскихъ вопросовъ, тонкость наблюденія и критики, фейерверкъ остроумія, богатство и яркость художественныхъ образовъ. Но въ цѣломъ философія Ницше производитъ впечатлѣніе чего-то необычайно нестройнаго и нескладнаго: она изумляетъ отсутствіемъ логическаго единства и скудостью своихъ результатовъ.

Въ ней замѣчается необычайная пестрота, анархія разнородныхъ началъ, несогласованныхъ другъ съ другомъ и не продуманныхъ до конца. Рядомъ съ некритическимъ отрицаніемъ метафизики мы находимъ здѣсь столь же некритическія утвержденія о сущемъ, — метафизику наивную въ своемъ безотчетномъ догматизмѣ; элементы позитивизма въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ нашего философа сталкиваются съ глумленіемъ надъ позитивизмомъ и монистическимъ ученіемъ о сущемъ. Теорія познанія Ницше, которая, точнѣе говоря, представляетъ собою отрицаніе познанія, есть сознательное возвращеніе къ досократовской точкѣ зрѣнія древнихъ софистовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это — полное ниспроверженіе всѣхъ прочихъ отдѣловъ изложеннаго ученія, ибо все это ученіе представляетъ собою беззастѣнчивое примѣненіе категорій разсудка, отвергнутыхъ теоріей познанія нашего философа. Далѣе, въ нравственномъ ученіи Ницше мы находимъ, съ одной стороны, ту же софистику, отрицаніе какихъ бы то ни было объективныхъ цѣнностей и нормъ поведенія, а съ другой стороны — ученіе объ объективномъ масштабѣ цѣнностей, который коренится въ самой природѣ сущаго; къ тому же масштабъ этотъ оказывается двойственнымъ. Въ соціальной философіи Ницше мы находимъ доведенный до анархической крайности индивидуализмъ, исключаящій возможность какого бы то ни было законодательства, и рядомъ съ этимъ — вѣру въ философа — законодателя будущаго, который переустроитъ соціальный бытъ челоѳчества на новыхъ началахъ. Наконецъ, во образѣ сверхчелоѳка — *полузѳря, полуфилософа*, мы находимъ какъ бы сводъ всѣхъ внутреннихъ противорѣчій ученія Ницше и его настроенія.

Въ концѣ концовъ философія Ницше перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ и начинаетъ рычать по звѣриному: послѣдній отвѣтъ Заратустры на философскіе запросы современнаго человѣчества есть львиный ревъ, который разгоняетъ всѣхъ ищущихъ и вопрошающихъ. Дальше, кажется, трудно итти по пути одичанія и вырожденія мысли. А между тѣмъ, въ качествѣ „знаменія будущаго“ этотъ пророческій левъ показываетъ, чего мы еще можемъ ждать отъ „дѣтей“ Заратустры!

Намъ уже неоднократно приходилось указывать на важность той основной задачи, которую поставилъ себя Ницше, а также на глубину и серьезность его умственного исканія. Между тѣмъ, окончательные выводы его философіи граничатъ съ пошлостью! Чѣмъ объясняется это колоссальное несоотвѣтствіе между затраченными силами и достигнутымъ результатомъ? Самая необычайность дарованій Ницше доказываетъ, что его неудача обусловливается главнымъ образомъ причинами, не отъ него зависящими. Въ этой неудачѣ сказывается общее ослабленіе и утомленіе мысли, которое составляетъ характеристическую черту всей нашей эпохи.

Въ той умственной атмосферѣ, которою мы дышемъ, есть что-то, что подрѣзываетъ крылья философіи. Въ дни высшаго процвѣтанія философіи ее одушевляла вѣра въ разумъ, вѣра въ мысль, лежащую въ основѣ существующаго. Въ эпоху расцвѣта древней философіи Сократъ опредѣлялъ сущее какъ *понятіе*, Платонъ видѣлъ въ немъ *идею*. Аристотель вѣрилъ въ *форму всѣхъ формъ*, всеобъемлющій міровой разумъ. Въ дни классической нѣмецкой философіи Кантъ училъ, что *разсудокъ есть законодатель природы*, что весь міръ явленій обусловленъ формами мысли; Фихте понималъ вселенную какъ *откровеніе абсолютнаго „я“*; Шеллингъ и Гегель пытались понять міровой процессъ какъ *процессъ развитія „абсолютнаго духа“*.

Для величайшихъ мыслителей древности и новаго времени вѣрить въ мысль значило признавать въ ней не только наше субъективное состояніе, а *объективное опредѣленіе су*

щаго. Мы уже видѣли, что въ этомъ состоитъ предположеніе не только всякой философіи, но и всякаго вообще познанія, болѣе того,—всякаго акта нашего сознанія. Еслибы бытіе было безусловно чуждо мысли, оно не только было бы абсолютно непознаваемо, оно не могло бы и являться намъ, ибо все то, что намъ является, тѣмъ самымъ становится мыслью, *являетъ себя какъ мысль*. Если бы мысль была только нашимъ субъективнымъ состояніемъ, если бы она не выражала собою объективную дѣйствительность сушаго, она была бы потому самому призракомъ безъ реального содержанія: мы не могли бы познавать ни сушаго, ни явленій. Въ концѣ концовъ познаніе покоится на томъ предположеніи, что мысль есть универсальная, всеобъемлющая форма существующаго.

Предположеніе это не можетъ быть доказано, ибо оно лежитъ въ основѣ нашего сознанія, обуславливаетъ собою всякую нашу мысль и, слѣдовательно,—всякое наше доказательство: прежде, чѣмъ доказывать что бы то ни было, мы уже предполагаемъ всеобщность и необходимость самыхъ формъ мысли, приложимость этихъ формъ къ существу: всякое доказательство уже исходитъ изъ того предположенія, что мысль можетъ служить выраженіемъ бытія и что, слѣдовательно, она составляетъ его опредѣленіе.

Съ вѣрою въ мысль, универсальную и всеобщую, тѣсно связано другое предположеніе нашего сознанія, столь же необходимое и столь же недоказуемое, *предположеніе универсальной и всеобщей цѣли*, лежащей въ основѣ всего существующаго. Все наше сознаніе и вся наша жизнь представляются въ видѣ *ряда цѣлей*, при чемъ разнообразію отдѣльныхъ проявленій нашего сознанія и нашей дѣятельности соотвѣтствуетъ множественность цѣлей; но все это разнообразіе цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ, предполагаетъ, какъ уже было выше сказано, *единую безусловную цѣль*, ради которой вообще стоитъ жить, дѣйствовать и мыслить, такую цѣль, которая *желательна сама по себѣ*, а не ради чего-нибудь другого. Иначе—все въ нашей жизни безцѣльно,

нелогично, бессмысленно: все въ ней ложь и весь нашъ разумъ—иллюзія. Эта цѣль не можетъ быть продуктомъ, *результатомъ* нашей мысли, ибо она обусловливаетъ всякую мысль. Поэтому самому она не можетъ быть и доказана нами, ибо всякое доказательство уже предполагаетъ, что *есть* безусловная цѣль, ради которой вообще стоитъ мыслить, доказывать. Словомъ, въ основѣ нашего сознанія лежитъ предположеніе такой цѣли, которая не обусловлена, а, напротивъ того, обусловливаетъ и оправдываетъ насъ самихъ,—предположеніе цѣли *универсальной, всеобщей*.

Великаго можетъ достигнуть только та философія, которая вѣритъ въ свои предположенія, въ тѣ необходимые постулаты, которые обусловливаютъ всякое вообще сознаніе. Отрекаясь отъ того, чѣмъ жива всякая мысль, чѣмъ дышетъ разумъ, философія отрекается отъ самой себя, осуждаетъ себя на неизбѣжное вырожденіе.

Это и есть то самое, что наблюдается въ главнѣйшихъ теченіяхъ философской мысли второй половины XIX столѣтія. При всей своей разнородности ученія наиболѣе популярныя въ эту эпоху,—пессимизмъ, матеріализмъ и позитивизмъ сближаются между собою въ общемъ невѣріи въ мысль, въ общей реакціи противъ идеализма, господствовавшего раньше. Въ основѣ пессимизма Шопенгауэра лежитъ непримиримый дуализмъ міра какъ воли и міра какъ представленія. Весь міръ представленій есть ложь, иллюзія; сущее безусловно чуждо мысли, оно въ корнѣ бессмысленно, неразумно и безцѣльно. Съ точки зрѣнія матеріализма, точно такъ же, все существующее есть проявленіе бессмысленной, неразумной силы; самая мысль—не болѣе какъ частное проявленіе слѣпой стихіи, *функция моза*. Точно такъ же ученіе позитивистовъ и агностиковъ различныхъ оттѣнковъ о *непознаваемости сущаго* значить въ концѣ концовъ, что *сущее безусловно чуждо мысли*. Въ дальнѣйшей стадіи своего развитія эта точка зрѣнія должна перейти въ совершенный иллюзіонизмъ. Кто отвергаетъ познаваемость сущаго, тотъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ от-

вергнуть въ концѣ концовъ и *познаваемость явленій* сушаго. Къ этому результату, какъ мы видѣли, дѣйствительно пришелъ Ницше, который отвергъ самое понятіе явленія.

Утративъ вѣру въ разумъ, философія должна была отчаяться и въ человѣкѣ; ибо, если разумъ, то что составляетъ отличіе человѣка отъ животнаго, есть ложь, то нѣтъ уже ничего, что оправдывало бы вѣру въ человѣческое достоинство. Софистическое ученіе Ницше представляетъ собою завершеніе упадка новѣйшей философской мысли и, надо надѣяться, крайній его предѣлъ. Но это ученіе, какъ и многія другія, даетъ только теоретическую форму тому, что переживаетъ цѣлое общество, его умственнымъ стремленіямъ, чаяніямъ и надеждамъ. Въ упадкѣ философіи отразился общій упадокъ современнаго человѣчества.

Что въ наши дни личность обезличилась, вкусы выродились, интересы измельчали, и творчество изсякло, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ницше вѣрно подмѣтилъ явленіе; но онъ не сумѣлъ дать ему сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія. Прежде всего очевидно, что вырожденіе личности не можетъ быть объяснено демократизаціей современнаго общества. Развѣ демократія породила „американизмъ“, обуявшій современное общество? Она ли виновата въ преобладаніи матеріальныхъ интересовъ надъ умственными? Скорѣе наоборотъ, страсть къ наживѣ связана съ ничѣмъ не ограниченной конкуренціей, съ неравенствомъ состояній, съ безпредѣльною возможностью накоплять богатства и сосредоточивать ихъ въ немногихъ рукахъ: она есть неизбѣжное сопровождающее *капиталистическаго строя*. Если современный рабочій играетъ роль колеса, винтика общественнаго механизма, то виновата въ этомъ опять таки не демократія: какъ разъ наоборотъ, именно демократическое движеніе нашихъ дней задается цѣлью обезпечить рабочему „человѣческія условія существованія“, сократить его рабочее время, дабы дать ему досугъ для умственной дѣятельности, саморазвитія и самообразованія. Рабочее законодательство XIX столѣтія уже

много сдѣлало для того, чтобы положить предѣлъ эксплоатации труда и ослабить „безличное рабство“ рабочаго класса.

Обезличеніе личности коренится вовсе *не въ существованіе* демократіи какъ такой; напротивъ того, демократическое движеніе заключаетъ въ себѣ сильно выраженный элементъ индивидуализма; въ немъ сказывается стремленіе личности стать независимою, освободиться отъ классоваго рабства. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что сами по себѣ ни демократическія учрежденія, ни вообще какія бы то ни было соціальныя преобразованія не могутъ спасти личность отъ вырожденія и измельчанія: послѣднее зависитъ не отъ однихъ только внѣшнихъ условій, слѣдовательно,— не отъ одного соціального строя. Человѣкъ, для котораго матеріальныя средства и матеріальныя условія жизни замѣняютъ ея цѣль, возможенъ при всякомъ общественномъ строѣ; и при всякомъ общественномъ строѣ *такой человекъ* будетъ мелкимъ и пошлымъ. Человѣкъ тогда только возвышается надъ стаднымъ началомъ, тогда только освобождается отъ ига пошлости, когда онъ полагаетъ средоточіе своей жизни не въ томъ, что умираетъ, не въ томъ, что живетъ одинъ день, а въ вѣчномъ и безусловномъ.

Корень упадка заключается въ утратѣ человекомъ той *цѣли*, которая возноситъ его надъ областью матеріальнаго; будничнаго и полагаетъ грань между нимъ и животнымъ.

Философія Ницше какъ нельзя лучше показываетъ намъ, что значитъ эта утрата. Вся эта философія есть отрицаніе смысла жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ—безпрерывная тревога и мука исканія, борьба между отчаяніемъ въ человѣкѣ и потребностью надежды, между отрицаніемъ разума и вѣрою въ разумъ. Въ положительныхъ построеніяхъ Ницше мы находимъ рядъ слабыхъ, искаженныхъ отраженій того самаго, что онъ отрицаетъ, понятіе цѣли, цѣнности, идеаль разумаго, „истиннаго“ человека. Все это по собственному его признанію *тѣни Бога*. И вотъ оказывается, что онъ шагу не можетъ сдѣлать безъ этихъ тѣней. Мысль его прико-

вана къ тому самому, что онъ отрицаетъ. Отвергнутый Богъ тѣмъ не менѣе остается центромъ его философіи, и въ этомъ заключается религіозность его исканія.

Во множествѣ своихъ сочиненій Ницше твердитъ на всѣ лады: „Богъ умеръ, Богъ умеръ“: объ этомъ онъ говоритъ устами „безумнаго“, Заратустры, бывшего папы и много разъ—отъ собственнаго своего имени. Въ результатѣ этихъ безчисленныхъ повтореній получается впечатлѣніе, словно Ницше хочетъ отдѣлаться отъ преслѣдующаго его кошмара, увѣрить себя и другихъ, что это только бредъ, а не дѣйствительность. Но всѣ его усилія напрасны: онъ отрицаетъ то самое, чѣмъ онъ живетъ!

Въ итогѣ мы должны признать за Ницше немаловажную заслугу. Вся его философія есть необычайно краснорѣчивое свидѣтельство о силѣ и жизненности той самой религіозной идеи, которую онъ проповѣдуетъ. Если религіозныя предположенія лежатъ въ основѣ всей нашей жизни и дѣятельности, нашей вѣры въ прогрессъ, въ основѣ проистекающихъ отсюда идеаловъ—этическихъ и социальныхъ, не значитъ ли это, что эти предположенія суть нѣчто неустрашимое, неотдѣлимое отъ человѣка! Одна только вѣра въ смыслъ жизни даетъ намъ силу жить. И, пока мы живемъ, отрицаніе не проникаетъ вглубь, а остается на поверхности нашего сознанія.

Ницше хотѣлъ возвѣститъ человѣчеству новый источникъ надежды и радости. Вся его философія есть попытка преодолѣть отчаяніе, возвыситься надъ пессимизмомъ, къ которому неудержимо влекла его логика его мысли. Удалась ли ему эта попытка, достигъ ли онъ цѣли своихъ странствованій? Мы видѣли, что онъ потерпѣлъ крушеніе, и самъ онъ говоритъ о себѣ: „я вѣчный жидъ съ той только разницей, что я и не жидъ, и не вѣчный“ ✓

Въ одномъ изъ своихъ классическихъ афоризмовъ Ницше говоритъ между прочимъ: „наше солнце уже закатилось и, хотя мы его уже не видимъ, небо нашей жизни все еще сіяетъ надъ нами, все еще свѣтится его отблескомъ“. Въ

этихъ словахъ какъ бы заключается разгадка той тайны современнаго человѣка, которую стремился постигнуть Ницше: наша вѣра въ добро, въ человѣка и его разумъ, всѣ наши цѣнности, все это— отблески того солнца, которое теперь на время закатилось, но когда-то ярко свѣтило надъ нами.

Если эти цѣнности не умираютъ, если онѣ продолжаютъ владѣть нашей мыслью и нашей волей, то это доказываетъ, что, вопреки Ницше, мы еще не отдѣлили нашу землю отъ ея солнца, что въ насъ живъ еще вѣчный источникъ нашей надежды. Но если такъ, то пессимизмъ утрачиваетъ для насъ свое смертоносное жало! Мы можемъ ждать новой зари; намъ не страшень мракъ вѣчной ночи!

Кн. Евгений Трубецкой.

Теорія емоцій Джемса-Ланге ¹⁾.

I.

Громадная роль чувства во всѣхъ сферахъ нашей душевной жизни не отрицается ни популярнымъ сознаниемъ, ни научнымъ опытомъ. Какъ то, такъ и другой, констатируя богатство и разнообразіе эмоциональной жизни, въ то же время согласны въ томъ, что наши чувствованія находятся въ тѣсной связи не только съ нашей центральной нервной системой, но вообще съ жизнью нашего организма, въ дѣятельности котораго они часто находятъ свое внѣшнее выраженіе. Это послѣднее обстоятельство, повидимому, должно было бы значительно облегчить намъ изученіе нашихъ эмоцій, такъ какъ мы можемъ приложить къ этой сферѣ душевной жизни оба метода психологическаго изслѣдованія—и интроспекцію и объективное наблюденіе. Но на самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, что эта область психической дѣятельности остается менѣе всего выясненной даже въ современной, по преимуществу аналитической психологіи. Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробный разборъ причинъ, которыя обусловливаютъ такое состояніе этого отдѣла психологіи, мы скажемъ только, что одинъ вопросъ о классификаціи чувствованій, гдѣ въ качествѣ принциповъ дѣленія выступаютъ самыя различныя точки зрѣнія, можетъ

¹⁾ Пробная лекція, прочитанная въ Московскомъ университетѣ 6 марта 1902 года.

служить яркой иллюстраціей къ выше выраженной мысли о томъ, въ какомъ далеко еще не удовлетворительномъ положеніи находится изученіе эмоціи въ современной наукѣ о душѣ. Главнымъ образомъ, на почвѣ сознанія неудовлетворительности современной классификаціи чувствованій возникла одна, повидимому, очень парадоксальная теорія эмоцій, которая уже около 20 лѣтъ занимаетъ лучшихъ представителей современной психологіи и разсмотрѣнію которой мы намѣреваемся посвятить свою лекцію. Мы разумѣемъ извѣстную теорію эмоцій Джемса-Ланге. Одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ психологовъ, профессоръ Гарвардскаго университета Уильямъ Джемсъ и извѣстный датскій невропатологъ Карль Ланге, независимо одинъ отъ другого, пришли къ очень сходнымъ воззрѣніямъ на природу эмоцій. Джемсъ впервые высказалъ свои взгляды въ 1884 г. въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Mind“ („Что такое эмоція“) и потомъ развилъ свою теорію въ своемъ капитальномъ трудѣ „Основанія психологіи“ („Principles of psychology“) и послѣдовавшемъ за нимъ „Учебникѣ“ по той же наукѣ (нѣкоторыя дальнѣйшія дополненія сдѣланы были Джемсомъ въ позднѣйшей статьѣ: „Физическое основаніе эмоціи“, помѣщенной въ американскомъ журналѣ „Review Psychological“, 1894, V). К. Ланге изложилъ свои воззрѣнія въ отдѣльной брошюрѣ, появившейся нѣсколькими мѣсяцами позже послѣ упомянутой первой статьи Джемса. Мы попытаемся изложить эту теорію по обоимъ авторамъ, чтобы такимъ образомъ рельефнѣе выразились всѣ оттѣнки во взглядахъ этихъ ученыхъ, взглядахъ, въ которыхъ много сходнаго, хотя это сходство часто совсѣмъ несправедливо обращаютъ въ полное тожество.

II.

Каждый изъ упомянутыхъ авторовъ предваряетъ изложеніе своей теоріи довольно суровой критикой современныхъ классификацій чувствованій и указываетъ на необходимость создать новую, болѣе научную классификацію. „Безчислен-

ные оттѣнки каждой эмоціи,—говоритъ Джемсъ,—незамѣтно переходятъ одинъ въ другой и отчасти отмѣчаются въ языкѣ синонимами, какъ, напр., ненависть, антипатія, вражда, злоба, нерасположеніе, отвращеніе, мстительность, неприязнь, омерзеніе и т. п... Во многихъ нѣмецкихъ руководствахъ по психологіи главы объ эмоціяхъ представляютъ просто словари синонимовъ“¹⁾. Отсюда чисто описательная литература по этому вопросу,—продолжаетъ Джемсъ,—начиная съ Декарта и до нашихъ дней, представляетъ самый скучный отдѣлъ психологіи, такъ какъ въ большинствѣ произведеній этого рода нѣтъ никакого плодотворнаго начала, никакой основной точки зрѣнія (Джемсъ прибавляетъ, что онъ предпочелъ бы читать словесныя описанія размѣровъ скаль въ Нью-Гемпширѣ, чѣмъ перечитывать классическія произведенія по психологіи чувствованій). По мнѣнію Джемса, однако, есть выходъ изъ сферы такихъ конкретных описаній, и только нужно сдѣлать усилія, чтобы найти его²⁾. Приблизительно то же самое говоритъ и К. Ланге, по мнѣнію котораго мы не имѣемъ научнаго опредѣленія даже такихъ эмоцій, какъ радость или страхъ. Объясняется это, по его словамъ, тѣмъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ объективныхъ признаковъ, характеризующихъ ту или другую эмоцію. „Изученіе цвѣтовъ,—говоритъ Ланге,—не могло быть научнымъ до тѣхъ поръ, пока люди знали только тѣ субъективныя впечатлѣнія, которыя получались отъ нихъ; но оно сдѣлалось таковымъ съ того дня, когда Ньютонъ открылъ объективный признакъ: различную преломляемость цвѣтныхъ лучей. Точно такъ же и эмоціи не будутъ поддаваться научному анализу, пока не будутъ указаны объективные признаки, могущіе явиться исходною точкою для изслѣдованія“³⁾. По мнѣнію Ланге (его теорію мы и будемъ теперь излагать, такъ какъ она отличается большею

1) У. Джемсъ. „Учебникъ психологіи“, русскій перев. Лапшина, 4-е изд., стр. 307.

2) *Ib.*, стр. 308. Сравн. Principles of psychol., II, p. 448—449.

3) К. Ланге, перев. В. Линда, Москва, 1896 г., стр. 19—20.

рельефностью, и Джемсъ, хотя и раньше Ланге обнаруживавший основы своей теории, въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ постоянно имѣеть въ виду воззрѣнія Ланге, правда, иногда значительно видоизмѣняя ихъ) указать такіе объективные признаки нетрудно. Для этого стоитъ только выбрать болѣе типичныя (съ точки зрѣнія внѣшнихъ проявленій) эмоціи и обстоятельно описать физическія или физиологическія обнаруженія этихъ чувствованій. Ланге беретъ четыре такихъ основныхъ эмоціи: печаль, радость, гнѣвъ, страхъ, а также родственныя этимъ чувствованія—разочарованіе, замѣшательство, нетерпѣніе и подробно описываетъ всѣ физиологическія явленія, которыя наблюдаются при обнаруженіи этихъ эмоцій. Всѣ эти внѣшнія проявленія чувствованій онъ раздѣляетъ на двѣ главные группы: на измѣненія въ произвольной иннервации и на измѣненія сосудовдвигателей (вазомоторовъ). Сообразно этому и названныя эмоціи раздѣляются на два разряда, при чемъ къ одному относятся: разочарованіе, печаль, страхъ, замѣшательство, къ другому—нетерпѣніе, радость, гнѣвъ. Въ первомъ случаѣ по отношенію ко всѣмъ эмоціямъ констатируется уменьшеніе произвольной иннервации, во второмъ совершенно противоположное явленіе — увеличеніе этой иннервации. При этомъ въ большей части эмоцій перваго рода наблюдается суженіе кровеносныхъ сосудовъ, во-второмъ, наоборотъ, расширеніе. Кромѣ того, въ обѣихъ группахъ можно констатировать нѣкоторые добавочные процессы, характеристичные для той или другой эмоціи (таковы — инкоординація движеній и спазмъ органическихъ мышцъ). Такимъ образомъ, у Ланге получается слѣдующая схема для изображенія физиологическихъ явленій, соотвѣтствующихъ названнымъ эмоціямъ:

1-я группа:

Разочарованіе—уменьшеніе произвольной иннервации.

Печаль—тоже + суженіе сосудовъ.

Страхъ—тоже + тоже + спазмъ мышцъ органической жизни.

Замѣшательство—тоже + инкоординація движеній.

2-я группа:

Нетерпѣніе—увеличеніе произвольной иннервации—спазмъ мышць органической жизни.

Радость—тоже + расширеніе сосудовъ.

Гнѣвъ—тоже + тоже + инкоординація движеній ¹⁾.

Далѣ естественно возникаетъ вопросъ: какія изъ этихъ явленій (т.-е. явленія мышечной иннервации или суженіе сосудовъ) первичныя и какія вторичныя, производныя. По мнѣнію Ланге, на основаніи современныхъ физиологическихъ знаній мы можемъ заключить, что функциональныя разстройства мышечной иннервации не суть причина сосудодвигательныхъ измѣненій. Наоборотъ, въ виду такихъ фактовъ, что малѣйшія колебанія въ кровообращеніи глубоко измѣняютъ отправление мозга—какъ спинного, такъ и головного, мы вполне можемъ допустить предположеніе, что всѣмъ указаннымъ органическимъ измѣненіямъ предшествуютъ измѣненія сосудодвигателей ²⁾.

Но какъ же представить себѣ самый механизмъ эмоціи? Общераспространенное мнѣніе,—говоритъ Ланге,—состоитъ въ томъ, что событіе, сопровождаемое эмоціей, производитъ сначала и непосредственнымъ образомъ чисто психическое дѣйствіе (или создавая невро-душевную силу или измѣняя предшествующее душевное состояніе); далѣ признается, что настоящая эмоція—дѣйствительная радость, дѣйствительная печаль—то, что происходитъ въ душѣ, тогда какъ физическія выраженія суть дополнительныя явленія, хотя и постоянно присутствующія, но не заключающія въ себѣ ничего существеннаго ³⁾. Такимъ образомъ, въ качествѣ причины является чувствованіе, дѣйствующее обыкновенно черезъ посредство воспоминанія или ассоціации идей, въ качествѣ слѣдствія—вышеупомянутыя двигательныя измѣненія и тѣ перемѣны, которыя они производятъ въ дру-

¹⁾ *Ib.*, стр. 47—48.

²⁾ *Ib.*, стр. 48—54.

³⁾ *Ib.*, стр. 57.

гихъ органическихъ отправленіяхъ. Такое представленіе Ланге называетъ чисто метафизическою гипотезою, не оправдываемою самымъ существомъ дѣла. Дѣйствительное положеніе процессовъ, совершающихся во время эмоціи, совершенно обратно тому, которое признаетъ современная психологія. Органическіе процессы или, вѣрнѣе, сосудодвигательныя измѣненія, лежащія въ основѣ этихъ процессовъ, суть первичныя явленія, которыми и обусловливается эмоціональное состояніе. Если мать получила извѣстіе о смерти своего сына и, глубоко опечаленная, оплакиваетъ его, то, по представленію ходячей психологіи, порядокъ процессовъ такой: идея, эмоція, ея физическое выраженіе. Но чтобы понять настоящее положеніе дѣла, нужно переставить два послѣднихъ процесса, такъ какъ то, что обычно представляется спутникомъ эмоціи, есть ея существенное основаніе, и безъ опредѣленныхъ органическихъ движеній не можетъ быть настоящей эмоціи. Такимъ образомъ, эмоція, по Ланге, есть собственно сознаніе тѣхъ физиологическихъ процессовъ, которые совершаются въ сосудодвигателяхъ, и равнымъ образомъ (сознаніе) всѣхъ тѣхъ измѣненій, которыя производятъ вазомоторы въ другихъ органическихъ отправленіяхъ. Въ приведенномъ примѣрѣ возбужденіе сосудодвигателей было вызвано интеллектуальнымъ явленіемъ (полученіе извѣстія о смерти сына), но очень часто въ основаніи сосудодвигательныхъ измѣненій лежатъ чисто физиологическіе процессы, такъ что въ этихъ случаяхъ эмоція возникаетъ совершенно независимо отъ вмѣшательства умственной дѣятельности (въ широкомъ смыслѣ слова). Ланге разумѣетъ возбуждающее дѣйствіе наркотиковъ, явленія безпричинной (съ психологической точки зрѣнія) печали или радости душевно-больныхъ, успокаивающее дѣйствіе на такихъ больныхъ бромистаго калия или холодныхъ душь, которыя непосредственное вліяніе оказываютъ именно на сосудодвигательную систему и т. п. ¹⁾

¹⁾ Ib., стр. 55—66.

Итакъ,—говоритъ Ланге,—„всей эмоціоіальной частью нашей психической жизни, нашими радостями и печалями, счастливыми и несчастными минутами мы обязаны сосудодвигательной системѣ. Если бы внѣшнія ощущенія, приносимыя нашими нервами, не были способны возбуждать ея дѣятельности, то мы проходили бы черезъ нашу жизнь безчувственные и безстрастные; всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра обогащали бы собою нашъ опытъ, увеличивали бы наше знаніе, но никогда не возбуждали бы въ насъ ни радости, ни гнѣва, не повергали бы насъ ни въ страхъ, ни въ печаль“¹⁾).

III.

Такова, въ общихъ чертахъ, теорія эмоцій Ланге. Теперь обратимся къ Джемсу и остановимся на воззрѣніяхъ послѣдняго, главнымъ образомъ, постольку, поскольку они отличаются отъ изложенныхъ взглядовъ Ланге.

Джемсъ вполне согласенъ съ Ланге, что, вопреки общераспространенному мнѣнію, „тѣлесное возбужденіе слѣдуетъ непосредственно за воспріятіемъ вызвавшего его факта, и сознаніе нами этого возбужденія въ то время, какъ оно совершается, и есть эмоція. Обыкновенно принято выражаться слѣдующимъ образомъ: мы потеряли состояніе, огорчены и плачемъ; мы повстрѣчались съ медвѣдемъ, испуганы и обращаемся въ бѣгство; мы оскорблены врагомъ, приведены въ ярость и наносимъ ему ударъ. Согласно защищаемой мною гипотезѣ, говоритъ Джемсъ, порядокъ этихъ событій долженъ быть нѣсколько инымъ: именно, первое психическое состояніе не смѣняется немедленно вторымъ: между ними должны находиться тѣлесныя проявленія, и потому наиболѣе рачіонально выражаться слѣдующимъ образомъ: мы опечалены, потому что плачемъ; приведены въ ярость, потому что бьемъ другого, боимся, потому что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ, потому что опечалены, приведены въ ярость,

¹⁾ Ib., стр. 78.

испуганы. Если бы тѣлесныя явленія не слѣдовали немедленно за воспріятіемъ, то послѣднее было бы чисто познавательнымъ актомъ, бѣднымъ, лишеннымъ колорита и эмоциональной теплоты“ ¹⁾. „Всякая тѣлесная переменна, продолжаетъ Джемсъ, какова бы то ни была, отчетливо или смутно ощущается нами въ моментъ своего появленія. Во весь объемъ, занимаемомъ нашимъ тѣломъ, мы при эмоціи испытываемъ очень живо разнородныя ощущенія, отъ каждой части его въ сознаніе проникають различныя чувственныя впечатлѣнія, слабыя, сильныя, непріятныя, неопредѣленныя, впечатлѣнія, изъ которыхъ слагается чувство личности, постоянно сознаваемое каждымъ человѣкомъ“ ²⁾. Отсюда вытекаетъ главный пунктъ излагаемой теоріи: если мы представимъ себѣ какую-нибудь сильную эмоцію и попытаемся мысленно вычитать изъ этого состоянія нашего сознанія одно за другимъ всѣ ощущенія связанныхъ съ нимъ тѣлесныхъ симптомовъ, то въ концѣ концовъ отъ данной эмоціи ничего не останется, никакого „психическаго матеріала“, изъ котораго могла бы образоваться эта эмоція, въ результатѣ же получится холодное, безразличное состояніе чисто интеллектуальнаго воспріятія. „Я совершенно не могу представить себѣ, говоритъ Джемсъ, что за эмоція страха останется въ нашемъ сознаніи, если устранить изъ него чувства, связанныя съ усиленнымъ сердцебіеніемъ, съ короткимъ дыханіемъ, дрожаніемъ губъ, съ расслабленіемъ членовъ, съ „гусиной кожей“ и съ журчаніемъ въ животѣ. Что такое было бы далѣе, печаль безъ слезъ, рыданій, задержки сердцебіенія, тоски подъ ложечкой? Лишенное чувственнаго тона признаніе того факта, что извѣстныя обстоятельства весьма печальны—и больше ничего. Человѣческая эмоція, лишенная всякой тѣлесной подкладки, есть одинъ пустой звукъ“ ³⁾.

¹⁾ Джемсъ. Учебникъ психологіи, 4 изд., стр. 308—309 Principles of psychology, II, p. 449—450.

²⁾ *Ib.*, стр. 310—311. Prin. of Psych., p. 450—451.

³⁾ *Ib.* с. 311—312; Princ. of psych., p. 451—452.

Изъ этого краткаго изложенія взглядовъ Джемса выясняется ихъ отличіе отъ нѣскольکو аналогичныхъ воззрѣній Ланге. Въ то время какъ послѣдній основу эмоціональнаго состоянія видитъ главнымъ образомъ въ измѣненіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ вазомоторахъ, Джемсъ смотритъ на дѣло нѣскольکو шире: по его мнѣнію, эмоція есть комплексъ самыхъ разнообразныхъ внутренностныхъ ощущеній, независимо отъ того, чѣмъ были вызваны эти ощущенія. Впрочемъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своей брошюрѣ Ланге допускаетъ, что первичными явленіями можно признать внутренностныя ощущенія, такъ что здѣсь онъ очень приближается къ Джемсу, хотя причину этихъ ощущеній онъ опять готовъ видѣть въ измѣненіяхъ кровообращенія ¹⁾.

Чтобы тверже обосновать свои взгляды, Джемсъ самъ выдвигаетъ возможные возраженія противъ нихъ и путемъ опроверженія этихъ предполагаемыхъ возраженій старается укрѣпить фундаментъ только что изложенной теоріи. Въ своемъ главномъ трудѣ „Основанія психологіи“ онъ такъ формулируетъ эти возраженія, которыя тутъ же подвергаются детальному разбору.

Первое возраженіе. Есть ли у насъ какія-нибудь доказательства въ пользу того, что частичныя тѣлесныя воспріятія нашего организма могутъ оказывать, путемъ извѣстнаго рода физическаго воздѣйствія, широко распространяющееся дѣйствіе, предшествующее въ насъ возникновенію эмоціи или эмоціональнаго образа.—По словамъ Джемса, такія доказательства мы можемъ почерпнуть изъ непосредственнаго самонаблюденія. „Слушая стихотвореніе, драму, мы нерѣдко съ удивленіемъ замѣчаемъ, что по нашему тѣлу пробѣгаетъ неожиданно, какъ волна, дрожь, или что сердце наше стало сильнѣе биться, а изъ глазъ потекли слезы. То же самое еще въ болѣе осязательной формѣ наблюдается при слушаніи музыки“ ²⁾. Далѣе, говоритъ Джемсъ, лучшее до-

1) Ланге. Эмоціи, прим. 20.

2) Учебникъ, с. 309. Principles of psych., p. 457.

казательство тому, что непосредственною причиною эмоціи является физическое воздѣйствіе внѣшнихъ раздраженій на нервы, представляютъ тѣ патологическіе случаи, когда для эмоціи нѣтъ соотвѣтствующаго объекта. Во всякомъ домѣ сумасшедшихъ мы встрѣчаемъ образчики ничѣмъ немотивированнаго гнѣва, страха, меланхоліи или мечтательности, а также образчики ничѣмъ немотивированной апатіи, которая упорно продолжается, несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было побудительныхъ внѣшнихъ причинъ. Объяснить это, по мнѣнію Джемса, можно тѣмъ, что нервный механизмъ сдѣлался столь воспримчивымъ по отношенію къ извѣстнымъ эмоціямъ, что почти всякій стимуль, даже самый неподходящій, является достаточной причиною для того, чтобы вызвать въ немъ возбужденіе въ этомъ направленіи и тѣмъ породить своеобразный комплексъ чувствованій, составляющихъ данную эмоцію ¹⁾.

Второе возраженіе. Если эта теорія справедлива, то она должна подтверждаться слѣдующимъ косвеннымъ доказательствомъ: согласно ей, вызывая въ себѣ произвольно, при спокойномъ состояніи духа, такъ называемыя внѣшнія проявленія той или другой эмоціи, мы должны испытывать и самую эмоцію; между тѣмъ, повидимому, мы можемъ плакать и не чувствовать печали, смѣяться, не будучи веселы; актеръ можетъ изображать всѣ проявленія самой сильной эмоціи и однако быть вполнѣ хладнокровнымъ.—Въ отвѣтъ на это возраженіе, по мнѣнію Джемса, прежде всего нужно замѣтить, что большая часть органическихъ движеній, въ которыхъ выражается эмоція, не можетъ быть вызвана по произволу. Огромное число отдѣльныхъ частей тѣла, подвергающихся модификаціи при данной эмоціи, дѣлаетъ очень затруднительнымъ для человѣка въ спокойномъ состояніи воспроизведеніе внѣшнихъ проявленій любой эмоціи. Въ нашей власти воспроизвести игру мускуловъ произвольнаго движенія, но мы не можемъ произвольно вызвать

1) Principles of psych., p. 458—459. Учеб., с. 310.

надлежащее возбужденіе въ кожѣ, въ железахъ, сердцѣ и внутренностяхъ. Такимъ образомъ, экспериментъ приложимъ здѣсь только частично. Но насколько допустимъ здѣсь опытъ, послѣдній, по мнѣнію Джемса, скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ его теорію. Всякій знаетъ, говоритъ онъ, до какой степени бѣгство усиливаетъ въ насъ паническое чувство страха и какъ можно усилить въ себѣ чувства гнѣва и печали, давъ волю ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Возобновляя рыданія, мы усиливаемъ въ себѣ чувство горя, и каждый новый припадокъ плача еще болѣе усиливаетъ горестъ, пока не наступаетъ, наконецъ, успокоеніе, обусловленное утомленіемъ и видимымъ ослабленіемъ физическаго возбужденія¹⁾. Что касается, далѣе, эмоциональнаго состоянія актеровъ, то, конечно, Джемсъ согласенъ, что многіе изъ нихъ, превосходно воспроизводя голосомъ, мимикой лица и тѣлодвиженіями внѣшнія проявленія эмоцій, при этомъ не испытываютъ никакихъ эмоцій. Но Джемсъ ссылается также на изслѣдованія д-ра Арчера, который дѣлалъ опросы многихъ выдающихся артистовъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось хорошо сыграть свою роль, они переживали всѣ эмоціи, соотвѣтствующія послѣдней. По мнѣнію Джемса, можно указать простое объясненіе для этого разногласія между артистами. Въ экспрессіи каждой эмоціи внутреннее органическое возбужденіе можетъ быть у нѣкоторыхъ лицъ совершенно подавлено, другія же лица не обладаютъ этою способностью. Актеры, испытывающіе во время игры эмоціи, не способны, а не испытывающіе эмоцій—способны совершенно диссоціировать эмоціи и ихъ экспрессію²⁾.

Наконецъ, Джемсъ предполагаетъ еще одно возраженіе (третье). Когда мы задерживаемъ проявленіе эмоціи, послѣдняя усиливается. Всякому извѣстно то мучительное со-

1) Ib.. p. 462—463. Учеб., стр. 315.

2) Ib.. p. 464—465. Учеб., стр. 315—316.

стояніе духа, которое испытываешь, когда обстоятельства заставляют удерживаться отъ смѣха; гнѣвъ, подавленный страхомъ, превращается въ сильнѣйшую ненависть. Наоборотъ, свободное проявленіе эмоціи даетъ облегченіе, слѣдовательно, сила этой эмоціи совсѣмъ не въ органическихъ процессахъ.—Но возраженіе это, по мнѣнію Джемса, скорѣе кажущееся, чѣмъ реально обоснованное. „Во время экспрессіи эмоція всегда чувствуется. *Послѣ* экспрессіи, когда въ нервныхъ центрахъ совершился нормальный разрядъ, мы болѣе не испытываемъ эмоціи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда экспрессія въ мимикѣ лица подавлена нами, внутреннее возбужденіе въ груди и въ животѣ можетъ проявиться съ тѣмъ большею силою, какъ, напр., при подавленномъ смѣхѣ; или эмоція, вслѣдствіе комбинаціи вызывающаго ее объекта съ задерживающимъ ее вліяніемъ, можетъ переродиться въ совершенно другую эмоцію, которая, быть можетъ, сопровождается инымъ и болѣе сильнымъ органическимъ возбужденіемъ“¹⁾.

Опроверженіемъ приведенныхъ возраженій Джемсъ старается укрѣпить свою теорію. Но всѣ эти его попытки, по его собственному признанію, имѣютъ характеръ косвенныхъ доказательствъ; что же касается прямого рѣшительнаго доказательства, то таковымъ можетъ быть только единственный случай, если мы когда-либо можемъ его наблюдать: это полная внѣшняя и внутренняя анестезія (но не параличъ, такъ чтобы больной могъ дать показаніе относительно своего самочувствія) и отсутствіе при этомъ всякаго эмоціональнаго состоянія. Но такой случай едва ли когда-либо можно наблюдать, такъ сказать, во всей его полнотѣ, ибо полная анестезія влечетъ за собою смерть. Поэтому приходится ограничиваться примѣрами, гдѣ параллельно состоянію частной анестезіи наблюдается и значительное пониженіе эмоціональной жизни. Въ своихъ „Основаніяхъ психологіи“ Джемсъ указываетъ на извѣстный слу-

1) *Иб.*, р. 466. Учеб., стр. 316.

чай, опубликованный профессором Штрumpfелемъ. Пациентъ послѣдняго, 15-лѣтній мальчикъ, пораженный внутренней и внѣшней анестезіей (за исключеніемъ одного глаза и уха), въ общемъ имѣлъ эмоціональную жизнь очень пониженною, хотя онъ иногда, повидимому, испытывалъ чувство стыда, страха, гнѣва. Но, по мнѣнію Джемса, эти наблюденія не могутъ считаться вполне доказательными, такъ какъ они производились безъ отношенія къ развиваемой имъ теоріи, и, быть можетъ, здѣсь были только самыя поверхностныя обнаруженія эмоцій, а послѣднія, поскольку въ нихъ влагается извѣстное психическое содержаніе, совершенно отсутствовали, и здѣсь было, такъ сказать, полное хладнокровіе ¹⁾). Въ своей позднѣйшей статьѣ ²⁾), гдѣ онъ отвѣчаетъ многимъ изъ своихъ противниковъ, Джемсъ ссылается на изслѣдованія французскаго ученаго Солье, который подтверждаетъ его теорію наблюденіями надъ однимъ страдавшимъ анестезіей и двумя истеричками, у которыхъ анестезія производилась путемъ внушенія. Эмоціональная жизнь пациента была понижена до минимума. Больной говорилъ про себя, что онъ даже не чувствуетъ, живетъ ли онъ или нѣтъ (въ первые дни болѣзни ему часто приходилось считать себя мертвымъ). Онъ не знаетъ, спитъ ли онъ или бодрствуетъ. Большею частью онъ ни о чемъ не думаетъ. Люди, которыхъ онъ видитъ вокругъ себя, нисколько его не интересуютъ: они для него не настоящіе люди, а простые механизмы. Ничто не доставляетъ ему удовольствія: „я никого не люблю, я больше никого не презираю“. Онъ не знаетъ даже, будетъ ли ему пріятно исцѣленіе, и когда Солье увѣряетъ его въ возможности выздоровленія, у него нѣтъ никакой реакціи: ни удовольствія, ни сомнѣнія. Единственно, что волнуетъ больного, это—визитъ его жены; но это волненіе быстро проходитъ, и онъ опять становится вполне равнодушнымъ ко всему...

¹⁾ Princip. of psych., p. 456.

²⁾ The physical basis of emotion, Review Psychological, 1894, V.

Это состояніе апатіи и равнодушія возникало, по словамъ Солье, медленно и развивалось параллельно анестезіи ¹⁾. Что касается опытовъ надъ истеричными, то въ результатѣ ихъ Солье пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Полная периферическая анестезія совершенно уничтожаетъ способность движенія. Когда сюда присоединяется висцеральная анестезія, пациентка, по ея словамъ, чувствуетъ себя такъ, какъ будто бы она уже не живетъ. При периферической анестезіи эмоція наблюдается почти съ нормальной силою. Когда анестезія только висцеральная, то эмоція почти совсѣмъ уничтожается, такъ что исключительная зависимость ея отъ внутреннихъ измѣненій, по мнѣнію Солье, лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія ²⁾.

Джемсъ, при обоснованіи своей теоріи, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ болѣе грубыя (courser) эмоціи, при чемъ онъ не отрицаетъ, что болѣе тонкія (subtler) чувствованія могутъ происходить безъ участія органическихъ возбужденій, хотя тогда онѣ, по его мнѣнію, уже едва ли могутъ быть названы эмоціями въ собственномъ смыслѣ. „Я не отрицаю того факта, говоритъ онъ, что могутъ быть тонкія наслажденія, иначе говоря, могутъ быть эмоціи, обусловленныя исключительно возбужденіемъ центровъ совершенно независимо отъ центростремительныхъ токовъ. Къ такимъ чувствованіямъ можно отнести чувство нравственнаго удовлетворенія, благодарности, любопытства, облегченія послѣ разрѣшенія задачи. Но слабость и блѣдность такихъ чувствованій, когда они не связаны съ тѣлесными возбужденіями, представляютъ весьма рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями. У всѣхъ лицъ, одаренныхъ чувствительностью и впечатлительностью, такія эмоціи всегда бываютъ связаны съ тѣлеснымъ возбужденіемъ: моральная справедливость отражается въ звукахъ голоса или въ выраженіи глазъ и т. п. Если ловкое доказательство или

¹⁾ The physical basis of emotion, Review Psychol. 1894, V, p. 527—528. Сравни. Revue Philosophique, 1894, III, p. 244—265.

²⁾ Ib., p. 528—529. Сравни. Revue phil., 1894, III, p. 244—266...

блестящая острота не вызываютъ въ насъ настоящаго смѣха, если мы не испытываемъ тѣлеснаго возбужденія при видѣ справедливаго или великодушнаго поступка, то наше душевное состояніе едва ли можетъ быть названо эмоціей“ 1). Итакъ, Джемсъ сравнительно осторожно высказывается по вопросу о природѣ болѣе тонкихъ чувствованій. Этой осторожности мы уже не встрѣчаемъ у одного изъ его послѣдователей Рибо, который усвоилъ и развилъ далѣе взгляды Джемса въ своей извѣстной „Психологіи чувствованій“ 2).

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, теорія эмоцій Джемса-Ланге. Джемсъ полагаетъ, что она вполне удовлетворяетъ тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣлись въ виду при ея выработкѣ: вопросъ о классификаціи эмоцій находитъ здѣсь очень ясное и простое рѣшеніе. Разъ мы выяснили, говоритъ онъ, что причиною эмоцій являются безчисленные рефлекторные акты, возникающіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ объектовъ и немедленно сознаваемые нами, то намъ тотчасъ же становится понятнымъ, почему можетъ существовать безчисленное множество эмоцій и почему у отдѣльныхъ индивидуумовъ онѣ могутъ опредѣленно варіировать и по ихъ составу, и по мотивамъ, вызывающимъ ихъ: вѣдь въ рефлек-

1) Учебникъ, с. 316. Срав. Princip. of psych., p. 471—472.

2) По мнѣнію Рибо, термины „высшій“ и „низшій“, „грубый“ и „утонченный“ по отношенію къ эмоціямъ могутъ служить только для обозначенія степени эволюціи. Низшія или грубыя эмоціи могутъ быть названы „животными“, потому что онѣ присущи человѣку и большинству животныхъ. Высшія или утонченныя суть собственно „человѣческія“, хотя ихъ можно встрѣтить и у нѣкоторыхъ животныхъ. Сводя всѣ высшія эмоціи къ 4 группамъ: религіозныя, моральныя, эстетическія и интеллектуальныя, Рибо настаиваетъ на необходимости опредѣленныхъ соматическихъ условій для каждой изъ нихъ. Правда, говоритъ онъ, если разсмотрѣть наиболѣе интеллектуализированныя формы религіознаго или эстетическаго чувства, то въ нихъ съ большимъ трудомъ удастся найти фізіологическія условія ихъ существованія. Но тутъ, по его словамъ, нѣтъ ничего удивительнаго: здѣсь мы имѣемъ только теперь абстракцію или экстрактъ эмоціи, простой знакъ, эмоціональную схему, заступившую мѣсто чувствованія, изучать же нужно настоящую, испытанную и прочувствованную эмоцію, а не напоминаніе о ней, блѣдный образъ того, что было эмоціей („Психологія чувствованій“ рус. из., Кіевъ 1897 г., стр. 96).

торныхъ актахъ нѣтъ ничего навѣки неизмѣннаго, абсолютнаго. Отсюда дальнѣйшая задача науки въ отношеніи къ классификаціи чувствованій должна состоять не столько въ описаніи типичныхъ выраженій той или другой эмоціи, сколько въ выясненіи того, „какъ могла произойти та или другая „экспрессія“ страха или гнѣва, и это составляетъ, съ одной стороны, задачу физиологической механики, съ другой, — задачу исторіи развитія человѣческой психики, которая, какъ и всѣ реальныя задачи, по существу разрѣшима, хотя и трудно, быть можетъ, найти ея рѣшеніе“ 1).

IV.

Теорія Джемса Ланге вызвала обширную литературу. Появилось множество статей какъ въ защиту ея, такъ и въ ея опроверженіе. Мы уже называли одного изъ ея ревностныхъ старонниковъ Рибо. Здѣсь же мы можемъ упомянуть о Фулье и Серджи, которые также находятъ ее вполне соотвѣтствующею фактамъ 2). Но немало у нея и противниковъ: стоитъ лишь назвать Уорчестера, Айронса, Штумпфа и др. Мы, конечно, не будемъ входить во всѣ подробности полемики и, указавъ только на нѣкоторыя недоразумѣнія, связанные съ не совсѣмъ точнымъ пониманіемъ основъ этой теоріи какъ среди ея защитниковъ, такъ и ея противниковъ, мы отмѣтимъ только главные пункты въ воззрѣніяхъ Джемса и Ланге, безъ обсуждения которыхъ не можетъ быть произнесено никакое опредѣленное мнѣніе относительно трактуемой теоріи.

1) Учебникъ, с. 314. Съ точки зрѣнія Ланге, „настоящая задача науки по этому вопросу заключается въ томъ, чтобы опредѣлить реакцію сосудодвигательныхъ нервовъ при различныхъ вліяніяхъ“ („Эмоціи“, стр. 78).

2) Sergi. Les émotions. Paris. 1902. Серджи, преимущественно передъ другими, настаиваетъ на терминѣ „периферическій“ въ примѣненіи къ названной теоріи. Терминъ этотъ служитъ здѣсь для обозначенія не только кожныхъ и мускульныхъ ощущеній, но и такъ называемыхъ внутренностныхъ, такъ какъ послѣднія также являются периферическими по отношенію къ центральному мозговому возбужденіямъ.

Нѣкоторые защитники этой теоріи, замаскировывая ея парадоксальность, стараются найти явные слѣды ея еще у Аристотеля, Мальбранша, Спинозы. Правда, Аристотель опредѣлялъ гнѣвъ, какъ „кипѣніе крови или тепла около сердца“ ¹⁾, а Мальбраншъ называлъ страстью „всѣ волненія“, которая душа естественно испытываетъ вслѣдствіе необычайныхъ движеній жизненныхъ духовъ и крови“ ²⁾; но эти воззрѣнія только отчасти можно сблизать съ взглядами Джемса-Ланге: вѣдь Аристотель и вообще считалъ центральнымъ органомъ душевной жизни кровь (сердце), а не мозгъ; да и въ словахъ Мальбранша нельзя видѣть утвержденія о спеціально периферическомъ происхожденіи нашихъ эмоцій ³⁾. Еще менѣе удачно отождествленіе этой теоріи съ спинозизмомъ: нужно помнить, что Джемсъ стоитъ, при изслѣдованіи психическихъ явленій, на почвѣ гипотетическаго дуализма, такъ что онъ нерѣдко называетъ процессы, имѣющіе мѣсто во внутренностныхъ органахъ, причинами тѣхъ душевныхъ состояній, которыя мы называемъ эмоціями. Нельзя также сводить эту теорію на почву современнаго монизма и упрощать дѣло такъ, какъ будто Джемсъ и Ланге только утверждаютъ, что даже самымъ возвышеннымъ эмоціямъ соотвѣтствуютъ фізіологическіе процессы (въ такое лжетолкованіе отчасти впадаетъ Рибо): вопросъ въ томъ, *какіе* процессы (именно внутренностные въ широкомъ смыслѣ) и какъ они относятся въ порядкѣ времени къ явленіямъ, имѣющимъ мѣсто въ большомъ мозгу. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, сущность теоріи

1) ὁσμή κρίσις τῶν περὶ καρδίαν αἵματος ἢ θερμῶν.

2) Malebranche, De la recherche de la vérité, l. V.

3) То мѣсто изъ Мальбранша, которое приводитъ Ланге въ доказательство существованія периферической теоріи чувствованій еще въ умѣ этого философа, скорѣе говоритъ въ пользу центральнаго происхожденія эмоцій, такъ какъ измѣненія въ кровообращеніи поставяются здѣсь въ зависимость отъ мозговыхъ измѣненій („Mais quelque circonstance venant à changer l'ébranlement du cerveau, qui causait cette disposition dans ces nerfs, les artères liées se delient et les autres au contraire se serrent fortement“, De la recherche de la vérité, l. V, pp. 454—455. Paris, 1736).

Джемса и Ланге можно выразить въ двухъ основныхъ положеніяхъ: 1) то, что мы называемъ эмоціональнымъ состояніемъ (съ психологической точки зрѣнія), не можетъ возникнуть, если ему не предшествуютъ внутренностныя (Джемсъ) или сосудодвигательныя (Ланге) измѣненія, 2) эмоціональное состояніе есть простой комплексъ этихъ органическихъ ощущеній, и ими исчерпывается все содержаніе эмоціи. Какъ мы скоро увидимъ, чтобы рѣшить, насколько твердо обоснованы оба эти положенія, нужно исходить изъ того, что мы понимаемъ подъ эмоціей (опредѣленіе эмоціи). Особенно это важно для оцѣнки второго пункта, рѣшительное сужденіе о которомъ всецѣло зависитъ отъ того, какъ мы представляемъ себѣ составъ эмоціональнаго состоянія. Мы теперь обратимся къ первому пункту и обсудимъ его сначала съ точки зрѣнія имманентной критики, т. е. въ предѣлахъ тѣхъ предположеній, которыя допускаютъ сами авторы изложенной теоріи.

Чтобы оправдать первое положеніе, мы должны знать всѣ стадіи сложнаго физиологическаго процесса, соответствующаго такому душевному состоянію, какъ, напр., очень тонкая интеллектуальная или эстетическая эмоція. Едва ли нужно говорить, что при настоящемъ состояніи физиологіи мы не можемъ обладать такими совершенными познаніями. Поэтому остается надежда на такіе факты, которые въ данномъ случаѣ могутъ доставить намъ *experimentum crucis*: это полная внутренняя и виѣшняя анестезія, которая, дѣйствительно, могла бы служить рѣшающимъ опытомъ. Но вѣдь такая абсолютная анестезія невозможна: она ведетъ за собой немедленную смерть; что же касается частичной анестезіи, то она, конечно, только косвенно и далеко не совсѣмъ подтверждаетъ затронутую теорію. Въ частности, случай естественной анестезіи, приводимый Солье, является пока единственнымъ въ своемъ родѣ (другіе, указываемые Джемсомъ, самимъ имъ признаются сомнительными), но и онъ не можетъ считаться вполнѣ доказательнымъ: вѣдь пациентъ д-ра Солье все - таки испы-

тываль нѣкоторыя эмоціи (напримѣръ, извѣстное волненіе при входѣ жены), и, кромѣ того, нельзя утверждать, что въ данномъ случаѣ почти полное отсутствіе эмоцій объясняется исключительно анестезіей: нужно помнить, что при этомъ была сильно понижена вся психическая дѣятельность, такъ что сторонникъ интеллектуальной теоріи эмоцій можетъ толковать этотъ случай вполне въ свою пользу. Что же касается гипнотическихъ опытовъ надъ истеричными, то они даютъ еще меньше доказательствъ: не говоря уже объ искусственности условій въ данномъ случаѣ, нужно принять во вниманіе, что объекты экспериментовъ едва ли всегда могли дѣлать вполне точное разграниченіе между состояніемъ ощущенія и чувствованія, такъ что здѣсь всегда оставалась возможность опять смѣшать обѣ стороны психического процесса: интеллектуальную и эмоціональную. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ едва ли что-нибудь можно опредѣленно утверждать какъ за теорію, такъ и противъ нея. На почвѣ самонаблюденія также мало надежды на выясненіе спора. Такіе факты, какъ разнообразіе душевныхъ состояній при одинаковой внѣшней экспрессіи, не могутъ показаться вполне убѣдительными для защитниковъ этой теоріи. Если даже сдѣлать вполне вѣроятное предположеніе, что, напримѣръ, эмоціи, переживаемыя во время игры артистами, во всѣхъ случаяхъ не тождественны съ настоящими чувствованіями, то все-таки Джемсъ и его сторонники всегда могутъ возразить, что это не опроверженіе ихъ теоріи, такъ какъ нѣтъ вполне вѣрнаго доказательства того, что въ данномъ случаѣ имѣютъ мѣсто *всѣ* органическія возбужденія, которыя необходимы для возникновенія настоящей эмоціи. Итакъ, для доказательства справедливости или несправедливости теоріи Джемса Ланге остается одинъ путь—исслѣдованія въ области экспериментальной психологіи и физиологіи, но на этомъ пути, какъ мы сказали, сдѣлано еще очень мало. Очень тщательныя экспериментальныя работы извѣстнаго датскаго психофизиолога Лемана, имѣвшаго въ виду, между прочимъ, теорію Ланге,

повидимому, мало подтверждаютъ воззрѣнія послѣдняго ¹⁾. Что касается собственной теоріи Джемса, то она, при своемъ болѣе широкомъ основаніи сравнительно съ взглядами Ланге, требуетъ еще большаго количества изслѣдованій, такъ какъ по ней необходимымъ условіемъ для возникновенія эмоціи предполагается наличность цѣлаго ряда внутренностныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, вполне научное доказательство для гипотезы Джемса является еще болѣе труднымъ и еще болѣе отдаленнымъ отъ насъ, если имѣть въ виду современные методы экспериментальнаго изслѣдованія ²⁾.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній мы обратимся къ разсмотрѣнію второго основнаго пункта трактуемой гипотезы. Мы напомнимъ, что онъ формулируется слѣдующимъ образомъ: эмоціональное состояніе—только комплексъ органическихъ ощущеній, и ими одними исчерпывается. Мы уже говорили, что рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, что мы понимаемъ подъ эмоціей. Вѣдь, въ обычномъ пониманіи составъ эмоціональнаго состоянія представляется очень сложнымъ. Несомнѣнно, здѣсь разумѣются и извѣстныя фізіологическія явленія, и опредѣленный интеллектуальный элементъ, и специфическое душевное состояніе, которое мы называемъ именно эмоціональнымъ въ отличіе отъ интеллектуальнаго и волевого. Но прежде чѣмъ разбирать эти составныя части эмоціональнаго состоянія, мы должны хотя бы вкратцѣ указать на нѣкоторые предразсудки или недоразумѣнія, соединенные съ представленіемъ

¹⁾ A. Lehmann. Die körperlichen Aeusserungen der psychischen Zustände, übers. von F. Bendixen. 1 Th. Leipzig, 1899. Такъ здѣсь авторъ, между прочимъ, утверждаетъ, что ему приходилось наблюдать дрожь и соединенное съ нею чувство страха еще раньше, чѣмъ наступало суженіе сосудовъ (S. 193).

²⁾ Изъ только что упомянутой работы Лемана съ перваго взгляда можно заключить, что авторъ ея во многомъ согласенъ съ Джемсомъ; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что согласіе это частичное и иногда даже мнимое, такъ какъ изслѣдователь не признаетъ основнаго положенія Джемса, что содержаніе эмоціи есть только комплексъ органическихъ ощущеній.

о теоріі Джемса (а отчасти и Ланге). Прежде всего нужно имѣть въ виду, что Джемсъ прилагаетъ свою теорію цѣликомъ только къ болѣе грубымъ эмоціямъ; что же касается болѣе тонкихъ волненій, то онъ считаетъ возможнымъ возникновеніе ихъ и на почвѣ только центрального возбужденія (таковы, напр., тонкія эстетическія эмоціи), хотя онъ въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Джемса, почти сливаются съ интеллектуальными процессами. Далѣе, совершенно несправедливо думаютъ Айронсъ, Уорчестеръ, Штумпфъ, что Джемсъ и Ланге игнорируютъ участіе интеллектуальнаго элемента въ процессѣ возникновенія эмоціи: наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ они считаютъ интеллектуальный процессъ необходимымъ исходнымъ пунктомъ (стоитъ лишь вспомнить печальное извѣстіе у Ланге и видъ опаснаго животнаго у Джемса) и только въ немногихъ случаяхъ эти авторы видятъ начало эмоціональнаго возбужденія въ самостоятельныхъ органическихъ процессахъ независимо отъ нашихъ внѣшнихъ ощущеній и мыслей. Мало того, по мнѣнію Джемса, органическія движенія возбуждаются не непосредственно послѣ извѣстнаго воспріятія, а только уже послѣ совокупности цѣлаго ряда умственныхъ процессовъ (воспоминаній и т. п.), тѣсно связанныхъ съ опредѣленнымъ ощущеніемъ. Этимъ, по его мнѣнію, объясняется напр., то, что видъ медвѣдя въ зоологическомъ саду (въ клѣткѣ) вызываетъ въ насъ душевное состояніе, совершенно отличное отъ того, какое появляется у насъ при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ въ лѣсу (отвѣтъ Уорчестеру). Но нельзя отрицать того, что Джемсъ признаетъ важность интеллектуальнаго элемента только въ отношеніи къ возникновенію или началу эмоціи, а не къ ея теченію, и не замѣчаетъ того, что констатированіе этого элемента очень важно даже для самой квалификаціи эмоціи. Такъ, даже по отношенію къ чувствованіямъ на патологической почвѣ органическія измѣненія, если на нихъ смотрятъ какъ на субстратъ специально психическихъ явленій, составляютъ лишь фонъ, на которомъ возникаютъ тѣ или другія специфическія эмоціи въ связи, а иногда и въ

прямой зависимости от интеллектуальной сферы (стоит лишь припомнить различныя формы болѣзненныхъ страховъ). Мы уже не говоримъ о высшихъ формахъ нормальныхъ эмоцій, гдѣ присутствіе интеллектуальнаго элемента внѣ всякаго сомнѣнія, при чемъ однимъ имъ, конечно, далеко не исчерпывается все содержаніе эмоціи, какъ это иногда стараются представить Джемсъ по отношенію къ болѣе тонкимъ чувствованіямъ. Итакъ, оправдывая упомянутыхъ авторовъ отъ упрековъ въ полномъ игнорированіи интеллектуальнаго элемента, мы должны согласиться съ нѣкоторыми изъ ихъ противниковъ, что защитники названной теоріи слишкомъ низко цѣнятъ роль этого элемента въ явленіяхъ эмоціональной жизни.

Но Джемсъ на это можетъ возразить, что подъ эмоціей онъ понимаетъ именно специфическое душевное состояніе, совершенно изолированное (въ своемъ теченіи, а не возникновеніи) отъ интеллектуальныхъ примѣсей, ибо въ противномъ случаѣ мы уже нарушили бы самое понятіе объ основныхъ элементахъ душевной жизни, смѣшивая одинъ съ другимъ. Но такую полную изолированность психическихъ элементовъ можно представить лишь въ абстракціи, и, конечно, едва ли можно путемъ непосредственнаго самонаблюденія доказать полную самостоятельность какъ внѣшней экспрессіи, такъ и спеціальнаго душевнаго состоянія, именуемаго эмоціей, самостоятельность по отношенію къ интеллектуальной сферѣ. Такимъ образомъ, повтораемъ, разрѣшеніе втораго вопроса будетъ зависѣть отъ того, какъ мы будемъ представлять себѣ составъ эмоціональнаго состоянія. Если держаться обычнаго словоупотребленія, то, несомнѣнно, специфическій интеллектуальный элементъ необходимъ для qualificаціи всякой эмоціи, и утвержденіе Джемса, что содержаніе эмоціи есть простой комплексъ неопредѣленныхъ внутренностныхъ ощущеній, явно несправедливо. Если же подъ эмоціей разумѣть искусственно абстрагированное состояніе чувства или то не совсѣмъ ясное и опредѣленное состояніе, которое мы называемъ настроеніемъ (съ его

извѣстнымъ внѣшнимъ выраженіемъ), то Джемсъ, быть можетъ, и правъ, хотя полного доказательства въ пользу его теоріи пока нѣтъ и при этомъ ея ограниченіи. На самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ фізіологическихъ и психологическихъ знаній, разложить какую-нибудь сложную эмоцію на рядъ самыхъ разнообразныхъ внутренностныхъ ощущеній? Конечно, мы пока не въ состояніи этого сдѣлать ни при помощи простого самонаблюденія, ни при помощи самыхъ такихъ экспериментовъ. Едва ли также мы можемъ утверждать, что намъ удастся это сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

V.

Итакъ, мы видимъ, что теорія Джемса-Ланге не можетъ почитаться вполне доказанною. Очень мало надежды на то, что она окажется таковою хотя бы и не въ ближайшемъ будущемъ: самый характеръ трактуемой теоріи таковъ, что полное доказательство является совершенно невозможнымъ (что, конечно, нисколько не колеблетъ правдоподобія этой гипотезы). При этомъ окончательное сужденіе объ этой теоріи можетъ быть произнесено только въ зависимости отъ того, что именно мы понимаемъ подъ терминомъ эмоціи.

Но, будучи недоказуема по существу, можетъ ли эта теорія удовлетворять тѣмъ цѣлямъ, которыя, главнымъ образомъ, имѣли въ виду ея авторы? И на этотъ вопросъ мы не рѣшаемся отвѣтить вполне удовлетворительно. Въдѣ, наши знанія о тѣхъ органическихъ процессахъ, которые обуславливаютъ возникновеніе тѣхъ или другихъ эмоцій, очень несовершенны, и едва ли мы можемъ положить извѣстныя намъ характеристическія черты въ основаніе классификаціи чувствованій, и это тѣмъ болѣе, что тѣ признаки, которые въ настоящее время считаются типичными для той или другой эмоціи, слишкомъ общи и часто неопредѣленны. Такимъ образомъ, едва ли можно думать, что рекомендуемый Джемсомъ-Ланге способъ классифицированія вытѣснить въ ближайшемъ же будущемъ существующіе приемы распределе-

нія эмоцій, гдѣ принципомъ классификаціи, особенно по отношенію къ болѣе тонкимъ чувствованіямъ, чаще всего является интеллектуальный элементъ, присущій той или другой эмоціи. Во всякомъ случаѣ, мало поможетъ дѣлу, если мы будемъ относить къ одному разряду чувствъ такія эмоціи, какъ гнѣвъ и радость, въ которыхъ, по основамъ Ланге, фізіологическія проявленія очень сходны. Мы уже не говоримъ о громадномъ различіи между гнѣвомъ и радостью съ чисто психологической точки зрѣнія, но вѣдь и въ самой эмоціи радости мы можемъ наблюдать очень много оттѣнковъ, для которыхъ мы едва ли когда-нибудь будемъ въ состояніи точно указать всѣ соотвѣтствующіе фізіологическіе процессы. Такимъ образомъ, повторяемъ, попытка Джемса-Ланге указать объективные признаки для классификаціи эмоцій едва ли можетъ оказаться очень плодотворною, особенно если имѣть въ виду современное состояніе нашихъ фізіологическихъ знаній.

Всѣми этими критическими замѣчаніями мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что гипотеза упомянутыхъ ученыхъ имѣетъ совсѣмъ ничтожное значеніе въ глазахъ лицъ, интересующихся проблемами общей психологіи. Далеко нѣтъ. Самая теорія и оживленная полемика по поводу нея съ наглядною очевидностью показываютъ, сколько еще спорнаго и неопредѣленнаго существуетъ относительно такихъ вопросовъ, которые на первый разъ могутъ показаться давно рѣшенными. Такъ оказывается, что еще самыя понятія чувствованія, эмоціи, не могутъ почитаться твердо установленными,—мы уже не говоримъ о томъ, что природа этихъ явленій до сихъ поръ остается невыясненною. Мы видѣли, что нѣкоторыя изъ возраженій противъ упомянутой теоріи совершенно не попадаютъ въ цѣль, такъ какъ основываются на недоразумѣніи—вслѣдствіе далеко неодинаковаго пониманія извѣстныхъ психологическихъ терминовъ. Такимъ образомъ, значеніе трактуемой гипотезы заключается въ томъ, что она еще разъ призываетъ насъ тщательно пересмотрѣть тѣ основоположенія, съ которыми оперируетъ

современная психологія; она заставляет насъ углубить психологическій анализъ, чтобы на полученныхъ такимъ путемъ данныхъ имѣть возможность установить болѣе прочный базисъ для психологіи, какъ болѣе или менѣе точной опытной науки. Въ связи съ этимъ эта же теорія лишній разъ оттъняетъ важное значеніе физиологической стороны въ актахъ нашей эмоціоанальной жизни, что нерѣдко упускается изъ виду представителями чисто спиритуалистической психологіи. Если разнообразныя органическія ощущенія, о которыхъ говорятъ Джемсъ и Ланге, и не исчерпываютъ содержанія эмоціоанального состоянія, то все - таки важное значеніе ихъ для порожденія такого состоянія лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и мысль объ исключительно центральномъ происхожденіи нашихъ эмоцій уже должна быть удалена изъ научнаго обихода современной психологіи. Отсюда, значеніе теоріи Джемса - Ланге заключается, главнымъ образомъ, въ томъ стимулирующемъ дѣйствиі, которое она оказываетъ на лучшихъ представителей современной психологической науки и которое можетъ быть очень плодотворнымъ для дальнѣйшей разработки этой дисциплины.

Н. Виноградовъ.

Научное міровоззрѣніе и философія.

(По поводу статьи проф. В. И. Вернадскаго „О научномъ міровоззрѣніи“.)

Изложенныя здѣсь мысли вызваны статьею, напечатанною нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ нашемъ журналѣ¹⁾. Статья эта была съ интересомъ прочитана многими, но все же мнѣ кажется, что къ ней отнеслись съ незаслуженно малымъ вниманіемъ. По своему содержанію она очень стоитъ того, чтобы надъ нею побольше задуматься и хорошенько провѣрить сдѣланные въ ней выводы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ ней высказывается весьма важное *новое слово*, тѣмъ болѣе интересное, что оно исходитъ отъ авторитетнаго представителя положительной науки и отъ убѣжденнаго послѣдователя строго научнаго взгляда на вещи. Я разумѣю статью проф. Вл. И. Вернадскаго „О научномъ міровоззрѣніи“, въ которой онъ пытается дать всестороннюю, объективную и въ высокой степени оригинальную оцѣнку состава, предѣловъ и компетенціи научнаго міропониманія и критически опредѣлить его внутреннее достоинство по сравненію съ идеями, получающими свое начало уже не въ положительной наукѣ, а въ философіи и религіи.

Всѣ соображенія уважаемаго автора вращаются около двухъ главныхъ мыслей, тѣсно связанныхъ между собою; первую изъ нихъ можно изложить такъ: научное міровоззрѣ-

1) „Вопросы философій и психологіи“, кн. 65.

ніе слагается изъ элементовъ неравнаго достоинства. Сравнительно весьма небольшое число идей и положеній, въ него входящихъ, представляютъ изъ себя общеобязательныя, для всѣхъ временъ неотмѣнныя и разъ навсегда доказанныя научныя истины. Гораздо большее мѣсто въ немъ принадлежитъ обобщеніямъ лишь приблизительно вѣрнымъ или еще не нашедшимъ безспорнаго обоснованія, гипотезамъ, полезнымъ и практически пригоднымъ въ данное время и при данномъ состояніи науки, даже фикціямъ, которымъ по недоразумѣнію приписали реальное и предметное значеніе, и т. д. Въ научномъ міросозерцаніи далеко не все научно; и наоборотъ, если выдѣлить изъ него его дѣйствительно научныя части, онѣ не могутъ составить единаго, цѣльнаго, законченнаго, все объясняющаго міросозерцанія,—для этого онѣ просто слишкомъ разрознены и отрывочны. Авторъ говоритъ ¹⁾: „Весьма часто приходится слышать, что то, что научно, то вѣрно, правильно, то служитъ выраженіемъ чистой и неизмѣнной истины. Въ дѣйствительности однако это не такъ... Только нѣкоторыя, все еще очень небольшія, части научнаго міровоззрѣнія неопровержимо доказаны, соотвѣтствуютъ формальной дѣйствительности, являются научными истинами. Отдѣльныя его части, комплексы фактовъ, точно и строго наблюдаемые, могутъ вполне соотвѣтствовать дѣйствительности, быть несомнѣнными, но ихъ объясненіе, ихъ связь съ другими явленіями природы, ихъ значеніе рисуются и представляются намъ различно въ разныя эпохи... Научное міровоззрѣніе не даетъ намъ картины міра въ дѣйствительномъ его состояніи“. Онъ думаетъ даже ²⁾, что „современное научное міровоззрѣніе и вообще господствующее научное міровоззрѣніе даннаго времени—не есть maximum раскрытія истины для данной эпохи“. „Настоящіе люди съ максимальнымъ для даннаго времени истиннымъ миро-

1) О научномъ міровоззрѣніи, стр. 1417.

2) Стр. 1455.

воззрѣніемъ всегда находятся среди группъ и лицъ, стоящихъ въ сторонѣ, среди научныхъ еретиковъ, а не среди представителей господствующаго научнаго міровоззрѣнія“¹⁾. Чтобы доказать несостоятельность увѣренности „въ тождественности научнаго міровоззрѣнія съ научной истиной“, онъ старается показать на цѣломъ рядѣ яркихъ примѣровъ изъ исторіи астрономіи (борьба Копернико-Ньютоновской системы съ Птолемеевой)²⁾, физики (борьба теоріи истеченія свѣта съ теоріей колебанія ээира)³⁾ и другихъ наукъ, что обобщенія и объясненія, общепризнанныя и достаточныя въ теченіе очень долгихъ періодовъ научнаго развитія, потомъ сплошь и рядомъ оказывались фактически невѣрными. По этому поводу онъ говоритъ⁴⁾: „Научное міровоззрѣніе не является синонимомъ истины... Признаки научнаго міровоззрѣнія совсѣмъ другія... Въ нашемъ научномъ міровоззрѣніи есть части, столь же мало отвѣчающія дѣйствительности, какъ мало ей отвѣчала царившая долгіе вѣка система эпицикловъ“. Вообще съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на огромномъ значеніи въ развитіи научнаго міропониманія различныхъ фикцій. Онъ указываетъ на большую и притомъ очень плодотворную роль, которую сыгралъ въ исторіи математики вопросъ о квадратурѣ круга, но великое значеніе въ исторіи механики вопроса о *perpetuum mobile*, на важность для исторіи химіи поисковъ за философскимъ камнемъ и дѣлаетъ слѣдующія общія замѣчанія о фикціяхъ въ наукѣ⁵⁾. „Онѣ составляютъ крупную часть всякаго научнаго міровоззрѣнія и несомнѣнно въ значительномъ количествѣ находятся въ нашемъ современномъ міровоззрѣніи. Въ послѣднее время поднялся вопросъ о томъ, что къ числу такихъ великихъ заблужденій относятся нѣкоторыя основныя черты нашего

1) Тамъ же, стр. 1454.

2) Стр. 1418—1420.

3) Стр. 1450—1451.

4) Стр. 1425.

5) Стр. 1449.

современнаго научнаго міросозерцанія. Такъ частію благодаря философской разработкѣ научныхъ данныхъ Махомъ и другими теоретиками эмпирико-критической философіи, частію благодаря развитію физической химіи—выдвинулись въ послѣдніе годы возраженія противъ одной изъ основныхъ задачъ современнаго точнаго знанія: „всѣ явленія сводятся къ движенію“.

Наиболѣе характерную и оригинальную черту разсужденій проф. В. И. Вернадскаго составляютъ постоянно возвращающіяся и настойчивыя указанія на тѣсную связь и зависимость идей и предположеній научнаго міровоззрѣнія отъ другихъ областей духовной жизни. „Нѣкоторыя части даже современнаго научнаго міровоззрѣнія—,говоритъ онъ¹⁾,—были достигнуты не путемъ научнаго исканія или научной мысли,—онѣ вошли въ науку извнѣ: изъ религіозныхъ идей, изъ философіи, изъ общественной жизни, изъ искусства... Таково происхожденіе даже основныхъ, наиболѣе характерныхъ, чертъ точнаго знанія, тѣхъ, которыя временами считаются наиболѣе яркимъ его условіемъ. Такъ столь общее и древнее стремленіе научнаго міросозерцанія выразить все въ числахъ, исканіе кругомъ простыхъ числовыхъ отношеній проникло въ науку изъ самаго древняго искусства — изъ музыки“. „Источники наиболѣе важныхъ сторонъ научнаго міровоззрѣнія,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ²⁾,—возникли внѣ области научнаго мышленія, проникли въ него извнѣ... Такъ столь обычныя и болѣе частныя, конкретныя черты нашего научнаго мышленія, какъ атомы, сила, вліяніе отдѣльныхъ явленій, матерія, наслѣдственность, энергія, эфиръ, элементы, инерція, безконечность міра и т. п. вошли въ міровоззрѣніе изъ другихъ областей человѣческаго духа“. Детально онъ подтверждаетъ это на историческомъ анализѣ происхожденія понятій о всеобщемъ господствѣ математическихъ отношеній надъ

¹⁾ Стр. 1423.

²⁾ Стр. 1428.

міромъ, о міровой гармоніи, о космосѣ, о силѣ¹⁾. Онъ неоднократно останавливается на томъ, какъ идеи, первоначально имѣвшія чисто философское происхожденіе, послѣ, пройдя черезъ пробу научнаго метода, становились общепринятыми научными принципами; онъ показываетъ, какъ философы своими умозрительно построенными объясненіями даже отдѣльныхъ группъ явленій иногда гораздо ближе подходятъ къ ихъ истинной природѣ, чѣмъ присяжные представители научнаго міровоззрѣнія, и предвосхищаютъ научные взгляды отдаленнаго будущаго. По поводу великаго спора двухъ теорій свѣта онъ говоритъ²⁾: „Господствующія системы философскаго міровоззрѣнія никогда не признавали теоріи истеченія; картезианцы и послѣдователи философіи Мальбранша или Лейбница въ этомъ отношеніи были единодушны... Въ этомъ вопросѣ представители философскихъ идей были болѣе правы, чѣмъ ихъ противники. Побѣда научнаго міровоззрѣнія надъ тогдашнимъ философскимъ была кажущейся. Научная истина находилась въ трудахъ философовъ“.

Въ виду такой общей оцѣнки состава и происхожденія научнаго міросозерцанія вполне понятною является вторая главная мысль статьи В. И. Вернадскаго. Ее можно формулировать такъ: притязанія научнаго міровоззрѣнія на исключительное господство надъ человѣческой мыслию и человѣческимъ сознаніемъ неосновательны, — оно должно существовать рядомъ съ философіей и міросозерцаніемъ религіознымъ; въ качествѣ законченныхъ картинъ дѣйствительности въ ея цѣломъ эти три способа пониманія или представленія міра равноправны между собою. Они не исключаютъ другъ друга и не противорѣчатъ другъ другу, — по крайней мѣрѣ не должны противорѣчить при нормальной ихъ постановкѣ. Напротивъ, уничтоженіе какого-нибудь изъ нихъ рѣшительно отразилось бы на другихъ искаже-

1) Стр. 1423—1431.

2) Стр. 1451.

ніемъ и оскудѣніемъ ихъ содержанія: только въ свободномъ и живомъ взаимодействіи ихъ лежитъ настоящій залогъ ихъ жизненности и широкаго внутренняго развитія. Авторъ говоритъ ¹⁾: „Отдѣленіе научнаго мировоззрѣнія и науки отъ одновременно или ранѣе происходившей дѣятельности человѣка въ области религіи, философіи, общественной жизни или искусства невозможно. Всѣ эти проявленія человѣческой жизни тѣсно сплетены между собою и могутъ быть раздѣлены только въ воображеніи... Прекращеніе дѣятельности человѣка въ области ли искусства, религіи, философіи или общественной жизни не можетъ не отразиться болѣзненнымъ, можетъ быть подавляющимъ образомъ на наукѣ. Въ общемъ мы не знаемъ науки, а слѣдовательно, и научнаго міросознанія, внѣ одновременнаго существованія другихъ сферъ человѣческой дѣятельности; и поскольку мы можемъ судить изъ наблюденія надъ развитіемъ и ростомъ науки, всѣ эти стороны человѣческой души *необходимы* для ея развитія, являются той питательной средой, откуда она черпаетъ жизненные силы, той атмосферой, въ которой идетъ научная дѣятельность“.

Такимъ пониманіемъ отношенія научнаго міросозерцанія къ другимъ видамъ духовной дѣятельности авторъ обосновываетъ свою отрицательную критику предположенія о послѣдовательной смѣнѣ мировоззрѣній въ человѣческой исторіи, нашедшаго себѣ классическое выраженіе въ знаменитомъ законѣ трехъ состояній Огюста Конта. Авторъ говоритъ ²⁾: „Среди теченій научнаго мировоззрѣнія существуютъ направленія, которыя предполагаютъ, что научное мировоззрѣніе можетъ замѣнить собою мировоззрѣнія религіозное и философское; иногда приходится слышать, что роль философскаго мировоззрѣнія и даже созидательная и живительная роль философіи для человѣчества кончена и въ будущемъ должна быть замѣнена наукою. Но такое

¹⁾ Стр. 1431—1432.

²⁾ Стр. 1432.

мнѣніе само представляетъ изъ себя не что иное, какъ отголосокъ одной изъ философскихъ схемъ и едва ли можетъ выдержать пробу научнаго къ себѣ отношенія. Никогда не наблюдали мы до сихъ поръ въ исторіи человѣчества науки безъ философіи и, изучая исторію научнаго мышленія, мы видимъ, что философскія концепціи и философскія идеи входятъ какъ необходимый, всепроникающій науку элементъ во все время ея существованія. Только въ абстракціи и въ воображеніи, не отвѣчающемъ дѣйствительности, наука и научное міровоззрѣніе могутъ довлѣть сами себѣ, развиваться помимо участія идей и понятій, разлитыхъ въ духовной средѣ, созданной инымъ путемъ. Говорить о необходимости исчезновенія одной изъ сторонъ человѣческой личности, о замѣнѣ философіи наукой, или обратно, можно только въ ненаучной абстракціи⁴. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ ¹⁾: „Не говоря уже о неизбѣжномъ и постоянно наблюдаемомъ питаніи науки идеями и понятіями, возникшими какъ въ области религіи, такъ и въ области философіи, питаніи, требующемъ *одновременной* работы въ этихъ различныхъ областяхъ сознанія, необходимо обратить вниманіе еще на *обратный* процессъ, проходящій черезъ всю духовную исторію человѣчества. Ростъ науки неизбѣжно вызываетъ въ свою очередь необычайное расширеніе границъ философскаго и религіознаго сознанія человѣческаго духа; религія и философія, воспринявъ достигнутыя научнымъ міровоззрѣніемъ данныя,—все дальше и дальше расширяютъ глубокіе тайники человѣческаго сознанія“.

II.

Трудно отрицать глубокую важность этихъ общихъ заключеній, а для непредвзятой критики и глубокую ихъ вѣрность. Въ виду моей задачи, я ограничусь только выводами уважаемаго автора объ отношеніи научнаго міросозерцанія къ философіи. Мнѣ кажется, и въ этомъ частномъ

¹⁾ Стр. 1437.

вопросъ его мысли заслуживаютъ самаго внимательнаго обсуждения: немногіе ранѣе его такъ ярко освѣщали ту истину, что наиболѣе принципиальныя и существенныя основанія той картины вселенной, которая дается въ научномъ міровоззрѣніи, первоначально возникли въ философіи; нерѣдко долго составляли ея исключительное достояніе и лишь постепенно перебрались въ науку. Мнѣ представляется, что въ подтвержденіе этого тезиса можно было бы привести и много другихъ примѣровъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ останавливается авторъ. Что особенно важно, эти основныя начала научнаго міровоззрѣнія сплошь и рядомъ не допускаютъ дѣйствительнаго и полнаго научнаго доказательства,—для нихъ возможна только *научная проба* въ смыслѣ строго установленнаго *отсутствія противорѣчій* между этими началами и наблюдаемыми фактами. Мнѣ очень жаль, что проф. Вернадскій мало остановился на этомъ существенномъ логическомъ различіи между двумя видами научнаго оправданія общихъ началъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ довольно ясно на него намекаетъ ¹⁾.

Возьмемъ двѣ истины, на которыхъ современное научное міровоззрѣніе все зиждется: *сохраненіе вещества* и *сохраненіе энергіи*. Что вещество не исчезаетъ и не возникаетъ вновь,—это было умозрительно неизбѣжнымъ предположеніемъ и убѣжденіемъ отдѣльныхъ философскихъ системъ (напр. атомизма) задолго до того, какъ сдѣланы были первыя попытки его доказать научнымъ образомъ. Это предположеніе съ аналитическою или умозрительною необходимостью вытекало изъ другого,—что вещество съ его свойствами протяженности, подвижности, непроницаемости есть реальный субстратъ всѣхъ вещей и явленій природы. Понятое въ свѣтъ этого втораго предположенія, оно равняется утверженію: *субстанція не уничтожается*; не можетъ само возникнуть или исчезать то, что есть *основа* всякаго возникновенія и уничтоженія, т.-е. то, безъ наличности чего какое бы то

1) См. напр. стр. 1427.

ни было происхожденіе или уничтоженіе были бы невысказанными понятіями. Вотъ логическій мотивъ, благодаря которому принципъ неуничтожимости матеріи такъ рано установился еще въ древней философіи (у Эмпедокла, Анаксагора и атомистовъ), хотя частности тогдашнихъ представленій о вещественномъ субстратѣ природныхъ процессовъ далеко не во всемъ сходились съ нашими идеями о немъ. Этотъ мотивъ ясенъ и понятенъ для cadaго ума. Напротивъ, совершенно очевидно, что *настоящая* (т.-е. абсолютно безспорнаго и при томъ въ самомъ дѣлѣ покрывающаго эту истину въ ея универсальномъ смыслѣ) опытнаго ея доказательства быть не можетъ. Тому препятствуютъ природная ограниченность нашей чувственной воспріимчивости и неизбежная узость нашей сферы наблюдений. Чѣмъ и какъ доказать, что ни въ безконечномъ прошломъ, ни въ безконечномъ будущемъ міра, ни кругомъ насъ, ни на какомъ угодно разстояніи отъ насъ, ни въ веществѣ вѣсомомъ, ни въ невѣсомомъ эфирѣ, — ни одинъ атомъ никогда не возникаль и не возникнетъ, никогда не исчезаль и не исчезнетъ? Какіе употребить для этого экспериментальные приемы, *дѣйствительно и вполне* отвѣчающіе такой задачѣ? Вѣдь даже о тѣхъ вещахъ, которыя даны намъ въ руки, мы не могли бы со всею строгостью доказать ничего подобнаго, хотя бы мы пользовались самыми совершенными и чувствительными вѣсами, какіе только можетъ создать человѣческая техника. Тѣмъ болѣе не можетъ быть такого доказательства о вещахъ, находящихся отъ насъ на безконечномъ разстояніи, или о тѣхъ, которыя возникнуть въ отдаленномъ будущемъ или уже имѣли мѣсто въ далекомъ прошломъ. Между тѣмъ истина о сохраненіи вещества обладаетъ абсолютно универсальнымъ значеніемъ, она одинаково относится и къ близкому и къ далекому веществу, и къ веществу прошлаго и къ веществу будущаго. Это ея совершенная универсальность можетъ ли быть доказана экспериментальнымъ или вообще эмпирическимъ путемъ? Ясно, что объ этомъ не можетъ быть никакой рѣчи: всегда въ этомъ

случаѣ мы будемъ имѣть не доказательство, въ строгомъ смыслѣ слова, а только *повѣрку* или *пробу* данной предполагаемой всеобщей истины. Мы можемъ только утверждать, что въ предѣлахъ нашего наблюденія (весьма тѣсныхъ) и въ границахъ осязаемаго для насъ (при всѣхъ условіяхъ изощренія нашихъ чувствъ, весьма далекихъ отъ послѣднихъ элементовъ вещей) между фактами опыта и принципомъ сохранения вещества противорѣчія не замѣчается, т.-е., другими словами: еслибъ вещество и въ самомъ дѣлѣ было абсолютно неистребимо, нашъ опытъ имѣлъ бы тотъ самый видъ, какой теперь имѣеть.

Означаетъ ли это однако, что онъ не имѣлъ бы того же самаго вида, если бъ этотъ принципъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до извѣстныхъ предѣловъ постоянно нарушался? Допустимъ, напр., что матеріальные атомы исчезаютъ и возникаютъ вновь, приблизительно въ одномъ и томъ же количествѣ и на тѣхъ же мѣстахъ и приблизительно съ такимъ же запасомъ энергій, какой былъ накопленъ въ прежнихъ атомахъ, такъ что атомы, вновь возникшіе, вступаютъ съ окружающими ихъ атомами во взаимодействія, аналогичныя тѣмъ, въ какихъ къ нимъ находились старыя исчезнувшіе атомы, — могли ли бы мы это замѣтить? Вѣдь въ нашъ чувственный опытъ попадаютъ только очень суммарныя и очень рѣзкіе результаты перемѣнъ во внутреннемъ составѣ окружающаго насъ міра, — порогъ нашего сознанія въ этомъ отношеніи поставленъ очень высоко. Или предположимъ, примыкая къ сторонникамъ чисто энергетическаго взгляда на природу, что вещество съ его протяженностью, подвижностью, объемомъ, массой и т. д. есть только частная форма міровой энергій, — точнѣе говоря, только особое сочетаніе соотвѣствующихъ этимъ общимъ свойствамъ всего тѣлеснаго энергій, рядомъ съ которыми однако существуютъ другія, уже не получающія нагляднаго облика тѣлъ и ихъ движеній; проводя этотъ взглядъ до его крайнихъ послѣдствій, можно вполне себѣ представить, что вещество превращается въ иныя формы космической энергій, т.-е.

что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вещественныя частицы съ ихъ движеніями могутъ совсѣмъ исчезать, уступая свое мѣсто другимъ формамъ физической работы, которыя эквивалентны прежнимъ, но уже не привязаны прямо къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ тѣламъ или ихъ движеніямъ. И, наоборотъ, тогда можно представить, что при извѣстныхъ условіяхъ эти другія формы энергіи превращаются въ движущееся вещество, т.-е. что подвижныя матеріальныя частицы возникаютъ вновь тамъ, гдѣ ихъ прежде не было ¹⁾. При такомъ взглядѣ особый законъ сохраненія вещества обратился бы въ ничто и всецѣло слился бы съ закономъ сохраненія энергіи. А между тѣмъ картина наблюдаемаго нами міра имѣла бы при этомъ совсѣмъ тотъ же самый видъ, какой она имѣетъ теперь. Или развѣ нельзя вообразить, до конца развивая старинный картезіанскій взглядъ на сохраненіе вещей, какъ на ихъ непрерывное новое твореніе, что все физическое вещество въ каждый новый моментъ своего бытія цѣликомъ создается вновь, но всегда въ одинаковомъ количествѣ, съ тѣмъ же самымъ расположеніемъ частей, которое было достигнуто въ моментъ предшествующій, и съ тѣмъ же запасомъ движеній? Измѣнился ли бы сколько-нибудь для насъ отъ такого предположенія эмпирическій обликъ вселенной? Или что сказать противъ новой и пользующейся столь широкою популярностью въ нѣкоторыхъ кругахъ теоріи, талантливымъ защитникомъ которой явился Эрнстъ Махъ и по которой никакого вещества, какъ субстрата матеріальныхъ свойствъ и процессовъ, нѣтъ вовсе, и самое понятіе о немъ должно быть изгнано изъ науки, какъ жалкій остатокъ схоластики и какъ послѣднее убѣжище дуалистическаго воззрѣнія на міръ? Партизаны этого новаго взгляда думаютъ, что на свѣтѣ ничего не существуетъ, кромѣ ощущеній, что тѣла суть только комплексы ощущеній и ничего больше, а законы

¹⁾ Знаменитый проповѣдникъ энергетизма Оствальдъ уклоняется отъ подобныхъ предположеній, но едва ли съ достаточнымъ основаніемъ.

тѣль только математически выразимыя функціональныя отношенія и зависимости между такими комплексами. Вещественная вселенная для нихъ—это только общая, непрерывная, волнуемая масса ощущеній, сплоченная и связанная, которая, сгущаясь въ отдѣльныхъ точкахъ, образуетъ то, что мы называемъ своими я или своими психическими индивидуальностями. Между сторонниками такого воззрѣнія на физическую природу есть извѣстные ученые, и они совершенно убѣждены, что ихъ предположенія нисколько не расходятся съ показаніями опыта. И развѣ мало можно сдѣлать еще и другихъ предположеній, самыхъ разнообразныхъ по содержанию, при сравнительной оцѣнкѣ которыхъ опытъ долженъ молчать?

Почему же мы принципъ сохраненія вещества невольно предпочитаемъ всякимъ другимъ гипотезамъ въ этой области? Просто за его наглядность, за его логическую ясность и законченность, за его умозрительную убѣдительность и внутреннюю цѣльность. Всякое другое предположеніе кажется намъ менѣе опредѣленнымъ и понятнымъ, менѣе связнымъ въ совокупности своихъ допущеній, болѣе сложнымъ и произвольнымъ. Разъ вещество есть универсальный субстратъ физическаго міра, возвышающійся надъ всѣми его измѣненіями, совершенно понятно, что оно *не должно* никогда исчезать, а стало быть и мы не можемъ наблюдать его дѣйствительнаго исчезновенія. Однако изъ того, что при этомъ условіи отсутствіе у насъ такихъ наблюденій всего понятнѣе, конечно, еще не слѣдуетъ, что именно въ немъ, а не въ чемъ-нибудь другомъ, заключается *реальная причина* того, что люди никогда до сихъ поръ не наблюдали, какъ вещество возникаетъ совсѣмъ заново или какъ оно обращается въ ничто. Въдѣ удобство предположенія далеко не всегда есть ручательство за достовѣрность предположенія. Въ дѣйствительной жизни далеко не то только истинно, что просто и до-гла понятно,—міръ много сложнѣе и много таинственнѣе нашихъ ясныхъ понятій о немъ. Поэтому съ строго научной точки зрѣнія было бы, пожалуй,

осторожнѣе смотрѣть на сохраненіе вещества, употребляя терминологію Канта, скорѣе какъ на *регулятивный*, нежели какъ на *конститутивный* принципъ знанія. Онъ есть методологическое правило, съ точки зрѣнія котораго намъ всего удобнѣе анализировать явленія природы, — болѣе того, онъ есть практическое мѣрило, которое до сихъ поръ насъ никогда не обманывало. Не представляетъ ли онъ изъ себя еще что-нибудь бѣльшее? Выражаетъ ли онъ нѣкоторую абсолютную истину о *всей* природѣ? Какъ мы видѣли, эмпирическія основанія для такого утвержденія слишкомъ слабы и шатки.

Что касается умозрительныхъ основаній для убѣжденія въ абсолютномъ сохраненіи вещества во всѣхъ процессахъ природы (которыя въ сущности и ввели это убѣжденіе во всеобщій обиходъ), то недостатокъ ихъ заключается въ нѣкоторой неопредѣленности и двусмысленности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, съ точки зрѣнія неизбѣжно присущихъ нашему уму логическихъ категорій, у физическихъ процессовъ и явленій непремѣнно долженъ быть какой-нибудь пребывающій, всегда себѣ внутренно тождественный субстратъ, который не можетъ ни возникать вновь, ни обращаться въ абсолютное ничто. Но что это за субстратъ? Должны ли въ немъ всегда и вездѣ, при всѣхъ условіяхъ и перемѣнахъ въ безконечной вселенной, обнаруживаться тѣ физическія свойства, которыя мы наблюдаемъ въ эмпирически данномъ веществѣ? Этотъ вопросъ едва ли допускаетъ безспорное умозрительное рѣшеніе. Обладаетъ ли такой субстратъ этими физическими свойствами самъ въ себѣ, въ своей внутренней сути, помимо нашего наблюдающаго сознанія? Утверждать это нѣтъ никакихъ умозрительныхъ основаній. Итакъ, можно, если угодно, считать вполнѣ неоспоримымъ умозрительнымъ положеніемъ, что и у физическихъ явленій, какъ у всякихъ явленій вообще, есть какая-то субстанція. Но многому ли научаетъ это положеніе? А вѣдь это все значить, что даже для такого основоположнаго вѣрованія въ нашемъ міровоззрѣніи, какимъ

является принципъ сохраненія вещества, не существуетъ настоящихъ, дѣйствительно его покрывающихъ во всей полнотѣ и широтѣ его содержанія доказательствъ, — ни эмпирическихъ, ни умозрительныхъ.

Вполнѣ аналогичныя замѣчанія и даже съ еще бѣльшимъ правомъ можно сдѣлать о законѣ сохраненія энергіи. Также и онъ, по крайней мѣрѣ въ томъ общемъ видѣ, въ какомъ онъ является догматомъ современнаго научнаго міропониманія, получилъ свое начало въ философіи и около двухъ столѣтій царилъ надъ умами и вдохновлялъ постановку и разрѣшеніе наиболѣе головоломныхъ метафизическихъ проблемъ, прежде чѣмъ Ю. Р. Майеръ, Гельмгольцъ и Джоуль дали ему его научное выраженіе и обоснованіе. Впервые мы находимъ принципъ сохраненія энергіи у Декарта въ его ученіи о томъ, что сумма движенія, сообщенная міру при самомъ его созданіи, всегда остается неизмѣнною. Правда, Декартъ еще не различалъ между кинетической и потенциальной энергіей и поэтому далъ принципу ея сохраненія выраженіе не точное и фальшивое. Но уже Лейбницъ его исправилъ въ этомъ пунктѣ и выставилъ другую формулу, основанную на различіи между понятіями силы и количества движенія и по содержанію весьма близкую къ современной формулѣ закона сохраненія энергіи. При этомъ онъ еще болѣе рѣшительно, чѣмъ Декартъ, настаиваетъ на совершенной непрерывности и замкнутости механическаго хода явленій и на полной невозможности для него испытывать какія-нибудь воздѣйствія извнѣ отъ силъ немеханическаго порядка. И въ такомъ взглядѣ на природу Декартъ и Лейбницъ не были одинокими: для большинства философовъ XVII и XVIII вв. мысль о томъ, что вся жизнь міра во всѣхъ его явленіяхъ и процессахъ есть только физически неизбѣжный и непрерывный рядъ превращеній одного и того же запаса силъ и движеній, которыя мѣняютъ только свои внѣшнія формы, — была столь же близкою и дорогою, какъ и для современныхъ намъ естествоиспытателей. Вѣдь именно для того, чтобы отстоять ее, создали окказіоналисты

свои теоріи, отрицавшія возможность для души дѣйствовать на тѣло, Спиноза провозгласилъ свое ученіе о непрерывномъ параллелизмѣ душевныхъ и тѣлесныхъ состояній, Лейбницъ сочинилъ свою предустановленную гармонію. Современные гипотезы эпифеноменизма и параллелизма только повторяютъ то, что много лѣтъ назадъ проповѣдывали старые метафизики, и часто повторяютъ далеко не такимъ яснымъ языкомъ. Идея о единствѣ и сохраненіи силъ въ природѣ была чуть ли не всеобщимъ догматомъ вѣры у философвъ-метафизиковъ задолго до того, какъ въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія она превратилась въ великое научное открытіе.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи судьба принциповъ сохраненія энергіи и сохраненія вещества — одинакова: они оба получили начало въ умозрѣніяхъ философвъ. Одинакова она и въ другомъ отношеніи: они оба не допускаютъ строгаго эмпирическаго доказательства, которое всецѣло отвѣчало бы ихъ очень широкому и категорическому смыслу, а только опытную *повѣрку* или *пробу*. Что законъ сохраненія энергіи въ этомъ случаѣ находится не въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ принципъ сохраненія вещества, — это едва ли нуждается въ подробныхъ объясненіяхъ. Экспериментальнымъ образомъ доказать, что никакая даже малѣйшая доля міровой энергіи, ни въ безконечномъ прошломъ, ни въ безконечномъ будущемъ, ни въ безконечно удаленныхъ отъ насъ мірахъ, никогда не пропадала и не пропадетъ, очевидно, такъ же невозможно, какъ нельзя доказать, что нигдѣ и никогда не пропалъ ни одинъ атомъ. Опытъ только позволяетъ *предполагать* это безъ противорѣчія съ его данными. Но изъ этого, конечно, вовсе еще не слѣдуетъ, что никакія другія предположенія въ этой области совсѣмъ немислимы.

Послѣ того, что было сказано о принципѣ сохраненія вещества, на всемъ на этомъ едва ли нужно настаивать. Въ законѣ сохраненія энергіи приходится остановиться на другой сторонѣ, заслуживающей самаго серьезнаго вни-

манія: на нѣкоторой двойственности его смысла и характера. Прежде всего этотъ законъ есть принципиальное положеніе механики или общей физики, выводимое дедуктивно изъ предпосылокъ механической науки. Именно въ этомъ видѣ онъ былъ впервые усвоенъ философами и его же онъ въ значительной степени сохраняетъ въ аргументаціи, напр., Гельмгольца. Общій смыслъ этого положенія можно выразить такъ: въ замкнутой системѣ тѣль общая сумма энергіи (потенціальной и кинетической) сохраняется неизмѣнною, какія бы формы она ни принимала. Если при этомъ имѣть въ виду чисто механическое значеніе этой формулы, то подъ потенциальною энергіей приходится разумѣть энергію приобрѣтенныхъ тѣлами новыхъ положеній въ системѣ, въ отличіе отъ явной энергіи ихъ движеній¹⁾. Съ этой точки зрѣнія въ законѣ сохраненія энергіи мы имѣемъ универсальный физическій законъ, представляющій необходимое слѣдствіе изъ общихъ свойствъ тѣль, каковы: инерція, нахождение въ пространствѣ, масса, способность двигаться и вызывать по опредѣленнымъ законамъ движеніе другъ въ другъ и т. д.

Но, съ другой стороны, законъ сохраненія энергіи можно разсматривать, какъ эмпирическое обобщеніе. Въ этомъ отношеніи его можно охарактеризовать какъ *законъ эквивалентности или эквивалентнаго превращенія* энергій. Его смыслъ таковъ: когда какая-нибудь энергія природы превращается въ другую, то для полученія какого-нибудь количества второй энергіи нужна затрата совершенно опредѣленнаго количества первой. Напримѣръ, чтобы получить единицу теплоты, нужно затратить 425 килограмметровъ механической работы. Обыкновенно мало обращаютъ вниманія, что законъ сохраненія энергіи въ первомъ изъ указанныхъ значеній и законъ сохраненія энергіи во второмъ значеніи говорятъ не совсѣмъ объ одномъ и томъ же, и что ихъ

¹⁾ Если не думать вмѣстѣ съ Герцемъ, что и всякая потенциальная энергія сводится къ невидимымъ формамъ движенія.

можно разсматривать какъ одинъ и тотъ же законъ исключительно подъ условіемъ признанія той гипотезы, что всѣ формы энергіи въ природѣ представляютъ лишь замаскированные видоизмѣненія механическаго движенія тѣлесныхъ частицъ; въ противномъ случаѣ законъ эквивалентности вовсе не равняется закону энергіи, какъ общему постулату механики. Правда, большинство физиковъ склоняется къ сей часъ указанной гипотезѣ, но далеко не всѣ. Еще Р. Майеръ доказывалъ, что теплоту нѣтъ никакого основанія разсматривать, какъ особый видъ движенія; онъ полагалъ, напротивъ, что движеніе,—будь то простое или колебательное,—должно перестать быть движеніемъ, чтобы стать теплотою. Въ наше время въ особенности В. Оствальдъ является глубоко убѣжденнымъ противникомъ механической гипотезы энергіи природы. Въ своихъ „Чтеніяхъ по натурофилософіи“, въ которыхъ можно видѣть классическое выраженіе энергетическаго міросозерцанія, онъ сравниваетъ механическія теоріи отдѣльныхъ силъ природы съ бѣглыми преступниками, которымъ удается разными уловками нѣкоторое время избѣгать ареста, но для которыхъ рано или поздно пробьетъ ихъ часъ; такъ и этимъ теоріямъ не избѣжать судьбы отвергнутыхъ гипотезъ ¹⁾. Предположеніе какого-нибудь матеріальнаго носителя энергіи онъ считаетъ лишнимъ и ненужнымъ и видитъ въ мысли о немъ только пережитокъ схоластики; понятіе объ эфирѣ, съ его точки зрѣнія, не только ненужно, но и полно внутреннихъ противорѣчій ¹⁾. Онъ устанавливаетъ опредѣленную іерархію физическихъ энергіи по степени ихъ связи съ матеріальнымъ субстратомъ: энергія формы, объема и движенія, къ которымъ примыкаетъ также химическая энергія, встрѣчаются въ природѣ только вмѣстѣ и образуютъ въ своей совокупности то, что мы называемъ матеріей. Теплота и электрическая энергія хотя и связаны съ матеріей, но уже не нераздѣльно: онѣ могутъ отъ нея отдѣляться. Еще

¹⁾ Naturphilosophie, 1902, S. 211. ²⁾ Ibid., S. 238—239.

независимѣ отъ матеріи энергія лучистая: когда, напр., свѣтъ пролетаетъ отъ солнца до земли, онъ свободенъ отъ всякой матеріи ¹⁾. Впрочемъ самое противоположеніе матеріи другимъ энергіямъ, уже не имѣющимъ матеріальнаго носителя, по Оствальду, представляетъ результатъ фальшиваго дуализма: матерія есть только особый видъ сочетанія энергій ²⁾.

И эти взгляды Оствальда пользуются довольно большою извѣстностью и имѣютъ серьезныхъ защитниковъ, которые горячо борются подъ знаменемъ энергетизма противъ монополіи механическихъ объясненій. Но страннымъ образомъ они не замѣчаютъ слѣдующей простой вещи. Если для большинства энергій природы отвергнуть, какъ это дѣлаетъ Оствальдъ, какія бы то ни было механическія гипотезы, то тогда законъ сохраненія энергіи въ смыслѣ механики и законъ сохраненія энергіи въ смыслѣ эквивалентности,—или говоря кратко—механическій законъ сохраненія энергіи и эмпирическій законъ сохраненія энергіи—явятся совсѣмъ разными законами. И они будутъ не только различны, они окажутся въ непримиримомъ противорѣчій между собою: насколько будетъ осуществляться одинъ, будетъ упраздняться дѣйствіе другого и обратно. Поясню мою мысль сравненіемъ, стоящимъ очень близко къ разсматриваемому вопросу. Неоднократно психологи, утомленные несообразностями эпифеноменистическихъ и параллелистическихъ предположеній (по которымъ психическія явленія только протекаютъ рядомъ съ физиологическими процессами въ нашемъ организмѣ, но ничего въ нихъ отъ себя не мѣняютъ, такъ что если бъ у насъ и вовсе не было ни ощущеній, ни мыслей, ни чувствъ, ни желаній, въ жизни отъ этого ничего бы не измѣнилось,—лишь бы мы физически были устроены такъ же, какъ и теперь) предлагали такой выходъ изъ всѣхъ затрудненій: нужно и на психическую сферу распространить дѣйствіе закона эквивалентныхъ пре-

1) Ibid. 2) Ibid., S. 245.

вращеній всѣхъ энергій другъ въ друга. Слѣдуетъ предположить, что различныя физическія энергіи при опредѣленныхъ условіяхъ превращаются въ психическую, т. е. становятся сознаниемъ, мыслию, чувствомъ и т. д., и что обратно психическая энергія превращается въ физическую, когда, положимъ, наша воля выражаетъ себя въ какомъ-нибудь дѣйствиі. Психическая сила—это не болѣе, какъ одна изъ энергій природы. Такъ смотритъ на дѣло извѣстный нѣмецкій психологъ Штумпфъ, такого же взгляда держался у насъ покойный проф. Н. Я. Гротъ. Нельзя отрицать соблазнительной стройности подобнаго толкованія. Тѣмъ не менѣе физики обыкновенно рѣшительно возстаютъ противъ него. Почему же? Да просто потому, что вмѣсто распространенія закона сохранения энергіи на новую сферу явлений, оно оказывается его рѣшительнымъ отрипаніемъ. Какъ это несомнѣннымъ образомъ показываетъ наше самонаблюденіе, наше сознание, наши мысли, наши чувства и желанія не состоятъ изъ атомовъ, не движутся въ пространствѣ, не обладаютъ массой; какъ утверждаетъ самоочевидная аксіома психологіи, психическія состоянія непротяженны и представляютъ нѣчто всецѣло субъективное по всему своему существу и всѣмъ своимъ свойствамъ; никакихъ физическихъ качествъ у нихъ нѣтъ. А это значитъ, что когда физическая энергія превращается въ психическую, то она на самомъ дѣлѣ превращается въ физическое ничто. Положимъ, какое-нибудь движеніе въ нашихъ мозговыхъ центрахъ превращается въ актъ сознанія, напр., въ мысль. Что тутъ происходитъ? Вѣдь мысль, какъ мысль, т. е. какъ чисто субъективное состояніе нашего духа, не есть физическое движеніе, не есть оно и положеніе въ пространствѣ какихъ-нибудь тѣлъ. Игакъ, движеніе, превратившееся въ мысль, тѣмъ самымъ прекращается, какъ данное движеніе, но при этомъ оно не вызываетъ никакого эквивалентнаго другого движенія, не вызываетъ оно и такого новаго положенія въ данной системѣ тѣлъ, изъ котораго въ будущемъ при благоприятныхъ условіяхъ могло бы развиваться движе-

ніе, эквивалентное прекратившемуся; потому что если бы случилось что-нибудь подобное, то мы бы имѣли уже не превращеніе физической энергии въ психическую, а то, что предполагаютъ эпи феноменисты, — возникновеніе субъективнаго психическаго состоянія, безъ всякой затраты на него физической работы. Другими словами, если въ данныхъ мозговыхъ клѣткахъ физическое движеніе въ самомъ дѣлѣ обратилось въ мысль, не вызвавъ соотвѣтствующихъ ему физическихъ эффектовъ, то въ нихъ общій физическій законъ сохраненія энергіи оказался рѣзко нарушеннымъ: разсматриваемая форма кинетической энергіи пропала, не замѣнившись какою-нибудь другою формой кинетической энергіи или потенциальной энергіи въ физическомъ смыслѣ. Общая сумма энергіи въ данной системѣ тѣлъ явно понизилась. Такое же нарушеніе закона сохраненія энергіи, хотя и въ противоположную сторону произойдетъ и тогда, когда наша мысль, созрѣвъ въ рѣшеніе воли, превратится во внѣшнее дѣйствіе: наше движеніе будетъ вызвано не предшествующимъ движеніемъ и не предшествующимъ положеніемъ, а чѣмъ-то такимъ, что не имѣетъ никакого физическаго облика; общая сумма физической энергіи въ насъ повысится изъ нефизическихъ источниковъ.

Мнѣ кажется, трудно спорить, что эти возраженія довольно серьезны. А между тѣмъ, сдѣлавъ соотвѣтствующія измѣненія, ихъ весьма легко обратить не противъ однихъ сторонниковъ ученія о психической энергіи, но и противъ защитниковъ энергетизма вообще. Если теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ не представляютъ изъ себя скрытыхъ для нашего прямого усмотрѣнія формъ энергіи механической, — если они *безтѣлесны* въ томъ смыслѣ, что не привязаны ни къ какому матеріальному носителю и не являются разными видами движенія его частицъ, — если никакого невѣсомаго эѳира и ничего ему соотвѣтствующаго въ природѣ нѣтъ, — тогда превращеніе въ эти безтѣлесныя энергіи механическихъ процессовъ будетъ такимъ же ихъ обращеніемъ въ механическое ничто, какое мы получаемъ, когда

воображаемъ себѣ, что движеніе мозговыхъ атомовъ превращается въ мысль или чувство. Чисто схематически представимъ себѣ замкнутую систему тѣлъ, въ которой разъ навсегда данъ опредѣленный запасъ механической энергіи; допустимъ, что эта энергія въ разнообразныхъ переходахъ изъ однѣхъ формъ въ другія между прочимъ превращается частью въ теплоту. Но предположимъ при этомъ, что теплота вовсе не есть особый видъ движенія, а составляетъ совсѣмъ своеобразное состояніе природы, непостижимое въ своей внутренней сущности, но не имѣющее подобія ни съ движеніями, ни съ какими-нибудь новыми положеніями тѣлесныхъ частицъ. Не получится ли при этомъ совсѣмъ то же самое, что мы имѣли уже въ примѣрѣ мозговыхъ клѣтокъ? Извѣстное количество движенія въ системѣ, превратясь въ теплоту, какъ движеніе прекратилось, но не перешло при этомъ ни въ эквивалентное ему другое движеніе, ни въ соотвѣтствующее новое расположеніе тѣлъ. Не будетъ ли черезъ это законъ сохраненія энергіи въ его строгомъ механическомъ смыслѣ опять и явно нарушенъ? И мыслимо ли такое нарушеніе, если господство этого закона зависитъ отъ *общихъ* свойствъ тѣлъ, а не отъ какихъ-нибудь специальныхъ и случайныхъ условій ихъ существованія? Допустимъ, что Оствальдъ правъ и что рядомъ съ механической энергіей въ природѣ существуютъ разнообразныя безтѣлесныя энергіи: во всякомъ случаѣ это не можетъ лишить механическую энергію присущаго ей всеобщаго закона дѣйствія. А это значить, что отношеніе механической энергіи къ энергіямъ безтѣлеснымъ никакъ не должно выражаться въ законѣ ея эквивалентнаго *превращенія* въ нихъ. Ясно, что тутъ слѣдуетъ ждать какого-то совсѣмъ другого закона. Если и полагать, что механическая энергія можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, вызывать въ математически опредѣленныхъ пропорціяхъ дѣйствіе энергій немеханическихъ, она не должна при этомъ затрачиваться и исчезать. Съ этой точки зрѣнія, возникновеніе проявленій не механическихъ дѣятелей въ данной механической

системъ, казалось бы, всего скорѣе должно было представлять чистый *приростъ* энергіи, а вовсе не уничтоженіе движенія или тѣмъ болѣе исчезновеніе движущихся тѣлъ.

Въ виду всего этого положеніе закона сохраненія энергіи оказывается довольно двусмысленнымъ. Какъ на него смотрѣть? Примкнуть ли къ толкованію чистыхъ механистовъ и видѣть во всѣхъ энергіяхъ природы только разныя формы энергіи механической, а въ законѣ энергіи только механическій принципъ? Но вѣдь механическія гипотезы этихъ энергій шаткостью своей судьбы въ наукѣ въ самомъ дѣлѣ напоминаютъ бѣглыхъ арестантовъ. И далѣе въ такомъ случаѣ, какъ отстоять по отношенію къ этому закону столь рѣшительно заявляемыя притязанія на его абсолютное господство надъ всѣми явленіями реальной жизни? По своему прямому механическому смыслу онъ предполагаетъ совершенно опредѣленные условія своей примѣнимости: онъ распространяется только на тѣла въ виду ихъ совершенно опредѣленныхъ свойствъ. А гдѣ нѣтъ тѣлъ съ этими свойствами и нѣтъ движеній тѣлъ, тамъ этотъ законъ кончается. Но какъ доказать, что на свѣтѣ ничего, кромѣ тѣлъ, нѣтъ? Вѣдь доказывать абсолютное несуществованіе чего-либо есть вообще самая трудная задача изъ всѣхъ возможныхъ. Допустимъ, что всѣ другія энергіи со временемъ будутъ благополучно истолкованы въ терминахъ процессовъ механическихъ, но куда мы дѣнемся съ своей психикой? Вѣдь, что наше сознаніе въ его субъективномъ содержаніи не состоитъ изъ тѣлесныхъ частицъ и ихъ движеній,—это есть очевидная истина. А что у насъ сознаніе *есть*, противъ этого также едва ли кто рѣшится спорить. Прибѣгнемъ ли мы, чтобы отдѣлаться отъ неудобныхъ вопросовъ, къ обычнымъ предположеніямъ эпифеноменизма о томъ, что жизнь сознанія съ ея субъективными состояніями есть бездѣйственный привѣсокъ къ физическимъ процессамъ, ничего къ нимъ не прибавляющій, никакъ ихъ не мѣняющій и вообще не оказывающій на нихъ никакого вліянія? Но не вступимъ ли мы черезъ это въ явное противорѣчіе съ основнымъ закономъ біоло-

гической эволюціи, по которому ничто бесполезное и ненужное не должно удерживаться и развиваться въ борьбѣ за существованіе? Если наша психика ни въ какомъ отношеніи не составляетъ дѣятельной силы въ природѣ, то почему такое неограниченное множество живыхъ существъ обладаетъ ею, почему она представляетъ у нихъ такія безконечно разнообразныя ступени развитія, почему, наконецъ, въ высшихъ животныхъ она облекается въ такія необыкновенно сложныя и цѣлесообразныя формы? Вѣдь, если бы психика была тѣмъ, что о ней думаютъ эпифеноменисты, она—если бы даже и возникла—всего скорѣе должна была бы атрофироваться уже у самыхъ низшихъ животныхъ, и во всякомъ случаѣ для нея не было бы никакихъ основаній постепенно совершенствоваться вмѣстѣ съ эволюціей живыхъ тварей. Между тѣмъ, если признаемъ психику за вполне реальную силу въ природныхъ процессахъ (хотя бы только въ организмахъ животныхъ), какъ тогда въ механическомъ законѣ сохраненія энергіи видѣть абсолютную норму всякой причинности и всякой связи между какими бы то ни было явленіями,—абсолютный законъ всякаго бытія вообще?

Или чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ безвыходныхъ недоумѣній, мы станемъ на сторону энергетической теоріи, отвергнемъ механическую природу у большей части физическихъ энергій и признаемъ законъ сохраненія энергіи лишь какъ эмпирический законъ эквивалентнаго превращенія энергій? Но какъ же тогда понять его отношеніе къ механическому закону энергіи, который все-таки долженъ оставаться вѣрнымъ для механическаго дѣйствія тѣлъ? Не окажутся ли эти два закона въ неизбѣжномъ противорѣчьи между собою? Далѣе, эмпирический законъ, чтобы его возводить въ абсолютный законъ всѣхъ связей между какими бы то ни было явленіями вселенной, долженъ по малой мѣрѣ имѣть безупречное обоснованіе въ порядкѣ эмпирическихъ доказательствъ. Между тѣмъ даже не всѣ физическія энергіи (напр., сила тяготѣнія) подведены подъ него съ достаточ-

ной опредѣленностью. И во всякомъ случаѣ противъ его признанія за абсолютную норму всякой причинности стоитъ то же препятствіе, какое мы уже встрѣтили для закона сохраненія энергіи въ механическомъ смыслѣ: оно заключается въ особенной природѣ нашей душевной жизни. Физическихъ эквивалентовъ психическихъ явленій еще не найдено, и, по всѣмъ признакамъ, они и не могутъ быть найдены. Здѣсь мы наталкиваемся на фундаментальный фактъ психологіи, который можно формулировать такимъ образомъ: малыя колебанія въ физическихъ раздраженіяхъ (или еще общѣ—въ физиологическихъ процессахъ) психическихъ явленій, вызываемыхъ ими, не измѣняютъ. Это значить, что однимъ и тѣмъ же психическимъ явленіямъ соотвѣтствуютъ цѣлыя ряды физическихъ эквивалентовъ въ извѣстныхъ границахъ. Но если это такъ, то отношеніемъ между сферой физической и психической управляетъ не законъ эквивалентныхъ превращеній, а какой-то другой,—гораздо болѣе общаго характера. Я долженъ напомнить, что эта важная особенность психическихъ явленій нѣсколько лѣтъ назадъ горячо обсуждалась въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ и послужила темой для очень интересныхъ сообщеній Н. И. Шишкина и покойнаго Н. В. Бугаева.

Какой же выводъ должны мы сдѣлать изъ всего изложеннаго? Мнѣ кажется, что если въ принципѣ сохраненія вещества только щепетильная осторожность скептическаго эмпирика можетъ заставить видѣть скорѣе регулятивный, нежели конститутивный принципъ нашего знанія природы, то на законъ сохраненія энергіи приходится смотрѣть именно такъ не въ силу одной щепетильной осторожности. Нельзя въ самомъ дѣлѣ приписывать характеръ абсолютной нормы всего совершающагося на свѣтѣ такому закону, окончательный смыслъ котораго еще вызываетъ такъ много споровъ, и сфера дѣйствительнаго приложенія котораго еще такъ проблематична. Если строго эмпирическая формула принципа сохраненія вещества будетъ такая: въ предѣлахъ нашего наблюденія и въ границахъ осязуемаго для насъ вещество никогда не возникаетъ вновь и не под-

вергается уничтоженію,—то по отношенію къ закону сохранения энергіи съ строго опытной точки зрѣнія придется выразиться еще скромнѣе. Его формула, какъ закона механическаго, въ этомъ случаѣ всего скорѣе должна получить такой видъ: въ механическомъ взаимодействіи тѣлъ, поскольку оно не возмущается вліяніемъ какихъ-нибудь немеханическихъ энергій, общая сумма кинетической и потенциальной энергіи должна оставаться неизмѣнною. Для закона эквивалентныхъ превращеній энергіи или для закона сохранения энергіи въ эмпирическомъ смыслѣ эта формула будетъ такова: на цѣломъ рядѣ энергій природы мы постоянно замѣчаемъ, насколько это намъ позволяетъ точность нашихъ измѣреній, что при ихъ взаимныхъ превращеніяхъ, для полученія какого-нибудь количества одной энергіи, нужна затрата совершенно опредѣленнаго количества другой. Въ такомъ видѣ эти принципы совершенно достовѣрны, но за то они гораздо менѣе интересны; они не предопредѣляютъ никакого міросозерцанія по той простой причинѣ, что ихъ свободно можно принять при *всякомъ* міросозерцаніи.

Однако въ современномъ научномъ міровоззрѣніи они являются далеко не въ этомъ видѣ: обыкновенно имъ приписывается вполне абсолютный смыслъ. Въ нихъ усматриваютъ такія рамки реально существующаго, въ которыя должно умѣститься все, что происходитъ во вселенной, и въ которыя если что-нибудь не вмѣщается, то оно должно быть безпощадно отвергнуто. Между тѣмъ мы могли убѣдиться, что такая высокая и категорическая оцѣнка до извѣстной степени допустима развѣ только для принципа сохранения вещества. Но она совершенно не годится для закона сохранения энергіи, за которымъ, какъ бы мы ни толковали и ни мѣняли его внутренней смыслъ, никоимъ образомъ нельзя признать значенія абсолютной нормы для *всѣхъ* связей и отношеній между явленіями дѣйствительности.

Откуда же взялся абсолютный характеръ этихъ принциповъ въ господствующемъ міросозерцаніи? Мнѣ кажется, разгадка этого вопроса лежитъ въ ихъ историческомъ

прошломъ. Какъ мы уже знаемъ, задолго прежде, чѣмъ стать научными положеніями, они уже имѣли широкое распространеніе въ качествѣ тезисовъ метафизическихъ системъ. И по идейному строю этихъ системъ, они въ нихъ неизбѣжно пріобрѣтали видимость абсолютныхъ утвержденій. Вѣдь, для атомистовъ или вообще для матеріалистовъ матерія есть единственный абсолютъ, который ими признается, и понятно, что для такого взгляда безусловное сохраненіе матеріи во всѣхъ пространствахъ и во всѣ времена оказывается аналитически необходимымъ предположеніемъ. Точно также для системы картезианцевъ и теорій, съ нею сродныхъ, вся матеріальная природа состоитъ изъ инертныхъ тѣлъ, въ которыхъ никакіе другіе феномены, кромѣ движенія, невозможны. Вселенная въ ихъ глазахъ представлялась безконечно огромной машиной, въ которой всѣ мельчайшія колебанія вызваны и заранѣе предопредѣлены по законамъ механики. Предположеніе о сохраненіи силы движенія въ этой машинѣ и о превращеніи въ ней разныхъ формъ движенія другъ въ друга опять-таки является при такомъ пониманіи вполне естественнымъ и даже неизбѣжнымъ, а напротивъ всякое уклоненіе отъ этой общей нормы невольно должно было казаться чудеснымъ нарушеніемъ основного закона природы. Эти взгляды на вещество и движеніе въ немъ прошли черезъ горнило опытной повѣрки и пробы и стали научными законами. Но они вошли въ науку съ тою самою категорическою абсолютностью утвержденій, которая была съ ними неразрывно связана въ породившихъ ихъ метафизическихъ теоріяхъ. Естествоиспытатели, которые сами воспитались въ атмосферѣ философскихъ идей, вводимыхъ ими въ науку, не замѣтили, что опытъ одного никакъ не можетъ провѣрить: *абсолютнаго* характера какихъ-нибудь общихъ выводовъ. *Никогда, нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ* это такія понятія, которыя не подлежатъ суду опыта.

Въ особенности по поводу абсолютной оцѣнки закона сохраненія энергіи невольно вспоминаются глубоко знаменательныя слова проф. Вернадскаго о фикціяхъ въ наукѣ, приве-

денныя раньше: „Онѣ составляютъ крупную часть всякаго научнаго міровоззрѣнія и несомнѣнно въ значительномъ количествѣ находятся въ нашемъ современномъ міровоззрѣніи... Къ числу такихъ великихъ заблужденій относятся нѣкоторыя основныя черты нашего современнаго научнаго міросозерцанія“. Не даромъ въ примѣръ такихъ великихъ заблужденій онъ приводитъ одну изъ руководящихъ идей современнаго знанія: „всѣ явленія сводятся къ движению“. Вѣдь, мы уже могли убѣдиться, какой шаткѣй и загадочный обликъ получаетъ законъ сохранения энергіи, если отвергнуть мысль о томъ, что всѣ формы энергіи въ природѣ представляютъ лишь различныя виды движенія.

Мнѣ уже неоднократно приходилось указывать въ прежнихъ моихъ статьяxъ и сочиненіяхъ, что въ толкованіи нѣкоторыхъ явленій природы,—напр., при объясненіи внѣшнихъ дѣйствій одушевленныхъ тварей, — послѣдовательное проведеніе чисто механическаго взгляда, съ неизбѣжностью вытекающаго изъ абсолютной оцѣнки закона сохранения энергіи, представляетъ задачу, столь же неразрѣшимую, какъ квадратура круга. Проф. Вернадскій ясно показываетъ, какое плодотворное значеніе принадлежало въ исторіи математики вопросу о квадратурѣ круга. Но все же онъ, конечно, согласится, что математики совершили важный шагъ впередъ, когда наконецъ поняли неразрѣшимость этого вопроса. Такъ и законъ сохранения энергіи, принятый за абсолютную норму всякой причинности вообще, былъ фикціей несомнѣнно полезной, особенно въ борьбѣ съ болѣе старой фикціей отдѣльныхъ *силъ природы*, какъ ея самодовлѣющихъ и качественно обособленныхъ факторовъ. Однако и наука, и философія сдѣлаютъ огромный шагъ впередъ, когда будетъ ясно понята настоящая логическая цѣна и этой фикціи. Во всякомъ случаѣ отъ этого очень выиграетъ постановка одной изъ труднѣйшихъ проблемъ въ философіи и въ наукѣ: объ отношеніи и связи физическихъ явленій съ духовными.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Л. Лопатинъ.

Болѣзнь Н. В. Гоголя.

VII.

Въ 1841 г. заканчивается дѣятельность Гоголя, какъ геніальнаго поэта; первая часть «Мертвыхъ Душъ» была въ этомъ году окончательно обработана, и для печатанія ея онъ пріѣхалъ въ Россію.

«Мертвыя Души», какъ извѣстно, начаты были въ 1835 г.; уже тогда величіе этого произведенія поразило Пушкина; его восклицаніе «Невеселая штука — Россія» указываетъ, что уже тогда «Мертвыя Души» подвинулись значительно впередъ. Въ 1836—41, то-есть въ продолженіе шести лѣтъ, Гоголь писалъ и перерабатывалъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Если мы сравнимъ, какъ много и какъ быстро работалъ Гоголь въ Петербургѣ, то должны будемъ признать, что, по оставленіи Россіи, онъ уже не могъ работать попрежнему, и «Мертвыя Души» писалъ крайне медленно. Едва ли можно сомнѣваться, что вслѣдствіе болѣзни творческія способности, если не качественно, то количественно, стали не тѣ. Извѣстно, что Гоголь очень усидчиво, съ большимъ напряженіемъ работалъ надъ «Мертвыми Душами» въ Веве, Парижѣ, Римѣ, Москвѣ и даже въ дорогѣ. По крайней мѣрѣ, Бергъ запомнилъ рассказъ Гоголя, какъ онъ въ остерии по дорогѣ изъ Рима въ Неаполь создалъ цѣлую главу. Гоголь искренно желалъ закончить этотъ трудъ и все же проработалъ надъ нимъ болѣе шести лѣтъ. Если мы примемъ во вниманіе печальное состояніе здоровья, два тяжелые приступа болѣзни, пережитые Гоголемъ за этотъ періодъ, мы должны признать, что геніальный поэтъ, какъ великій художникъ, горячо любилъ свой *opus majus*, не жалѣлъ своихъ послѣднихъ силъ для этого чуднаго произведенія. Онъ пользовался періодами улущенія

своего здоровья и съ удивительной настойчивостью продолжалъ начатый въ 1835 г. трудъ. Анненковъ описываетъ, какъ былъ счастливъ и бурно-весель Гоголь, когда закончена была глава, посвященная Плюшкину; едва ли могъ ошибиться С. Т. Аксаковъ: «17 апрѣля (1839 г.), тоже въ субботу, онъ прочелъ намъ передъ самой заутренней Свѣтлаго Воскресенья въ маленькомъ моемъ кабинетѣ 6-ю главу, въ которой созданіе Плюшкина привело меня и всѣхъ насъ въ великій восторгъ» ¹⁾. Художественный вкусъ С. Т. Аксакова не подлежитъ сомнѣнію, и потому 6-я глава «Мертвыхъ Душъ» уже въ 1839 г. была обработана съ большимъ совершенствомъ; въ 1841 г. въ Римѣ Гоголь можетъ быть ее нѣсколько дополнилъ, и это одно привело его въ бурно-восторженное состояніе духа. Вотъ какъ больной Гоголь любилъ свое великое произведеніе, какъ оно было ему дорого, какъ ему было радостно, когда его трудъ подвигался впередъ, и все же онъ былъ готовъ только въ 1841 г.

Наше благоговѣніе передъ «Мертвыми Душами» такъ велико, что можетъ показаться странной даже мысль объ ослабленіи, въ качественномъ отношеніи, гения Гоголя за этотъ періодъ. Если воспроизведеніе воспринятаго составляетъ главное въ художественномъ творествѣ, то, конечно, «Мертвыя Души» доказываютъ, что до 1841 г. гений Гоголя не потухалъ; если же художникъ отличается отъ простыхъ смертныхъ ясностью и глубиной воспріятія, если главное, въ художественномъ творествѣ, воспріятія, проникающія и обнимающія человѣка и предметъ, то, конечно, гений Гоголя началъ слабѣть съ 1836 г. Психологія творчества намъ мало понятна уже потому, что мы, обыкновенные смертные, не обладаемъ этимъ удѣломъ немногихъ избранниковъ, и потому вопросъ о томъ—ослабѣли ли творческія силы Гоголя, мы не могли бы рѣшить, если бы за этотъ періодъ онъ написалъ только «Мертвыя Души».

Остается лишь несомнѣннымъ, что все, воспроизведенное въ «Мертвыхъ Душахъ», было воспринято Гоголемъ до его отъѣзда изъ Россіи, что еще до этого момента весь матеріалъ для этого удивительнаго произведенія былъ уже готовъ. Изумительно, какъ могъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ видѣть и понять такъ много, что потомъ вдали отъ родины возсоздалъ парази-

¹⁾ Ор. cit., стр. 34.

тельно богатый запасъ наблюденій. Покинувъ Россію, Гоголь уже не воспринималъ ничего для своего великаго произведенія, и поэтому, по крайней мѣрѣ, воспріятіе, конечно, художественное и творческое, съ тѣхъ поръ не проявлялось съ той дивной силой, какъ до 1836 г. Уже по самому существу всей художественной дѣятельности Гоголя, воспріятіе имѣло громадное значеніе, играло великую роль; для Виктора Гюго, стихи котораго достигали непостижимаго совершенства, по всей вѣроятности, воспроизведеніе воспріятого имѣло большее значеніе, чѣмъ для Гоголя, а для автора «Мертвыхъ Душъ» воспріятіе дѣйствительности было почти все. Какъ великій художникъ, Гоголь живо чувствовалъ, въ своей послѣдующей дѣятельности, что ему не достаетъ воспріятого матеріала, и просилъ своихъ друзей собирать для него матеріалы, не понимая, что только онъ могъ видѣть недоступное простымъ смертнымъ.

Чтеніе «Мертвыхъ Душъ» уясняетъ намъ, что Гоголь уже не заботился о вѣрности или точности внѣшней обстановки дѣйствія, не постарался узнать о томъ, что ему неизвѣстно. Такъ еще Арнольди удивлялся, что Гоголь описалъ совершенно невозможное въ дѣйствительности поведеніе Ноздрева на балу у губернатора. (Посреди котильона онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ). Гоголь не зналъ, что въ то время уже не было капитанъ-исправниковъ, описалъ купчую сдѣлку въ палатѣ такъ, какъ она не могла произойти ¹⁾. Слѣдуетъ добавить что въ Нѣжинѣ Гоголь изучалъ юриспруденцію. Я помню, какъ одинъ мой знакомый старикъ, по дѣламъ извѣздившій всю Россію, смѣялся надъ Гоголемъ за его незнаніе русской жизни: во всей Россіи на большой дорогѣ нѣтъ постоялаго двора, гдѣ, по желанію, можно имѣть и поросенка, и курицу, и телятину, и даже иногда баранью печенку.

Мало того, что Гоголь уже не заботился о вѣрности внѣшнихъ подробностей, онъ уже не замѣчалъ бьющихъ въ глаза противорѣчій. Въ 6-й главѣ, по описанію сада Плюшкина, очевидно, что дѣйствіе происходитъ лѣтомъ; о желтыхъ листьяхъ не упоминается; по дорогѣ къ Коробочкѣ Чичикова застаютъ

¹⁾ Уже съ 1802 г., т.-е. со времени учрежденія министерствъ, прежніе капитанъ-исправники или земскіе исправники или земскіе капитаны окончательно были переименованы въ земскіе исправники, и съ тѣхъ поръ титулъ капитанъ-исправника не употреблялся.

гроза, что также указываетъ, что дѣйствіе происходитъ лѣтомъ; въ городѣ Чичиковѣ выходитъ на улицу, «таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ», и «столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ — это былъ Маниловъ».

Едва ли можно отрицать, что больной Гоголь уже забывалъ, что написано въ предыдущей главѣ, что, конечно, вполне возможно, такъ какъ «Мертвыя Души» писались урывками, черезъ большіе промежутки; онъ даже не перечиталъ внимательно всего произведенія, въ виду своего тяжелого болѣзненнаго состоянія; говорятъ, что въ Малороссіи все лѣто ходили въ тулупахъ, но все же не въ теплыхъ картузахъ съ ушами.

Гоголь неоднократно передѣлывалъ и дополнял «Мертвыя Души», и потому мы не можемъ судить, ослабѣвалъ ли его гений съ 1835 по 1842 г., по послѣдней редакціи этого произведенія; вѣдь нѣтъ основаній утверждать, что исправленія и дополненія улучшали это *opus majus*; весьма возможно, что вначалѣ эта поэма была еще лучше, еще прекраснѣе. Можно думать, что съ годами Гоголь дѣлался требовательнѣе къ себѣ, но болѣе основаній мы имѣемъ допускать, что съ годами у Гоголя терялась увѣренность, утрачивалась непосредственность, слабѣло пониманіе своихъ собственныхъ силъ, слабѣлъ художественный вкусъ, художественное творчество замѣнялось риторикой. Къ такимъ заключеніямъ приводитъ насъ сравненіе первой редакціи «Тарасъ Бульба» (напечатана въ 1835 г.) со второй, подготовленной Гоголемъ между 1839 и 1842 гг.

Крайне поучительно сравнить эти двѣ редакціи для сужденія объ измѣненіи творчества Гоголя за этотъ пяти-семилѣтній періодъ, для сужденія о творчествѣ вообще.

Первое большое измѣненіе или дополненіе состоитъ въ томъ, что Гоголь вставилъ сцену смѣны кошевого; въ первой редакціи старый кошевой успокаиваетъ недовольныхъ во главѣ съ Тарасъ Бульбой; какъ въ первой, такъ и во второй редакціи идутъ въ походъ, вслѣдствіе жалобъ бѣглецовъ изъ Малороссіи на поляковъ. Сцена смѣны стараго кошевого и избраніе новаго очень коротка; такъ какъ мы не знаемъ, какъ избирались кошевые, то провѣрить ея мы не можемъ, но она кажется невѣроятной и не внушаетъ уваженія къ запорожцамъ: войны, такъ легко смѣняю-

шіе предводителя и такъ быстро избирающіе новаго, мало опасны.

Второе дополненіе, и весьма важное, состоитъ въ томъ, что Гоголь подробнѣе описалъ уходъ Андрея изъ лагеря, встрѣчу и разговоры съ полькой. Какъ великій художникъ, въ 1835 г. Гоголь чувствовалъ невѣроятность и натянутость этого эпизода и съ гениальной чуткостью, кратко и неопредѣленно, его описалъ. Не такъ онъ отнесся къ этому эпизоду пять-семь лѣтъ спустя. Во-первыхъ, онъ подробно описалъ, какъ Андрій съ татаркой пробирались подземнымъ ходомъ; Андрій и татарка въ городъ входятъ черезъ костель. Церковь, молящіяся, начинающееся утро, все это изображено великолѣпно, но кто бывалъ и въ Италіи, и въ костелахъ нашихъ западныхъ городовъ, тотъ ни на минуту не усумнится, читая эту поэтическую страницу, что Гоголь въ Дубно перенесъ итальянскій храмъ.

Еще болѣе дополнилъ Гоголь сцену встрѣчи Андрія съ полькой; тутъ опять воспринятое въ Италіи перенесено въ Дубно (малиновый занавѣсъ, позолоченный карнизъ и живопись на стѣнѣ). Въмѣсто нѣсколькихъ строкъ, въ послѣдующей редакціи, Гоголь посвящаетъ шесть страницъ сценѣ встрѣчи Андрія съ полькой. Тутъ такая *напряженность*, такая неестественность, что только ослабленіе генія можетъ объяснить намъ, какъ великій художникъ могъ написать такую сцену. Въ первой редакціи, Андрій говоритъ только: «Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросить! Нѣтъ, моя панна! Нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну—все, что ни на есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! Я твой! Чего еще хочешь?» Это мало вѣроятно, но все же возможно; въ новой редакціи Андрій говоритъ много, очень краснорѣчиво и высказываетъ даже такія вещи: «Кто сказалъ, что моя отчизна Украина? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя — ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю: пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну». И Андрій, и полька говорятъ много, говорятъ въ страшно приподнятомъ тонѣ; вся сцена кажется до безконечности неестественной и даже несимпатичной:

и она, и онъ измѣняютъ религіи, родинѣ, совершенно непонятно почему: вѣдь они видѣлись разъ въ жизни, и потому о серьезной любви не можетъ быть и рѣчи. Для меня вполне понятно, что Гоголь, когда творилъ Тарась Бульбу, обладалъ всѣми своими необыкновенными способностями, и потому тогда не нарисовалъ этой сцены; только, когда, вслѣдствіе болѣзни, его гений уже ослабѣлъ, онъ могъ создать, могъ находить хорошей эту сцену.

Въ-третьихъ, измѣнено описаніе убійства Андрія Тарасомъ. Въ первой редакціи все поражаетъ гениальной простотой и жизненностью. Янкель, между прочимъ, сообщаетъ Тарасу, что въ Дубно видѣлъ Андрія, предавагося полякамъ. «Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ»; начинается битва, среди одного отряда Тарась увидѣлъ Андрія и «какъ бѣшенный бросился на этотъ отрядъ. Андрей узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ какъ подлый трусъ спрятался за ряды своихъ солдатъ... Спасите, кричалъ онъ отчаянно, простирая руки... Андрей сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно: ужасный отецъ былъ предъ нимъ». Можно лишь благоговѣть передъ гениальностью двадцатипятилѣтняго Гоголя, такъ чудно понявшаго, до чего въ аффектѣ гнѣва можетъ дойти могучій Тарась, понявшаго, что измѣнники и ренегаты—по натурѣ «подлые трусы». Читая эту чудную сцену, проникаешься симпатіей къ Тарасу и презрѣніемъ къ сладострастнику Андрію.

Совершенно иначе дѣло изображено въ исправленной редакціи: Янкель, послѣ длинныхъ сообщеній объ измѣнѣ Андрія, передаетъ Тарасу слова Андрія: «Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи казакамъ, скажи запорожцамъ, скажи всѣмъ, что отецъ теперь не отецъ мнѣ, братъ не братъ, товарищъ не товарищъ, и что я съ ними буду биться со всѣми, со всѣми буду биться», Тарась, сдержанно слушавшій болтовню Янкеля, наконецъ «выхватилъ свою саблю», но Янкель убѣгаетъ. Андрей не былъ рафинированный мерзавецъ и потому не могъ черезъ посредство презрѣннаго для него Янкеля оскорблять отца и казаковъ; не могъ онъ дать такого порученія Янкелю для того, чтобы заслужить довѣріе поляковъ: клятва, данная презрѣнному и для Андрея и для поляковъ жиду, не имѣла никакого значенія. Узнавъ объ измѣнѣ сына, Тарась долго таитъ въ себѣ свой гнѣвъ. Андрея

онъ увидалъ, лишь когда остался главнымъ въ осаждающемъ Дубно войскѣ. «Отворились ворота и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ... впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойчѣе, всѣхъ красивѣе... Такъ и оторопѣлъ Тарасъ, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій... Онъ (Андрій) чистилъ передъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налево». Тарасъ приказываетъ заманить Андрія, «чья-то сильная рука схватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій—передъ нимъ Тарасъ». Геніальный Гоголь чувствовалъ, что уже, во второй редакціи, онъ долженъ былъ выбросить исполненныя величайшаго трагизма слова Тараса: «и не проси у Господа Бога отпушенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ». Дѣйствительно, свыкнувшійся съ мыслью объ измѣнѣ сына, хладнокровно заманившій его въ засаду Тарасъ, во второй, редакціи, уже не былъ преисполненнымъ «ярости» мстителемъ, какъ въ первой редакціи. Въ первой редакціи, въ «ярости» отмстивши измѣннику, казакъ Тарасъ, какъ отецъ хоронитъ трупъ сына. Во второй, обдуманно убившій сына Тарасъ, только что убившій сына, на предложеніе Остапа похоронить брата, отвѣчаетъ: «Погребутъ и безъ насъ! будутъ у него плакальщики и утѣшницы». Въ первой редакціи, полный «свирѣпства» и «ярости» Тарасъ говоритъ Андрею слова, вполне оправдывающія отца: «Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ!» Во второй, о только что убитомъ сынѣ Тарасъ говоритъ: «Пропалъ, пропалъ безславно, какъ подлая собака».

Такимъ образомъ, во второй редакціи, Андрей уже является храбрымъ, пылкимъ воиномъ, а Тарасъ представленъ отцомъ, обдуманно подготовившимъ убійство, спокойно убивающимъ сына и даже надругающимся надъ его трупомъ.

Наконецъ, во второй редакціи, пока Тарасъ убиваетъ сына, разговариваетъ съ Остапомъ, ихъ окружаютъ поляки, Остапа берутъ въ плѣнъ, а Тараса тяжело ранятъ; непонятно, откуда взявшійся Товкачъ увозитъ тяжело раненаго Тараса съ поля битвы, проигранной казаками. Окончаніе сцены даже мелодраматично: убивъ одного сына, Тарасъ теряетъ сейчасъ же другого; если бы онъ не тратилъ времени на убійство сына и на разговоръ съ Остапомъ, ихъ бы не окружили поляки. Если мы примемъ во вниманіе, что по второй редакціи Тарасъ былъ главнымъ начальникомъ, что онъ бросаетъ все войско только для того, чтобы

утолить свою злобу убійствомъ Андрія, что въ то время, пока онъ убиваль Андрія, войско было на-голову разбито, мы должны будемъ признать, что творчество Гоголя за пять—семь лѣтъ измѣнилось, и,—увы!—не къ лучшему.

Въ-четвертыхъ, въ новой редакціи измѣненъ планъ битвы, въ которой погибъ Остапъ и былъ тяжело раненъ Тарасъ. Прочитавъ подрядъ обѣ редакціи, нетрудно убѣдиться, что первая излагаетъ дѣло и полнѣе, и правдоподобнѣе. Отбивъ вылазку изъ Дубно, Тарасъ, убѣдившись въ слабости своихъ силъ, тайно снимаетъ осаду; узнавъ, что плѣнные казаки отправлены въ Варшаву, онъ рѣшается при отступленіи ихъ выручить, но лишній обозъ задерживаетъ движеніе: казаки окружены превосходными силами, они окружаютъ себя обозомъ. Остапъ, «увлекаемый пылкостью», отдѣлился немного далѣе отъ обоза, его берутъ въ плѣнъ, Тарасъ бросается ему на выручку. «Желаніе подать помощь и освободить любимаго сына заставило его забыть важность своего поста»; войско гибнетъ. Во второй редакціи вылазка поляковъ побѣдоносно отбита, но изъ города «вылетѣлъ» «гусарскій полкъ»; пока Тарасъ былъ занятъ убійствомъ Андрія, неизвѣстно почему казаки оказываются разбитыми наголову. Интересно было бы мнѣніе по этому поводу военного, но для невоеннаго въ первой редакціи понятны причины пораженія казаковъ и остаются неясными во второй.

Въ-пятыхъ, во второй редакціи описаны подвиги нѣкоторыхъ казаковъ—Кукубенко, Балабана, Мосія Шило; эти сцены написаны рукою великаго мастера, но это вводные эпизоды, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ ходу ужасной драмы. Для меня несомнѣнно, что только это *дополненіе*, а не измѣненіе, является украшеніемъ второй редакціи.

Въ-шестыхъ, при переработкѣ, Гоголь ввелъ нѣсколько поэтическихъ сравненій и риторическихъ періодовъ. Сами по себѣ эти сравненія великолѣпны; такъ, Андрій во главѣ польскихъ гусаръ «понесся какъ молодой борзой конь»; тутъ прекрасно описано, какъ несется на охотѣ борзой. Заманенный казаками и пойманный Тарасомъ Андрій сравнивается со школьникомъ, бѣгущимъ за товарищемъ и наталкивающимся на учителя; школьникъ въ этомъ положеніи также описанъ прекрасно. Но насколько Ювическая колонна прекраснѣе Коринфской, настолько это мѣсто въ первой редакціи выше, чѣмъ во второй; въ первой

редакціи Гоголь изобразилъ живыми красками ярость и бѣшеную храбрость обезумѣвшаго отъ оскорбленія Тараса, трусость Андрія и только. Во второй редакціи сами по себѣ прекрасныя, поэтическія сравненія только отвлекаютъ вниманіе отъ ужаснаго столкновенія между великимъ отцомъ и жалкимъ сыномъ.

Риторическіе періоды во второй редакціи очень однообразны: умирая, Мосій Шило говоритъ: «Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная Русская земля и будетъ ей вѣчная честь»; Степанъ Гуска, умирая, говоритъ: «Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣка Русская земля!..» Послѣднія слова умирающаго Балабана были: «Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!» Даже молодой герой Кукубенко умираетъ съ красивой фразой на устахъ: «Пусть же послѣ насъ живутъ еще лучшіе, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ Русская земля». Послѣднія слова Тараса, умирающаго на кострѣ, весьма характерны для пониманія творчества Гоголя: «Постойте, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подыметъ изъ Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!» Я не сомнѣваюсь, что только ослабленіемъ генія можно объяснить, что Гоголь профанировалъ своихъ героевъ такимъ краснорѣчіемъ; въ 1835 г., какъ великій художникъ, онъ живо понималъ, что казаки патріотизмъ доказали дѣлами, а не фразами.

Во второй редакціи Гоголь влагаетъ въ уста Тараса длинную рѣчь о товариществѣ, въ которой излагаются въ весьма красивой формѣ преимущества товарищества на Руси, говорится о русскомъ чувствѣ. Тутъ явно Гоголь въ уста Тарасу влагаетъ фразы, совершенно несоотвѣтствующія характеру и міровоззрѣнію этого человѣка дѣла, а не слова. Невольно приходитъ въ голову мысль, что Гоголь, надѣлая своего героя патріотизмомъ, даже въ излишествѣ, хотѣлъ этимъ самымъ оправдаться отъ упрековъ въ недостаткѣ патріотизма.

Свой патріотизмъ, теперь называемый кваснымъ, Гоголь заявляетъ во второй редакціи слѣдующей фразой: «Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу». Въ 1835 г., когда Гоголя не упрекали

въ недостатокѣ патриотизма, онъ не помѣстилъ такой громкой и совершенно ненужной въ «Тарасѣ Бульбѣ» фразы 1).

Относительно новой редакціи «Портрета» Гоголь самъ говорить въ письмѣ къ Плетневу отъ 17. III. 1842. «Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ еще въ Петербургѣ замѣчаній». Слѣдовательно, материалы для второй редакціи были собраны до отъѣзда изъ Россіи, и въ Римѣ Гоголь лишь проредактировалъ и переписалъ уже заготовленное въ Петербургѣ.

Лучше всего объ ослабленіи творчества Гоголя съ 1836 г. мы можемъ судить по тому, что создать что-либо новое, достойное автора «Ревизора», оставивъ Россію, больной поэтъ уже не могъ.

Въ началѣ своего пребыванія за границей Гоголь написалъ отрывокъ «Римъ»; въ 1839 г. его слышалъ С. Т. Аксаковъ. Уже потому, что Гоголь обнаруживаетъ въ этомъ отрывкѣ знаніе Италіи, восторженное къ ней отношеніе, мы должны думать, что Римъ написанъ не ранѣе 1838 г.; къ такому же выводу насъ приводитъ и слабость этого отрывка. Едва ли ранѣе 1838 г., т.-е. до тяжкаго приступа болѣзни въ 1837 г., Гоголь, обладавшій прежде необычайнымъ художественнымъ чутьемъ, принялся бы писать художественное произведеніе изъ жизни ему непонятной и неизвѣстной, написалъ бы отрывокъ, въ которомъ нѣтъ ни одного лица, обрисованнаго такъ, какъ умѣлъ прежде рисовать Гоголь 2). Конечно, многіе беллетристы не могутъ написать такого отрывка, но сравнивая «Римъ» съ другими произведеніями Гоголя, мы можемъ только сожалѣть о значительномъ ослабленіи творческихъ силъ гениальнаго автора «Ревизора». Только ослабленіемъ, вслѣдствіе болѣзни, гения Гоголя, можно объяснить, что онъ такъ тщательно, но, увы! съ помощью реторики, описываетъ Аннунціату; напряженность, бесплодное усиліе замѣняетъ собою прежнее свободное творчество. И въ этомъ отрывкѣ мѣстами видна рука великаго мастера, но чудно написанныя подробности еще болѣе отгѣняютъ упадокъ творчества автора.

1) Весьма возможно, что тутъ сказалось вліяніе Погодина, въ 1839 г. бывшаго въ Римѣ; но это не измѣняетъ сущности дѣла.

2) Гоголь настолько не понималъ итальянцевъ, что считалъ ихъ отжившей націей (письмо къ Шевыреву онъ I. IX. 1843); повидному онъ и умеръ, не понявъ своей ошибки.

Послѣ припадка 1839 г. геній Гоголя ослабѣлъ настолько, что драма изъ малороссійской жизни ему совершенно не удалась; Гоголь остановился въ самомъ началѣ.

Въ 1839 г. Гоголь прочелъ Панову нѣсколько сценъ; Пановъ, восторженный поклонникъ Гоголя, однако замѣтилъ, что главное лицо еще не обозначилось. Анненковъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ 1841 г. черновой листокъ драмы изъ малороссійскаго быта и даже успѣлъ прочесть фразу «и зачѣмъ это Господь Богъ создалъ бабъ на свѣтѣ, развѣ только для того, чтобы казаковъ рожала баба». Гоголь разсердился и вырвалъ бумажку изъ рукъ Анненкова. Бѣдный поэтъ ясно понималъ, что работать надъ этой драмой («Выбритый Усъ»), онъ уже не можетъ.

Такъ какъ въ 1841 г. заканчивается дѣятельность Гоголя, какъ великаго художника, мы уже теперь можемъ опредѣлить вліяніе болѣзни Гоголя на его творчество. Болѣзнь не только очень рано ослабила творческія силы великаго писателя, но и очень рано окончательно погубила его геній. Едва ли можно сомнѣваться, что творческія способности Гоголя перестали развиваться уже въ 1836 г., т.-е. когда Гоголю было 27 лѣтъ. Развитія, наростанія силъ, вслѣдствіе болѣзни, не было; появилось ослабленіе, правда медленно прогрессирующее и замѣтное лишь при тщательномъ изученіи дѣятельности Гоголя съ 1836 года. Геній Гоголя такъ колоссаленъ, его произведенія такъ прекрасны, что ослабленіе его творческихъ силъ долго намъ незамѣтно; вѣдь и сравнительно слабыя произведенія Гоголя все же чудно хороши и неизмѣримо превосходятъ созданное посредственностями.

Въ 1841 г. геній Гоголя, вслѣдствіе болѣзни, потухаетъ настолько, что уже ничего равнаго «Ревизору», «Шинели», первой части «Мертвыхъ душъ» больной поэтъ создать не могъ; конечно, проблески прежняго генія еще остались; потухающіе, засыпанные пепломъ угля иногда вспыхиваютъ слабымъ пламенемъ, но уже прежняго огня быть не можетъ.

Такое раннее ослабленіе или, по крайней мѣрѣ, остановка развитія и потуханіе генія, могутъ быть объяснены болѣзнью, развивавшейся на почвѣ патологической организаціи нервной системы: вѣдь духовныя силы здоровыхъ людей съ годами крѣпнутъ, способности ихъ съ годами развиваются. Намъ будетъ

еще яснѣе патологическое происхожденіе ранняго ослабленія и ранняго потуханія генія, если мы сравнимъ художественную дѣятельность больнаго Гоголя и здороваго Пушкина ¹⁾).

Патологической организаціей нервной системы Гоголя мы должны объяснить своеобразную особенность его творчества: ни у одного художника нѣтъ такъ много незаконченныхъ или даже только начатыхъ произведеній какъ у Гоголя. Число намъ извѣстныхъ незаконченныхъ произведеній крайне велико, законченныхъ же относительно мало.

Даже въ лучшую эпоху своей жизни онъ набрасывалъ только начала никогда затѣмъ незаконченныхъ повѣстей и закончилъ лишь одну большую поэму «Тарасъ Бульба» и двѣ комедіи: «Игроки» это лишь сцены. Всѣ остальные законченныя произведенія—это небольшія, по размѣрамъ, рассказы. Пушкинъ одинъ понималъ это свойство дарованія Гоголя и далъ ему сюжетъ для «Мертвыхъ душъ», произведенія, состоящаго изъ отдѣльныхъ эпизодовъ; по самому существу темы «Мертвыя души», по произволу автора, могли быть закончены и рано, и поздно. Можно лишь удивляться, какъ Анненковъ не понималъ этой особенности генія Гоголя и потому писалъ: «Если эта поэма по справедливости можетъ называться памятникомъ его, какъ писателя, то съ меньшей основательностью позволительно сказать, что въ ней готовилъ себѣ онъ и гробницу, какъ человѣку»; Анненковъ даже называетъ «Мертвыя Души» «подвижническою кельею, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нее».

Эта особенность или свойство дарованія Гоголя потому имѣетъ особое значеніе въ глазахъ психіатра, что самъ Гоголь не понималъ свойства своего творчества. Если и можно думать, что не вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, а вслѣдствіе имманентнаго свойства своего генія, онъ не могъ разрабатывать сложныхъ положеній, трудно иначе какъ болѣзненно объяснить то, что Гоголь до конца жизни не понималъ особенностей своего дарованія.

О свойствахъ дарованія Гоголя, вообще объ его творчествѣ, писали столь авторитетные и компетентные критики, что весь

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ: Чижъ. Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья, Юрьевъ, 1899.

вопросъ исчерпанъ, и психіатръ можетъ высказать свое сужденіе лишь о томъ, какъ болѣзнь великаго поэта вліяла на его творчество.

Мы знаемъ, что малороссійскимъ происхожденіемъ Гоголя «объясняемо было до извѣстной степени его отношеніе къ русской (великорусской) дѣйствительности». Пыпинъ (Энциклопедическій словарь, 17, стр. 20) говоритъ: «Привязанность Г. къ своей родинѣ была очень сильна, особливо въ первые годы его литературной дѣятельности и вплоть до завершения второй редакціи «Тараса Бульба», но сатирическое отношеніе къ русской жизни, безъ сомнѣнія, объясняется не племенными его свойствами, а всѣмъ характеромъ его развитія».

На самомъ дѣлѣ, остается непонятнымъ, почему Гоголь иначе относится къ великорусской дѣйствительности, чѣмъ къ малороссійской; едва ли можно говорить о значеніи «развитія» въ томъ смыслѣ, какъ его обычно употребляютъ, по отношенію къ двадцатичетырехлѣтнему молодому человѣку, упорно избѣгавшему всѣхъ воздѣйствій, способствующихъ развитію. Когда Гоголь подготовлялъ или обрабатывалъ «Ревизора», онъ не жилъ въ такихъ условіяхъ, чтобы могъ «развиваться», измѣнить свое міровоззрѣніе, да наконецъ его «Выбранныя мѣста» доказываютъ, что сатирическое отношеніе къ великорусской дѣйствительности вовсе не было результатомъ «развитія»; напротивъ, достигнувъ наибольшей зрѣлости, Гоголь находилъ, что все обстоитъ какъ нельзя лучше. Вообще, историки литературы, и даже столь почтенные и авторитетные, какъ Пыпинъ, не принимаютъ во вниманіе чисто органическихъ причинъ дѣятельности, придаютъ большое значеніе средѣ, условіямъ жизни, идеямъ. Какъ психіатръ и психологъ, я рѣшительно не могу согласиться съ такимъ толкованіемъ отношенія Гоголя къ русской дѣйствительности. Еще разъ я припоминаю сказанное мнѣ покойнымъ психіатромъ Гудденомъ: психіатрія уже потому великая наука, что мы, психіатры, можемъ правильно понимать человѣка; ученые, государственные люди ошибочно судятъ о человѣкѣ, потому что всегда объясняютъ его дѣятельность соображеніями, а мы знаемъ громадную роль чувствованій, и громадность вліянія тѣла на душу. Іезуиты лучше, хотя только эмпирически, знали людей и умѣли управлять ими, потому что воздѣйствовали на чувствованія; психіатры кромѣ того знаютъ власть тѣла надъ духомъ.

Какъ психіатръ, я совершенно иначе объясняю значительное различіе въ отношеніи Гоголя къ нашей и малороссійской жизни. Происхожденіе само по себѣ, конечно, тутъ не играло роли, и Гоголь очень рано также безучастно относился къ страданіямъ крѣпостныхъ, выпоротыхъ унтеръ-офицершъ, обобранныхъ купцовъ, какъ въ Малороссіи, такъ и въ Великоруссіи. Также ему страшно было подумать ѣхать въ Россію, какъ и въ «любимую» Украину. Различія въ отношеніи къ «родной» Украинѣ и къ москалямъ были обусловлены болѣзнью и ея развитіемъ, въ чемъ легко убѣдиться, вникнувъ, когда Гоголь писалъ свои художественныя произведенія изъ малороссійской и нашей жизни.

Тѣ наблюденія малороссійской жизни, которыя вылились въ поэтическія произведенія перваго періода были собраны въ юношескомъ возрастѣ, то-есть, когда Гоголь пріѣзжалъ домой изъ Нѣжина и въ 1831 г. изъ Петербурга. Во время своего пребыванія въ Васильевкѣ лѣтомъ 1835 г. Гоголь уже не могъ собрать наблюденій для полныхъ нѣжности, и не лишенныхъ любовнаго отношенія къ созданнымъ имъ лицамъ, художественныхъ произведеній. Когда гениальный юноша наблюдалъ малороссійскую жизнь, онъ еще не былъ тоскующимъ, больнымъ; его душа еще могла любить, болѣзнь не окрасила для него весь міръ темными красками. Но и тогда онъ уже видѣлъ и Шпоньку, и Иванъ Ивановича съ Иваномъ Никифорычемъ; какъ ни ничтожны эти лица, въ душѣ поэта было достаточно сердечной нѣжности и для этихъ «существователей», добродушно относившихся къ гениальному юношѣ. Когда Гоголь увидѣлъ Акакія Акакіевича и Поприщина, онъ былъ еще очень молодъ, служилъ въ департаментѣ удѣловъ и министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, не перенесъ тяжелаго приступа меланхоліи, для него еще не все въ жизни потеряло прелесть, у него еще многое вызывало пріятныя чувствованія, а потому онъ еще могъ многое любить и сумѣлъ и насъ заставить полюбить и Акакія Акакіевича и даже Поприщина.

Болѣзнь многострадальнаго поэта прогрессируетъ; пріятныя чувствованія все рѣже и рѣже возникаютъ въ душѣ гениальнаго «великаго меланхолика». Все болѣе и болѣе обширный кругъ явленій вызываетъ у него непріятныя чувствованія; болѣзнь все болѣе и болѣе сгущаетъ мрачное облако, черезъ которое гениальный наблюдатель видитъ и міръ, и людей. Мрачное, вы-

званное болѣзнію настроеніе, конечно, должно было отразиться въ произведеніяхъ поэта, въ отношеніи его къ окружающей дѣйствительности. Персонажи Ревизора изучались Гоголемъ, когда развивающаяся болѣзнь лишила его сердечной теплоты, окрасила все въ темный цвѣтъ, и мы вмѣстѣ съ Щепкинымъ любимъ даже Держиморду, но уже «какъ и вообще всѣхъ людей». Припадки меланхоліи или меланхолическія состоянія въ той степени болѣзни, какія были у Гоголя, къ нашему счастью, не ведутъ къ умственному отупѣнію, и многострадальный поэтъ оцѣнилъ совѣтъ Пушкина описать покупку Мертвыхъ Душъ. Матеріалы для этого безсмертнаго произведенія, по крайней мѣрѣ по преимуществу, были собраны въ 1834—1835 гг. и первой половинѣ 1836 г. то-есть послѣ тяжкаго приступа меланхоліи 1833 г. Мы видѣли, что меланхолическое состояніе не покидало Гоголя и лѣтомъ 1835 г. и весною 1836 г. Понятно, что въ такомъ душевномъ состояніи геніальный наблюдатель уже не замѣчалъ Афанасія Ивановича, Акакія Акакіевича и т. д., а обратилъ свое вниманіе на болѣе мрачныя фигуры—Ноздрева, Собакевича, Манилова, Коробочку и Плюшкина. Даже мы, обыкновенные смертные, обращаемъ вниманіе на то, что соответствуетъ нашему настроенію; здоровый, веселый человѣкъ иначе относится къ людямъ, иначе ихъ понимаетъ, чѣмъ мрачно настроенный неудачникъ. Всѣ мы знаемъ, что въ хорошемъ настроеніи мы иначе смотримъ на нашихъ знакомыхъ, чѣмъ въ дурномъ. Константину Левину послѣ объясненія съ Китти у Облонскихъ всѣ люди казались добрыми, умными, хорошими; онъ всѣхъ ихъ любилъ, потому что сердце его было полно любви.

Нельзя забывать громаднаго вліянія недоразвитія половыхъ чувствованій у нашего великаго сатирика. Наши научныя свѣдѣнія по этому вопросу весьма ограничены и неточны. Rieger ¹⁾ вполне отрицаетъ вліяніе этой важной функціи на душевную жизнь, но едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ этого почтеннаго ученаго. Чтобы не входить въ обсужденіе этого крайне сложнаго и деликатнаго вопроса, я сошлюсь на два сдѣланныя мною наблюденія, вполне понимая ихъ недостаточность. Едва ли однако нужно доказывать громадное значеніе родового чувства на любовь къ людямъ и къ міру вообще; все это общеиз-

¹⁾ Die Castration 1900.

вѣстно, такъ же какъ и мизантропія евнуховъ. Я зналъ двухъ выдающихся лицъ съ недоразвитіемъ полового чувства; одинъ былъ ученый, другой важный чиновникъ; оба были мизантропы, мрачно смотрѣли на жизнь и видѣли только отрицательную ея сторону. Ученый былъ большой поклонникъ Гоголя и утверждалъ, что не понимаетъ и не любитъ ни одного художественнаго произведенія, кромѣ сочиненій Гоголя. Важный чиновникъ былъ человѣкъ громаднаго ума и рѣдкій работникъ, но онъ такъ подозрительно относился къ своимъ подчиненнымъ, такъ видѣлъ въ нихъ только дурное, что служить съ нимъ было очень трудно, а начальство должно было отказываться отъ его услугъ, въ виду постоянныхъ жалобъ, пререканій и т. п.

Въ періоды полового созрѣванія у такихъ лицъ эти важныя функціи, все же хотя и слабо, даютъ о себѣ знать, или, говоря иначе, железы начинаютъ функціонировать, но не достигаютъ должнаго развитія. О пробужденіи половой жизни говорилось такъ много, что нѣтъ надобности повторять извѣстное еще разъ; какъ бы слабо и незакончено ни было развитіе этой функціи, все же происходитъ соотвѣтственное измѣненіе личности. Когда половое созрѣваніе заканчивается такъ несовершенно, что молодой человѣкъ или вполнѣ, или почти неспособенъ къ половой жизни, то чисто органически, и сознательно, онъ не можетъ не страдать, не быть мрачнымъ. Мы не знаемъ какъ органически вліяетъ недоразвитіе этой важной функціи на личность субъекта, но несомнѣнно, что, когда молодой человѣкъ *окончательно* убѣждается, что онъ лишенъ тѣхъ наслажденій, которыя такъ сладки для его друзей, что онъ созданъ не такъ, какъ всѣ, онъ ожесточается, страдаетъ, злится, настроеніе его становится мрачнымъ. Гоголь выросъ въ нравственной семьѣ, а потому, по всей вѣроятности, сравнительно поздно *окончательно* убѣдился, что онъ созданъ не такъ, какъ другіе. Молодые люди съ недоразвитіемъ половой жизни долго утѣшаютъ себя надеждой, что съ годами они выздоровѣютъ, но когда, наконецъ, они видятъ, что дѣло непоправимо, жизнь имъ кажется отвратительной, лишенной смысла. Въ нефункціонирующихъ правильно органахъ начинается атрофія; обо всемъ этомъ наши научныя свѣдѣнія, повторяю еще разъ, весьма несовершенны, но кто же не знаетъ, что дѣвушки начинаютъ рано вянуть.

Все это необходимо принимать во вниманіе для объясненія

измѣненія въ отношеніи великаго сатирика къ нашей дѣйствительности; было бы просто фарисействомъ утверждать, что такія «животныя» «нисшія» отправления не могутъ имѣть вліянія на высокія художественныя произведенія. Если въ нашей жизни эти животныя отправления играютъ такую большую роль, то въ жизни художниковъ они должны имѣть еще больше значенія; вспомнимъ біографію Жоржъ Зандъ, Петрарки, Гете... Гоголь мрачно, отрицательно отнесся къ дѣйствительности именно тогда, когда долженъ былъ отказаться отъ всякихъ надеждъ, когда отсутствіе функции недоразвитыхъ железъ стало сказываться на всемъ организмѣ. Само собою разумѣется, что отрицательное отношеніе геніальнаго поэта къ дѣйствительности должно было принять другія формы, чѣмъ у увядающей дѣвушки; но кто не знаетъ сатирическаго направленія многихъ старыхъ дѣвъ, умѣющихъ подмѣчать смѣшныя стороны и зло ихъ осмѣивать. Принято смѣяться надъ старыми дѣвами, никого не любящими кромѣ кошекъ, но ихъ слѣдуетъ сожалѣть; кто не знавалъ добрыхъ любящихъ дѣвушекъ, вслѣдствіе ихъ ненормальнаго положенія превратившихся въ озлобленныхъ обличительницъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, бичующихъ безпощадно чужія слабости и недостатки. Увы, часто тѣлесные процессы имѣютъ громадное вліяніе на нашу душевную дѣятельность; конечно, на все это можно закрывать глаза, но съ закрытыми глазами можно и заблудиться. Мы не знаемъ, почему нѣкоторыя старыя дѣвушки становятся энтузіастками; англійскія *spinsters*—типъ крайне симпатичный; между аболуционистками, противницами вивесекцій немало старыхъ дѣвъ. Кто живалъ въ Западномъ краѣ, тотъ знаетъ, что такое девотка; ихъ набожность и консерватизмъ, самый крайній, общеизвѣстны.

Все это необходимо принять во вниманіе для объясненія весьма быстро произошедшей перемѣны въ отношеніи къ дѣйствительности у нашего великаго поэта. Я не знаю, да это и невозможно съ точностью знать, какое вліяніе на творчество имѣла эта чисто органическая причина; понятно, что даже геніальный наблюдатель не могъ дать себѣ отчета, какое вліяніе оказала на него эта крайне интимная сторона жизни. Извѣстно, съ какимъ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ нашъ геніальный поэтъ на любовныя интрижки (Невскій Проспектъ). Слѣдуетъ лишь обратить вниманіе, что эта причина *могла* имѣть вліяніе на его развитіе, но опредѣлить, какую роль она играла среди другихъ причинъ—ме-

ланхолическихъ состояній, параноическаго характера—едва ли возможно. Что эта причина могла имѣть немаловажное вліяніе, указываетъ намъ то обстоятельство, что ясно сатирическое отношеніе къ дѣйствительности появилось именно въ то время, когда прошла первая молодость, когда неспособность любить выяснилась окончательно, т. е. на двадцать четвертомъ-шестомъ году жизни.

Измѣненіе въ отношеніи къ жизни произошло въ сущности очень быстро—въ два-три года; намъ извѣстно, когда были сданы въ печать произведенія Гоголя, но неизвѣстно, когда они создавались. Мы знаемъ, что нашъ великій поэтъ, какъ и всѣ великіе творцы, подолгу работалъ надъ своими созданіями, многократно ихъ передѣлывалъ, переписывалъ и потому едва ли можно сомнѣваться, что «Ревизоръ», по крайней мѣрѣ въ общихъ очертаніяхъ—былъ созданъ за два года, а можетъ даже и болѣе, до своего появленія въ готовомъ видѣ. Очевидно, что двадцати-четырёхлѣтній авторъ не могъ путемъ «развитія» измѣнить своего отношенія къ дѣйствительности. Ни въ его жизни, ни въ его дѣятельности, ни въ той духовной атмосферѣ, въ которой онъ жилъ эти годы, не было ничего, что могло бы объяснить его «развитіе» въ этомъ направленіи.

Превращеніе «мягкаго юмориста» пасѣчника Рудаго Панька «въ грознаго сатирика» произошло очень быстро—въ три-четыре года, а потому историки литературы рѣшительно не могутъ прослѣдить этого «психологическаго процесса». Д-р. Баженовъ ¹⁾ уклоняется отъ объясненія этого процесса именно потому, что сдѣланный имъ діагнозъ болѣзни Гоголя не совсѣмъ вѣренъ.

Когда Гоголь проводилъ каникулы 1835 г. въ Васильевкѣ, онъ уже не могъ съ мягкимъ юморомъ относиться къ окружающей его дѣйствительности, и потому эта поѣздка не дала ему матеріаловъ для творчества. Только юношей онъ былъ мягкимъ юмористомъ, и уже въ томъ возрастѣ, когда нормальные люди смотрятъ на міръ черезъ розовыя очки, онъ былъ грознымъ сатирикомъ. Вообще, сатира, а тѣмъ болѣе грозная, не свойственна молодости. Щедринъ написалъ свои лучшія, наиболѣе грозныя сатиры, когда ему было за сорокъ лѣтъ; Свифтъ создалъ «Странствованія Гулливера», когда ему было пятьдесятъ лѣтъ. За-

¹⁾ Op. cit., стр. 12.

мѣчу, что великій англійскій сатирикъ былъ человѣкъ больной и послѣднія десять лѣтъ своей жизни страдалъ тяжелой душевной болѣзнью. Правда, Ямбы Барбье появились, когда поэту было двадцать шесть лѣтъ, но дальнѣйшее развитіе этого поэта остановилось очень рано, и всѣ его послѣдующія произведенія уже значительно ниже «Ямбовъ», что уже даетъ право сомнѣваться относительно здоровья Барбье. Хорошей подробной біографіи его нѣтъ.

Единственный сатирикъ, уже на двадцать пятомъ году жизни пріобрѣвшій извѣстность, это Буало; но Буало былъ *кастратъ*, такъ какъ въ дѣтствѣ его *partie très délicate* была повреждена индѣйскимъ пѣтухомъ ¹⁾. Конечно, можно говорить, что поврежденіе важныхъ органовъ у Буало и недоразвитіе половыхъ желаній у Гоголя никакого отношенія къ ихъ дѣятельности не имѣли, что я привелъ справку, ничего не объясняющую, но все же нельзя не сопоставить, что и Буало и Гоголь почти въ одномъ и томъ же возрастѣ прославились сатирами, что у обоихъ былъ органическій недостатокъ, лишившій ихъ радостной молодости.

Сатирическое отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, какъ художника, не только проявилось очень рано, но и развивалось очень быстро. Въ 1835 г. первая глава «Мертвыхъ Душъ» вызвали у Пушкина печальное настроеніе духа. Первая шесть главъ этого величайшаго художественнаго произведенія даже теперь читать тяжело. Одинъ извѣстный нѣмецкій ученый говорилъ мнѣ, что онъ не знаетъ болѣе мрачнаго и болѣе художественнаго изображенія дѣйствительности, какъ первая шесть главъ «Мертвыхъ Душъ». Когда я ему замѣтилъ (это было въ 1884 г., когда я еще не вполне понималъ «Мертвыя Души»), что это типы прошлой русской жизни, этотъ почтенный ученый живо возразилъ мнѣ, что персонажи «Мертвыхъ Душъ», какъ греческія статуи, бессмертны и всѣмъ понятны; Собакевичей у насъ очень много. Послѣднія главы дѣйствительно уже для насъ, нѣмцевъ, мало интересны; это ваша жизнь». Потомъ я оцѣнилъ вѣрность сужденія этого крупнаго ученаго и теперь думаю, что «Мертвыя

¹⁾ Rieger (op. cit. s. 84—87); тутъ приведены данныя по поводу этого обстоятельства въ жизни Буало, вполне достаточныя для сужденія о ненормальности этого сатирика.

Души» можно дѣлить на двѣ части. Первая шесть главъ—это не только сатира, но поразительно художественное воспроизведеніе живыхъ лицъ; дѣйствительно Гоголь создалъ статуи, столь же чудно-художественныя, какъ Аполлонъ Бельведерскій, Венера и т. д. Послѣднія главы «Мертвыхъ Душъ» это уже настоящая, конечно, великая сатира; тутъ Гоголь нарисовалъ ужасную по своей пошлости среду; эта картина болѣе общественная, чѣмъ психологическая. По моему разумѣнію, первая шесть главъ «Мертвыхъ Душъ» выше послѣднихъ, такъ какъ поразительная жизненность, недостижимая ясность обрисовки персонажей первыхъ шести главъ уже не встрѣчаются во второй части. Губернскій городъ, чиновники, все это изображено прекрасно, но уже нѣтъ вполне законченныхъ, вполне живыхъ, вполне понятныхъ всѣмъ и каждому лицъ; нарисована среда, жизнь, отношеніе людей, но только съ одной стороны. Это уже чистая сатира. Конечно, я понимаю, что моя оцѣнка «Мертвыхъ Душъ» не можетъ претендовать на авторитетность, и я высказалъ здѣсь свои сужденія лишь для того, чтобы указать на развитіе сатирическаго, и при томъ крайне мрачнаго, отношенія къ жизни нашего великаго писателя. Послѣднія главы «Мертвыхъ Душъ», насколько намъ извѣстно, были написаны въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда болѣзнь Гоголя значительно подвинулась впередъ, когда жизнь для него потеряла всякую прелесть. Смѣю думать, что послѣднія главы «Мертвыхъ Душъ» дають право говорить объ ослабленіи генія Гоголя, о разрушающемъ дѣйствиіи болѣзни ¹⁾.

¹⁾ Эти строки были уже написаны, когда я познакомился съ замѣткой Юл. Португалова. «По поводу полемики проф. В. Ф. Чижа и д-ра Я. Ф. Каплана („Вопросы философіи“, кн. 66). Изъ вышеизложеннаго ясно, что Ю. Португаловъ и я столь различно понимаемъ „Мертвыя Души“ вообще, и Плюшкина въ частности, что дальнѣйшая полемика совершенно невозможна. Замѣчу лишь, что моя работа о Плюшкинѣ была помѣщена въ спеціальному медицинскомъ органѣ „Врачебная Газета“, что ясно указываетъ на мое отношеніе къ вопросу. Г. Португаловъ напрасно думаетъ, что мое замѣчаніе о непониманіи критикой Плюшкина—лишь *larsus linguae*. Какъ ни велики были критики, писавшіе о „Мертвыхъ Душахъ“, они, вслѣдствіе незнанія психіатріи, не могли правильно понять Плюшкина. Само собою разумѣется, что незнаніе психіатріи ничуть не умаляетъ заслугъ этихъ выдающихся дѣятелей, такъ же какъ знаніе психіатріи и психологіи, надѣюсь, не лишаетъ меня права судить о томъ, о чемъ могли разсуждать лица, не изучавшіе этихъ наукъ. Плюшкинъ безсмертный типъ, потому что обрисовка его удивляетъ насъ своею законченностью и вѣрностью. вмѣстѣ съ тѣмъ Плюшкинъ, какъ и вся-

Едва ли былъ великій художникъ, такъ неправильно судившій о своемъ творествѣ и произведеніяхъ, какъ это дѣлалъ Гоголь; онъ брался за всѣ темы, писалъ обо всемъ: и о Божественной Литургіи, и мысли о географіи (для дѣтскаго возраста), и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не понималъ великаго значенія, громадной цѣнности «Ревизора». Мы знаемъ, какъ Гоголь толковалъ «Ревизора», и потому несомнѣнно, что онъ совсѣмъ не такъ, какъ мы, и понималъ, и цѣнилъ это единственное, въ своемъ родѣ, произведеніе. Гоголь при его наблюдательности, хотя и ослабѣвавшей послѣ 1835 г., долженъ былъ бы понять, что Сквозникъ-Дмухановскій, Хлестаковъ, Добчинскій—безсмертные, общечеловѣческіе типы, долженъ былъ бы увидѣть, что и во Франціи и въ Италиі они, по существу, тѣ же, что и въ нашемъ захолустьѣ. Конечно, французскій Дмухановскій, какъ въ то время, такъ и теперѣ не беретъ и на Онуфрія, и на Антона, но зато беретъ и какъ редакторъ газеты, и какъ вліятельный депу-

кое высокохудожественное созданіе, имѣетъ, конечно, и общественное значеніе; оно такъ ясно, что мнѣ казалось лишнимъ о немъ говорить. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не понятно каждому, что при крѣпостномъ правѣ, когда отъ произвола помѣщика вполнѣ зависѣла судьба его крѣпостныхъ, даже такой смиренный больной, какъ Плюшкинъ, разорилъ, довелъ до нищеты цѣлую деревню. Ужасно такое безправіе, при которомъ даже жалкій слабоумный можетъ безвозбранно причинять зло очень многимъ, причемъ никто не могъ защитить жертвы выжившаго изъ ума старика.

Плюшкинъ высокохудожественное созданіе и потому вѣчно; Плюшкины теперь сохраняютъ вышедшія изъ употребленія бумажныя деньги, но отъ ихъ слабоумія страдаютъ только ихъ родственники. Не знаю, что будутъ накапливать будущіе Плюшкины, но вполнѣ увѣренъ, что и ихъ судьба будетъ печальна, и печальна будетъ судьба ихъ родственниковъ, пока у насъ мало будетъ свѣдущихъ психіатровъ, пока авторитетъ науки и ея представителей будетъ такъ же великъ, какъ теперѣ.

О значеніи психіатрическаго анализа образовъ, созданныхъ поэтами и живописцами, писали очень компетентные ученые, и потому нѣтъ надобности обсуждать еще разъ этотъ вопросъ. Особенно цѣнны работы школы Шарко и выдающагося германскаго психіатра Мебіуса. Въ этихъ работахъ я искалъ себѣ указаній и думаю, что такой анализъ, конечно, если онъ вѣренъ, все же полезенъ, какъ полезно всякое научное объясненіе явленій жизни. Психіатрическій анализъ образовъ, созданный второстепенными художниками—трудъ почти напрасный, потому что эти образы лишь отчасти воспроизводятъ дѣйствительность; поэтому я ограничился уясненіемъ съ психіатрической точки зрѣнія нѣкоторыхъ образовъ, созданныхъ великими мастерами: Достоевскимъ, Тургеневымъ и Гоголемъ.

татъ. Все это могъ видѣть Гоголь, и все же онъ написалъ развязку Ревизора. Вообще, Гоголь никогда не могъ понять великой цѣнности своихъ художественныхъ произведеній, не могъ понять, что ничего достойнаго своего имени, онъ не можетъ написать ни по исторіи, ни по географіи, ни по сельскому хозяйству. Всякій нормальный человѣкъ восхищается художественными произведеніями Гоголя, всякій образованный человѣкъ понимаетъ ихъ значеніе; только вслѣдствіе болѣзни Гоголь не понималъ и не цѣнилъ своихъ собственныхъ произведеній, никогда не могъ понять границы ему доступнаго и потому постоянно тратилъ свои драгоцѣнные и слабыя силы на работы, къ которымъ былъ и неспособенъ, и неподготовленъ. Вслѣдствіе болѣзни гений Гоголя не только рано ослабѣлъ и рано потухъ, но даже и силы Гоголя тратились очень часто понапрасну, великая художественная работа прерывалась писаніемъ статей, возбуждающихъ сожалѣніе о напрасно потраченномъ трудѣ и времени великаго поэта.

Едва ли былъ другой геніальный поэтъ, такъ мало цѣнившій и такъ мало понимавшій свои художественныя произведенія, какъ Гоголь. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ его искренности, когда онъ писалъ, что «Выбранныя мѣста» — «это первая моя дѣльная книга». Также мы можемъ только удивляться тому, насколько Гоголь не понималъ великаго гуманизирующаго и морализующаго значенія своихъ произведеній, несмотря на то, что Бѣлинскій вполнѣ объяснилъ смыслъ этихъ произведеній. Изученіе біографіи Гоголя крайне поучительно и для психолога и для психіатра, такъ какъ уясняетъ намъ, насколько геніальность можетъ быть не слита со всей личностью автора; геніальность можетъ быть чѣмъ-то чуждымъ, постороннимъ всей натурѣ, всей духовной организаціи автора.

Гоголь началъ писать для того, чтобы заработать деньги, всю свою жизнь не оцѣнилъ прелести «Вечеровъ», считалъ ихъ слабымъ своимъ произведеніемъ; на темы, данныя Пушкинымъ, написалъ «Ревизора» и «Мертвыя Души», мало интересовался «Ревизоромъ», толковалъ его по своему, и наконецъ считалъ первую часть «Мертвыхъ Душъ» только наскоро построеннымъ крыльцомъ къ великолѣпному дворцу. Очевидно, что созданное геніемъ Гоголя было совершенно чуждо и даже непонятно Гоголю — больному человѣку. Всякій нормальный, посредственно одарен-

ный и даже мало развитой человекъ восторгается произведеніями Гоголя, хотя не ясно и не вполне понимаетъ ихъ значеніе. Чѣмъ можно объяснить такое странное отношеніе Гоголя къ своимъ художественнымъ произведеніямъ? Конечно, прежде всего приходитъ въ голову слѣдующее объясненіе: Гоголь, какъ великій художникъ, лучше своихъ критиковъ понималъ незамѣтныя для другихъ несовершенства своихъ произведеній, чувствовалъ несоотвѣтствіе между замысломъ и исполненіемъ; его тонко развитой художественный вкусъ не удовлетворяли произведенія, прекрасныя для насъ, не одаренныхъ геніемъ.

Такое объясненіе несостоятельно уже потому, что всѣ великіе художники чувствуютъ лучше насъ несовершенство своихъ произведеній, несоотвѣтствіе между замысломъ и исполненіемъ, что не мѣшаетъ имъ любить свои созданія, гордиться ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремиться создавать еще болѣе совершенное. Въ самомъ дѣлѣ, почему же Гоголь относился не такъ къ своимъ произведеніямъ, какъ всѣ великіе художники, почему онъ составляетъ, въ этомъ отношеніи, исключеніе. Наконецъ, Гоголь, такъ мало цѣнившій свои геніальныя созданія, былъ хорошаго мнѣнія именно о тѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ созданіи которыхъ почти не проявилась его геніальность. Даже при свиданіи съ И. С. Тургеневымъ Гоголь читалъ ему нѣкоторыя мѣста одной изъ тѣхъ «дѣтски напыщенныхъ и утомительно пустыхъ статей, которыми наполненъ этотъ сборникъ» (Арабески). Такимъ образомъ даже въ теченіе почти двадцати лѣтъ Гоголь не понялъ цѣнности этого сборника. Рядомъ съ такимъ снисходительнымъ отношеніемъ къ своимъ «дѣтски напыщеннымъ и утомительно пустымъ статьямъ», еще болѣе странно несправедливо строгій взглядъ на дѣйствительно великія свои произведенія. Очевидно, что геніальность и ею созданное всегда оставались чуждыми, посторонними всей остальной личности Гоголя. Геніальность была какъ бы отдѣленной, не слитой со всей духовной организаціей, и потому мы должны всегда отдѣлять геніальность и ея созданія отъ всей остальной духовной жизни больного поэта.

Художественное творчество было настолько чуждо, посторонне всей остальной духовной жизни великаго поэта, что Гоголь, какъ человекъ, совершенно не симпатизировалъ тѣмъ великимъ идеямъ, которыя выражены въ его художественныхъ произведеніяхъ. Онъ никогда не понималъ, что всѣ великія произведенія

ведутъ человѣчество впередъ; какъ геніальный художникъ, онъ съ изумительной прозорливостью постигъ главныя отрицательныя явленія своей эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не понималъ необходимости улучшеній; какъ человѣкъ, онъ не возмущался ни крѣпостнымъ правомъ, ни дореформеннымъ судомъ, ни чуть не сожалѣлъ объ ужасномъ положеніи народа.

Только тѣмъ, что художественная геніальность была чуждой, посторонней всей духовной личности великаго сатирика, мы можемъ объяснить его отрицательное отношеніе къ своимъ художественнымъ произведеніямъ, удивительное противорѣчіе между основными идеями художественныхъ и теоретическихъ произведеній, и, наконецъ, еще большее несоотвѣтствіе въ смыслѣ цѣнности первыхъ и вторыхъ.

Гоголь не цѣнилъ, не любилъ и не понималъ своихъ великихъ произведеній, потому что не любилъ и не цѣнилъ великихъ идей, выраженныхъ въ этихъ чудныхъ созданіяхъ его генія. Вслѣдствіе патологической организаціи нервной системы, онъ ни въ школѣ, ни въ жизни не любилъ учиться и потому никогда не былъ истинно образованнымъ человѣкомъ; ему не было доступно изумленіе передъ истиной, негодованіе передъ несправедливостью. По той же причинѣ онъ не могъ любить людей, не могъ любить оскорбленныхъ и униженныхъ, хотя, какъ геніальный художникъ, сумѣлъ возбудить въ насъ любовь къ Акакіямъ Акакіевичамъ и къ Поприцинымъ. Эта чисто патологическая неспособность любить кого-либо кромѣ самого себя, чего, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ эгоизмомъ, лишила больного поэта возможности сочувствовать страданіямъ милліоновъ крѣпостныхъ, сочувствовать тѣмъ, которыхъ сѣкутъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ больной поэтъ, которому ничто не доставляло радости, ничто не причиняло пріятныхъ ощущеній, любить что-либо. Уже однѣ почти непрекращающіяся нервныя страданія настолько отравляли жизнь, настолько сосредоточивали все вниманіе на самомъ себѣ, на собственномъ спасеніи, что ему ни до кого и ни до чего, кромѣ себя, не было дѣла. Гоголь, какъ человѣкъ, нисколько не возмущался крѣпостнымъ правомъ, нисколько не возмущался клерикальнымъ деспотизмомъ папскаго управленія Римомъ. Стоны крѣпостныхъ въ Россіи, такъ же какъ

1) Op. cit., стр. 64.

и вопли жертвъ папскаго деспотизма не существовали для измученнаго своими страданіями поэта; онъ всецѣло былъ поглощенъ желаніемъ избавиться отъ собственныхъ мученій, и ничуть не интересовался стремленіями и нашихъ лучшихъ умовъ, и всѣхъ благоразумныхъ римлянъ улучшить общественный строй.

Меня въ началѣ моей психіатрической дѣятельности очень удивляло, что душевно-больные совершенно безучастны къ страданіямъ своихъ сосѣдей. Въ клиникахъ и больницахъ я часто видѣлъ, что даже тяжко-больные, напр., чахоткой или ракомъ, съ участіемъ относились къ страданіямъ своихъ сосѣдей, по мѣрѣ силъ имъ помогали; смерть одного изъ больныхъ дѣйствовала угнетающе на все отдѣленіе: у однихъ вызвала сожалѣніе, другихъ устрашала. Совсѣмъ не то наблюдается въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ; маньяки танцуютъ и поютъ около умирающаго, меланхолики такъ поглощены своею скорбью, что не замѣчаютъ страданій сосѣда, параноики даже не удостоиваютъ своимъ вниманіемъ страданій своихъ сотоварищей по несчастію. Смерть больного рѣшительно никого не интересуешь. Конечно, нѣкоторые выздоравливающіе душевно-больные относятся съ сочувствіемъ къ страдающимъ больнымъ. Прежде я удивлялся, съ какимъ безсердечіемъ неврастеники мучатъ окружающихъ, какъ они не обращаютъ вниманія на интересы своихъ близкихъ, какъ всѣмъ они жертвуютъ для поправленія своего здоровья. Впрочемъ, объ этомъ я уже писалъ въ моей работѣ «Нравственность душевно-больныхъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что больного Гоголя ничуть не интересовало положеніе крѣпостныхъ въ Россіи, и онъ училъ помѣщика ругать ихъ «неумытыми рылами». Ни въ его письмахъ, ни въ воспоминаніяхъ друзей Гоголя нѣтъ указаній, чтобы его интересовали жертвы деспотизма Григорія XVI въ Римѣ и Фердинанда II въ Неаполѣ, хотя подвиги короля бомбы и его любимца Делькаретти возмущали весь міръ ¹⁾. Только здоровые могутъ любить свободу, истину, человѣчество, возмущаться произволомъ, стремиться къ свѣту, облегчать страданія оскорбленныхъ и униженныхъ.

1) Зимой въ 1850 г., т.-е. почти въ одно время съ Гоголемъ, жилъ въ Неаполѣ Гладстонъ, возмущившійся жестокостью короля-бомбы. Гладстонъ не могъ безучастно относиться къ жертвамъ деспотизма и постарался имъ помочь.

Про Гоголя слѣдуетъ сказать то же, что Фуллье ¹⁾ говоритъ про Данте: *Гоголь великій творецъ, потому что онъ былъ великій наблюдатель*; какъ великій наблюдатель—онъ не могъ не замѣтить всѣхъ ужасовъ окружающей его дѣйствительности, конечно, въ томъ періодѣ жизни, когда гений его сіялъ полнымъ свѣтомъ, т.-е. до 1836 г. Какъ гениальный художникъ, онъ наблюдалъ отрицательныя стороны нашей жизни; когда гений его уже ослабѣвалъ, онъ уже не могъ наблюдать отрицательныхъ явленій римской жизни, какъ то свидѣтельствуемъ его отрывокъ «Римъ». Какъ больной человекъ, онъ ни умомъ, ни сердцемъ не понималъ и не сочувствовалъ тому, что такъ дорого всѣмъ намъ и въ «Ревизорѣ», и въ «Мертвыхъ Душахъ».

Тѣ освободительныя стремленія, которыя вытекали изъ паразитично глубокихъ сатиръ Гоголя, были совершенно непонятны Гоголю; если бы онъ не былъ боленъ, онъ бы хотя отчасти понималъ работы Бѣлинскаго, но онъ всю жизнь «не любилъ учиться»; сердцемъ онъ также вслѣдствіе болѣзни не могъ сочувствовать тѣмъ свѣтлымъ стремленіямъ, которыя такъ непосредственно и ясно вытекаютъ изъ его художественныхъ произведеній. Бѣлинскій, страдавшій чахоткой, горячо всѣмъ сердцемъ любилъ созданія Гоголя, душевно-больной Гоголь не могъ любить своихъ художественныхъ произведеній, потому что его ничуть не интересовали тѣ великія начала, которыя возбуждали любовь Бѣлинскаго.

Я не берусь рѣшать, почему Гоголь считалъ для себя оскорбительнымъ самое названіе «либераль», почему онъ предпочиталъ казенную благонамѣренность. Я не думаю, что только потому, что «гимнъ властямъ придержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора». Можетъ быть казенная благонамѣренность Гоголя объясняется тѣмъ, что вообще душевно-больные всегда съ особымъ увлеченіемъ придерживаются модныхъ, господствующихъ идей. Въ этомъ я постоянно убѣждался во время моей дѣятельности въ Петербургѣ и въ Юрьевѣ; больные въ Петербургѣ, почти всѣ, придерживались господствующихъ въ то время взглядовъ; здѣсь въ Юрьевѣ опять-таки больные исповѣдуютъ взгляды мѣстнаго большинства;

¹⁾ Dante est grand créateur parce qu'il est grand observateur. (Esquisse psychologique des peuples européens. p. 73).

какъ тамъ, такъ и здѣсь взгляды больныхъ крайне шаблонны, прямолинейны, а вѣдь Гоголя Бѣлинскій сравнивалъ съ Бурачкомъ. (Чья же голова могла переваривать мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ). Наконецъ, весьма важно для уразумѣнія взглядовъ Гоголя, что онъ не любилъ учиться, хотя при такомъ толкованіи остается неяснымъ, почему у Гоголя сложились такіе благонамѣренные взгляды; немало людей, мало учившихся, исповѣдуютъ радикальныя и даже анархическія идеи.

Само собою разумѣется, что тѣ или другіе взгляды еще не указываютъ на душевную болѣзнь; модные въ данное время взгляды исповѣдуются большинствомъ здоровыхъ и почти всѣми душевно-больными. Для психіатра имѣетъ значеніе, что взгляды Гоголя совершенно не соотвѣтствовали тому, что выражено въ его художественныхъ произведеніяхъ; что такого раздвоенія личности не бываетъ у здоровыхъ художниковъ, почему здоровые художники любятъ свои созданія, горячо отстаиваютъ свои идеалы, въ своихъ теоретическихъ произведеніяхъ исповѣдуютъ тѣ же начала, что и въ художественныхъ.

Также для психіатра имѣетъ значеніе, что теоретическія работы Гоголя по своему достоинству стоятъ неизмѣримо ниже его художественныхъ произведеній. Конечно, мышленіе образами и мышленіе идеями—дѣятельности столь различныя, что не мало художниковъ было очень слабыми мыслителями. Здоровому даровитому человѣку свойственно понимать, что ему доступно и что выше его силъ, и потому даже художники слова не тратятъ своихъ силъ на научныя и вообще теоретическія работы. Тѣ поэты, которые надѣлены были большимъ теоретическимъ умомъ и въ своихъ теоретическихъ работахъ проявляли свою даровитость; Шиллеръ, Викторъ Гюго, Пушкинъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживали и свою талантливость, и свои благородныя стремленія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ихъ теоретическія работы ниже ихъ художественныхъ произведеній, но и первыя имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, имѣли для своего времени большое значеніе. Сравнивая художественныя произведенія и теоретическія работы Гоголя, можно лишь удивляться, что такой великій художникъ писалъ «дѣтски напыщенные и утомительно-пустыя» статьи, и при томъ по самымъ различнымъ вопросамъ—начиная съ преподаванія географіи и кончая объясненіемъ Божественной Литургіи. Тутъ еще разъ мы

видимъ, что гениальность художника была совершенно чуждой, посторонней всей личности, всей духовной дѣятельности писателя; внѣ сферы художественнаго творчества нѣтъ не только гениальности, но даже талантливости, тонкости сужденія, большихъ свѣдѣній.

Гениальность художественныхъ произведеній Гоголя мѣшаетъ нѣкоторымъ критикамъ Гоголя съ должной трезвостью отнестись къ его теоретическимъ работамъ; не говорю уже о политическихъ симпатіяхъ, вслѣдствіе которыхъ восхваляются даже «Выбранныя» мѣста. Я не знаю авторитетнаго мнѣнія въ защиту теоретическихъ работъ Гоголя и вполне раздѣляю по этому вопросу мнѣніе И. С. Тургенева. Уже не знаю чѣмъ объяснить восторженный отзывъ о «Выбранныхъ мѣстахъ» г. Волинскаго ¹⁾; этотъ критикъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ» нашелъ, что Гоголь «раскрылъ свою могучую вдохновенную любовь къ родинѣ, то въ безсмертныхъ выраженіяхъ откровенной исповѣди, въ безутѣшномъ рыданіи, въ мучительныхъ крикахъ отчаянія, то въ немногихъ простыхъ и скромныхъ словахъ—въ тихомъ шопотѣ молитвы на колѣняхъ передъ зажженною въ углу лампадою»; онъ даже нашелъ въ этой книгѣ языкъ «пророческаго вдохновенія и поэтическаго энтузіазма». Не претендуя на авторитетность критика, я могу сказать, что такіе отзывы могутъ лишь вызывать удивленіе и образованнаго человѣка, и специалиста-ученаго.

Впрочемъ, судить о теоретическихъ работахъ ученый можетъ съ меньшей компетентностью, чѣмъ литературные критики, и не думаю, чтобы ученый могъ не согласиться съ И. С. Тургеневымъ, художникомъ, вполне понимавшимъ духъ научнаго изслѣдованія. Поэтому для меня несомнѣнно, что и «Арабески», «сборникъ дѣтски напыщенныхъ и утомительно-пустыхъ статей», и «Выбранныя мѣста»—произведенія душевно-больнаго. Только патологическою организаціей нервной системы Гоголя можно объяснить, что все имъ написанное, кромѣ его художественныхъ произведеній, недостойно его гениа. Слѣдуетъ вполне согласиться съ Ломброзо ²⁾, считающимъ, что Гоголь проявилъ свою патологическую организацію именно тѣмъ, что онъ писалъ объ очень различныхъ вопросахъ и крайне поверхностно.

¹⁾ «Сѣверный Вѣстникъ» 1893; 1.

²⁾ Op. cit.

У насъ, и въ виду цензуры, и вслѣдствіе крайней ничтожности книжной торговли, еще нѣтъ психопатической литературы, но за границей немало книгъ, а еще больше брошюръ написанныхъ психопатами-графоманами. Одинъ германскій ученый показывалъ мнѣ цѣлую бібліотеку такихъ сочиненій, имъ собранную. Почти всѣ такія произведенія отличаются своею краткостью, представляютъ собою неоконченныя, краткія разсужденія о весьма сложныхъ вопросахъ. Графоманъ пишетъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, не останавливаясь долго на одномъ, и о всемъ пишетъ крайне самоувѣренно. Всѣ эти произведенія дѣтски напыщенны и утомительно-пусты. Особенно охотно графоманы пишутъ о политикѣ и морали, любятъ поучать и давать совѣты. Писанія этихъ несчастныхъ не обращаютъ на себя вниманія, потому что ихъ произведенія наполнены модными общими мѣстами, а таланты между психопатами крайне, крайне рѣдки.

Даже, если согласиться съ тѣми, которые и въ «Выбранныхъ мѣстахъ» находятъ много великихъ мыслей, все же нельзя отрицать, что въ этой очень небольшой, по размѣрамъ, книгѣ трактуется объ очень многихъ и крайне разнообразныхъ вопросахъ. Здѣсь, на четырнадцать печатныхъ листахъ авторъ затрогиваетъ слѣдующія темы: религію, духовенство, высшее управленіе, просвѣщеніе, филантропію, театръ, современное состояніе Россіи, что такое губернаторша, женщина въ свѣтѣ, любовь къ отечеству, домашнее хозяйство, сельское хозяйство, сельскій судъ и расправа, живопись, Карамзинъ, Одиссея, «Мертвыя Души», предметы для лирическаго поэта, значеніе болѣзней. Искусству (письма VII, X, XV, XVIII, XXIII, XXXI) посвящено нѣсколько болѣе трети всей книги; несомнѣнно эти письма составляютъ лучшую часть книги; всѣ остальные вопросы разработаны весьма кратко. О просвѣщеніи говорится всего *на трехъ* страницахъ; я не встрѣчалъ еще ни у одного здороваго автора столь поверхностнаго отношенія къ столь важному вопросу и мнѣ даже не вѣрится, чтобы здоровый умудрился изложить свой взглядъ на просвѣщеніе *на трехъ* страницахъ и рѣшился напечатать такую коротенькую статейку о дѣлѣ такого громаднаго значенія. Еще болѣе поразительна и характерна краткость III письма: О значеніи болѣзней; все письмо занимаетъ меньше страницы. Кто же не знаетъ о значеніи болѣзней больше одной печат-

ной страницы, и я не помню ни одной отдѣльной статьи о столь сложномъ вопросѣ, занимающей одну страницу. Также поверхностно относится авторъ Выбранныхъ мѣстъ и къ чисто этической темѣ «О помощи бѣднымъ» (письмо VI); все письмо занимаетъ двѣ страницы; казалось бы, что писатель, пожелавшій поучать добру, долженъ бы болѣе обстоятельно отнестись къ этой важной темѣ. Если ему этотъ вопросъ представляется столь простымъ, что всѣ свои мысли о немъ онъ можетъ изложить на двухъ страницахъ, то онъ долженъ бы понять, что насъ, простыхъ смертныхъ, чтеніе двухъ страницъ просвѣтитъ очень мало. Особенно характерно для этой удивительной книги, что даже о томъ, что хорошо было извѣстно Гоголю, и о чемъ онъ могъ бы дать намъ цѣнныя, ясныя указанія, онъ говоритъ поразительно мало; даже о чтеніи русскихъ поэтовъ передъ публикою Гоголь пишетъ всего двѣ страницы. Неужели Гоголь не могъ даже эту тему разработать обстоятельно, не могъ насъ научить, что выбирать для чтенія, какъ читать. Самые сложные вопросы морали и жизни, о которыхъ сказано такъ много лучшими умами, рассматриваются съ изумительной краткостью; письмо XXIX (Чей удѣлъ на землѣ выше) занимаетъ меньше страницы; неужели здоровый человѣкъ такъ можетъ обсуждать этотъ вопросъ; неужели хотя сколько-нибудь мыслящій человѣкъ не думалъ о томъ, чей удѣлъ выше, не думалъ много и мучительно.

Повидимому болѣе подробно XXVIII письмо (Занимающему важное мѣсто), а именно, оно составляетъ 18 страницъ; но въѣвъ въ этотъ письмѣ затронута такая масса вопросовъ, что ни одинъ изъ нихъ не разработанъ съ достаточной обстоятельностью; въ этомъ письмѣ излагаются не только нравственныя наставленія высшимъ представителямъ власти, но и разбирается механизмъ управленія, значеніе государственныхъ должностей, указываются главныя задачи для дѣятельности представителей власти. Едва ли кто-нибудь, когда либо такъ кратко разсмотрѣлъ всѣ эти мудреные вопросы, какъ это сдѣлалъ Гоголь въ письмѣ къ занимающему важное мѣсто. Увы, мы знаемъ, что весьма обстоятельные трактаты самыхъ компетентныхъ авторовъ еще не выяснили вопросовъ, такъ кратко разобранныхъ Гоголемъ.

Наконецъ, «Выбранныя мѣста», также какъ и другія теоретическія работы Гоголя, отличаются тѣмъ, что всѣ, и даже самые сложные вопросы разрѣшаются крайне просто, и при томъ въ

самой категорической, не допускающей возраженія формѣ; нѣтъ никакихъ сомнѣній, недоразумѣній; все авторомъ разъясняется на нѣсколькихъ страницахъ, или даже на нѣсколькихъ строкахъ. Ницше говоритъ вполне вѣрно: «возраженіе, осторожность, сомнѣніе, иронія—суть признаки здоровья; все, что абсолютно, находится въ области патологическаго». На основаніи своего свыше двадцатипятилѣтняго изученія душевно-больныхъ, я могу лишь подтвердить, что этотъ больной философъ вполне правъ. Едва ли есть книга, въ которой такъ просто и такъ абсолютно рѣшено было такъ много вопросовъ, какъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ». Если изъ этой книги исключить, что авторъ говоритъ о себѣ, о своихъ болѣзняхъ, о своемъ спасеніи, бранить своего врага (онъ бранитъ Погодина три раза) и хвалитъ своихъ друзей, то есть опять-таки говорить о своихъ отношеніяхъ, или по поводу ихъ, то въ книгѣ останется мало новыхъ мыслей. Почти все сказанное въ ней было уже извѣстно, но авторъ уже извѣстныя мнѣнія излагаетъ въ крайне упрощенномъ видѣ и утрируетъ ихъ до крайности. Кто же не знаетъ пользы расчетливости, но Гоголь и совѣтъ расчетливо вести хозяйство излагаетъ въ неслыханно категорической формѣ; едва ли и Коробочка могла бы послѣдовать этому совѣту. Конечно, Одиссея произведеніе замѣчательное, но такого значенія, какое придаетъ этой поэмѣ Гоголь, еще никто ей не давалъ; уже не говорю о томъ, что Гоголь ошибался о состояніи современнаго ему общества. Что священникъ можетъ вліять на нравственность, это всѣ знаютъ, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы «пьяницы и мошенники первѣйшаго разбора» послѣ исповѣди («по 4 и по 5 человѣкъ исповѣдовалъ вдругъ») выходили изъ церкви «красные какъ раки», да едва ли и желательна *такая* исповѣдь. Едва ли здоровый человѣкъ можетъ думать, что «всѣ наши должности въ ихъ первообразѣ прекрасны и прямо созданы для земли нашей». Кто же не знаетъ, что совершеннаго нѣтъ, да и не можетъ быть на землѣ, и, конечно, самые ярые реакціонеры въ душѣ не согласились съ Гоголемъ, имѣвшимъ самыя смутныя представленія о предметѣ, о которомъ онъ говорилъ.

Даже о предметахъ, требующихъ продолжительнаго изученія, говорится крайне «абсолютно»; напр., самые способные и даровитые изъ людей, перевалиясь за сорокалѣтній возрастъ, тупѣютъ, устаютъ и слабѣютъ». Кажется о такомъ чисто научномъ во-

прось слѣдуетъ говорить съ большой осторожностью; и теперь мы еще не знаемъ хорошенько, какой возрастъ самый продуктивный, а Гоголь разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія въ двухъ строкахъ, понятно, безъ всякихъ доказательствъ.

Такихъ примѣровъ можно привести очень много, потому что, въ сущности, вся книга состоитъ изъ такихъ категорическихъ, и при томъ крайнихъ, сужденій. Однимъ словомъ, кто согласенъ съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Ницше, для того несомнѣнно, что «Выбранныя мѣста» содержатъ много патологическаго.

Такая рѣзкость, крайность сужденій можетъ импонировать и нравиться, правда очень немногимъ. Патологическое въ этой книгѣ, думаю я, нѣкоторыхъ лишило возможности правильно отнестись къ ней; книга многимъ просто непонятна; въ самомъ дѣлѣ лица, незнакомыя съ психіатріей, не могутъ правильно оцѣнить эту удивительную книгу; такъ она непохожа на книги, написанныя здоровыми авторами. С. Т. Аксаковъ, не зная психіатріи, даже преувеличилъ патологическое въ этой книгѣ: «нѣтъ ни одного здороваго слова, вездѣ болѣзнь или въ развитіи или въ зернѣ» ¹⁾. Менѣе прозорливыя, чѣмъ почтенный славянофилъ, читатели могли объяснить эту странную книгу только тѣмъ, что Гоголь «прикинулся проповѣдникомъ христіанства». Умный Д. Н. Свербеевъ нашелъ въ этой книгѣ «надувательство» (Шенрокъ W. 522); Свербеевъ уважалъ и любилъ Гоголя, и потому ему было весьма трудно остановиться на этомъ мнѣніи; Свербеевъ не могъ рѣшить «надуваетъ ли онъ (отъ чего Боже сохрани), прежде чѣмъ самъ надувается, или же надувается прежде самъ, а потомъ уже надуваетъ своихъ читателей».

Относительно второй части «Мертвыхъ Душъ» психіатръ можетъ сказать весьма немного; ослабленіе творчества въ этомъ произведеніи такъ ясно, что не возбуждаетъ сомнѣній, и только болѣзнію можно объяснить это печальное явленіе. Гоголь писалъ это незаконченное произведеніе въ томъ возрастѣ, когда у здоровыхъ людей духовныя силы достигаютъ наивысшаго развитія, и потому только болѣзнь могла такъ неблагоприятно повліять на художественную дѣятельность великаго сатирика.

Необходимо отмѣтить, что уже въ этомъ произведеніи ска-

¹⁾ Op. cit., стр. 166.

залась преждевременно вслѣдствіе болѣзни и наступившая старость великаго поэта. Гоголь настойчиво проповѣдуетъ скопидомство, возводитъ его на степень первой, главнѣйшей добродѣтели. Какъ извѣстно, такую же мораль онъ проповѣдовалъ въ своихъ письмахъ къ матери и сестрамъ. Гоголь, какъ гениальный поэтъ, ясно сознавалъ, что скопидомство свойственно старости, какъ нормальной, такъ и патологической; скопидомство Коробочки по меньшей мѣрѣ несимпатично, Плюшкина прямо ужасно. Какъ великій художникъ онъ ясно обрисовалъ все ничтожество Коробочки, старческое слабоуміе Плюшкина. Еще менѣе симпатиченъ кулакъ—Собакевичъ, хотя онъ и хорошій хозяинъ. Когда Гоголь писалъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», онъ правильно оцѣнилъ, что только Коробочка можетъ наполнить всю свою жизнь накопленіемъ богатства, что Собакевичъ прямо вредный человѣкъ, что только выжившій изъ ума старикъ можетъ больше всего на свѣтѣ любить богатство. Когда Гоголь писалъ вторую часть «Мертвыхъ Душъ», онъ началъ, вслѣдствіе болѣзни, старѣть и потому уже иначе отнесся къ скопидомству; онъ возводитъ его въ добродѣтель, и какъ многіе старики считалъ скопидомство величайшею мудростью и добродѣтелью. Какъ то дѣлаютъ многіе старики, Гоголь сталъ поучать, что нужно копить, жить бережливо, что расточительность величайшій порокъ, что всѣ наши бѣды происходятъ отъ того, что мы не умѣемъ жить по средствамъ. Если мораль второй части «Мертвыхъ душъ» проповѣдуетъ старикъ—это вполне естественно, хотя, конечно не мало стариковъ, до смерти сохраняющихъ любовь ко всему прекрасному. Но такая проповѣдь въ устахъ Гоголя, еще такъ недавно трезво смотрѣвшаго на Собакевичей и Коробочекъ, свидѣтельствуемъ о большой перемѣнѣ, о рано наступившей старости. Иначе нельзя объяснить столь быстрого измѣненія во взглядахъ нашего великаго поэта; болѣзнь его рано закончилась преждевременною старостью и потому онъ сталъ проповѣдовать старческое благоразуміе, мораль Коробочки. Ранняя старость нашего великаго поэта прежде всего проявилась въ той морали, которой проникнута вторая часть «Мертвыхъ Душъ», затѣмъ эта патологическая старость обнаруживалась во всемъ поведеніи больного.

Я нашелъ необходимымъ остановиться на этой особенноти второй части «Мертвыхъ душъ» именно для того, чтобы еще разъ

установить, что не «развитіе», а чисто органическія причины обусловливали измѣненія въ дѣятельности или направленіи нашего великаго сатирика. Гоголь сталъ проповѣдовать старицковскую мораль не вслѣдствіе хода своего «развитія», а вслѣдствіе рано наступившей патологической старости. Въ самомъ дѣлѣ ни въ той духовной атмосферѣ, въ которой онъ жилъ въ сороковыхъ годахъ, ни въ его собственной жизни, наконецъ ни въ общественной жизни не было ничего, что могло бы выяснить ему прелести бережливости и скопидомства. Смирнова, Вельегорскіе, Толстые сами не хозяйничали, жили на присылаемыя изъ ихъ имѣній деньги, самъ Гоголь жилъ также на всемъ готовомъ, вообще *хозяйничаніе* не играло никакой роли въ жизни Гоголя и его друзей, повидимому, меньше всего заботившихся о житейскихъ дрязгахъ, всецѣло поглощенныхъ высшими интересами. Кажалось бы, что при такомъ складѣ жизни, меньше всего слѣдовало ожидать интереса къ тому, что наполняло жизнь Коробочки, и даже странно, что одновременно нашъ поэтъ проповѣдовалъ и скопидомство, и нравственное возрожденіе. Великій поэтъ даже не имѣлъ возможности обратить вниманіе на прелести скопидомства, потому что именно въ эту пору его жизни деньги онъ имѣлъ безъ особыхъ хлопотъ, всѣ свои потребности могъ удовлетворить безъ особыхъ затрудненій, и о его дѣлахъ заботились друзья и поклонники. Какъ то можно судить по сохранившейся перепискѣ, никто изъ друзей Гоголя этого періода его жизни хозяйствомъ, дѣлами, богатствомъ не интересовался и потому «развитіемъ» нельзя объяснить, безъ всякаго психологическаго основанія, возникшаго у Гоголя горячаго интереса къ бережливости и хозяйству. Проповѣдь скопидомства во второй части «Мертвыхъ Душъ» вполне объясняется чисто органической причиной — рано наступившей старостью. Кто же не зналъ лицъ, всю жизнь и не думавшихъ о бережливости и даже отличавшихся расточительностью, съ наступленіемъ старости вполне измѣнившихся въ этомъ отношеніи: появлялась бережливость, появлялось почтеніе къ этой добродѣтели.

Такимъ образомъ, мы еще разъ видимъ громадное вліяніе органическаго процесса на чисто духовную жизнь у нашего великаго сатирика. Онъ многократно писалъ матери и сестрамъ о пользѣ бережливости, о вредѣ не только роскоши, но даже закупокъ въ городѣ провизіи, о необходимости довольствоваться

деревенскими припасами, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ мать почаще и побольше молиться за него, заказать молебны о его выздоровленіи. И совѣты, и просьбы всецѣло объясняются состояніемъ здоровья Гоголя, такъ же какъ и проповѣдь скопидомства во второй части «Мертвыхъ Душъ».

О сожженной рукописи второй части «Мертвыхъ Душъ» намъ извѣстно мнѣніе талантливаго Ю. Самарина ¹⁾... «Что за странное, загадочное явленіе этотъ Ивановъ, какъ будто другая половина Гоголя. Обоихъ подняла необыкновенная сила и глубина духовныхъ требованій, требованій неосуществимыхъ при современномъ строѣ общественной жизни, и оба оборвались на той минутѣ, когда утомленные исканіемъ, они захотѣли опередить время и взять въ руки идеаль, котораго дѣйствительность не давала. Я глубоко убѣжденъ, что Гоголь умеръ оттого, что онъ сознавалъ про себя, насколько его второй томъ ниже перваго, сознавалъ и не хотѣлъ самому себѣ признаться, что онъ начиналъ поддурманивать дѣйствительность. Никогда не забуду я того глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на Хомякова и меня разъ вечеромъ, когда онъ прочелъ намъ первыя двѣ главы втораго тома. По прочтеніи онъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «Скажите по совѣсти только одно—не хуже первой части?» Мы переглянулись, и ни у него, ни у меня не достало духу сказать ему, что мы оба думали и чувствовали».

В. Чижъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

¹⁾ Благодаря любезному разрѣшенію Ф. Д. Самарина, привожу этотъ отрывокъ изъ неизданнаго письма Ю. Ф. Самарина къ А. О. Смирновой отъ 3 октября 1863 г. (изъ Самары).

Жизнь и психика.

(Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни.)

А. Область переживаній.

I.

Потокъ переживаній, образующій то, что мы называемъ психической жизнью, не во всѣхъ своихъ моментахъ является настоящимъ объектомъ познанія, пригоднымъ его матеріаломъ: онъ становится такимъ объектомъ или матеріаломъ только тамъ, гдѣ выступаетъ въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ, въ формѣ *опыта*. Даже въ предѣлахъ непосредственнаго опыта есть много неясныхъ, смутныхъ переживаній, которыя исчезаютъ, едва возникши въ полѣ психики, которыя такъ неопредѣленны и кратковременны, что ускользаютъ отъ познанія, *почти* не существуютъ для него. Но остается еще вопросъ въ томъ, что лежитъ за предѣлами *непосредственнаго* психическаго опыта, хотя не за предѣлами возможнаго опыта вообще.

Существуютъ ли достаточныя основанія, чтобы отрицать психическую жизнь въ утробномъ младенцѣ, въ человѣкѣ, спящемъ глубокимъ сномъ безъ остающихся въ памяти сновидѣній? — Все наше познаніе чѣмъ дальше, тѣмъ въ болѣе мѣрѣ проникается идеей *непрерывности*, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе способно мириться съ какимъ бы то ни было отклоненіемъ отъ этой идеи, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлаетъ ее своей всеобщей предпосылкой. Между тѣмъ идеѣ этой безусловно противорѣчитъ представленіе о томъ, что психическая жизнь возникаетъ изъ ничего, какъ прибавочный феноменъ непрерывно развивающейся жизни физиологической, и на нѣсколько часовъ можетъ совершенно прекратиться, чтобы вновь воскресать изъ

психического «ничто» въ моментъ пробужденія.—Однако ни утробная жизнь, ни сонъ безъ сновидѣній не даютъ намъ непосредственнаго психического опыта, а потому лишь косвенно могутъ служить матеріаломъ для психологическаго познанія. Это—темный хаосъ переживаній, въ которомъ нѣтъ «души», нѣтъ организованнаго единства, характеризующаго мѣръ опыта.

Психическій мѣръ ребенка первыхъ лѣтъ жизни, а также мѣръ сновидѣній и бреда представляютъ рядъ промежуточныхъ проявленій жизни, пограничную область психического хаоса и психического опыта. Здѣсь есть организованность, но только отрывочная: колеблющіеся образы, неустойчивыя сочетанія,—зарожденіе порядка среди безформеннаго матеріала жизни, и вторженіе безформенной жизни въ порядокъ опыта. Естественно, что эти переживанія находятся въ неопредѣленномъ и измѣнчивомъ отношеніи къ системѣ опыта; въ сферѣ памяти мы находимъ только обрывки отъ впечатлѣній первыхъ лѣтъ жизни, перемѣшанные съ иллюзіями памяти и внушенными воспоминаніями, только изолированныя сцены изъ жизни сновъ, исчезающія въ массѣ неясныхъ ощущеній смутности и дисгармоніи. На зарѣ жизни человѣка и человѣчества эта область полу-организованной психической жизни еще господствуетъ надъ зарождающейся стройностью опыта и съ величайшей медленностью отстываетъ передъ ея развитіемъ; до сихъ поръ сохраняются еще слѣды такого господства, въ видѣ суевѣрій, предчувствій, мистики. Но давно уже несомнѣнна побѣда опыта, съ его возрастающей гармоніей и цѣлостностью.

Присмотримся поближе къ этимъ различнымъ степенямъ психическаго единства жизни, постараемся понять ихъ жизненную связь, объективныя условія ихъ взаимныхъ переходовъ.

Сравнивая состояніе спящаго глубокимъ сномъ человѣка съ состояніемъ утробнаго младенца, нельзя не найти большого сходства между ними: и здѣсь и тамъ внѣшнія впечатлѣнія устранены, проявленія жизни сводятся къ растительнымъ процессамъ, питаніе тканей организма преобладаетъ надъ его затратами, реакціи на внѣшній мѣръ отсутствуютъ, кромѣ немногихъ рефлексовъ. Вообще, глубокой сонъ представляетъ какъ-будто временное возвращеніе къ тому типу жизни, который свойственъ человѣку до рожденія, и по своему созидательному значенію для организма всего меньше похожъ на смерть съ ея

неизмѣннымъ спутникомъ — разрушеніемъ организма. Однако между сномъ и утробной жизнью есть глубокая принципиальная разница: спящему достаточно проснуться, чтобы очутиться въ мірѣ опыта, въ сферѣ сознательной жизни; нерожденному младенцу для этого надо еще родиться и развиваться. Въ одномъ случаѣ система опыта еще не успѣла развернуться и организоваться, въ другомъ—она временно какъ бы свертывается и дезорганизуется.

Сумма опыта, богатство переживаній и съ количественной, и съ качественной стороны опредѣляется отношеніемъ организма къ его средѣ. Тамъ, гдѣ между организмомъ и средой имѣется полное равновѣсіе, гдѣ соприкосновеніе организма и среды не представляетъ разницы въ напряженияхъ энергіи, тамъ вообще нѣтъ почвы для переживаній: организмъ какъ бы не существуетъ, сливаясь въ безразличіи со своей средою. Всякое переживаніе есть различіе, и жизни нѣтъ тамъ, гдѣ нечего различать. Но лишь только среда и организмъ выступаютъ, какъ энергетически-неуравновѣшенная комбинація, лишь только имѣется разность напряженій энергіи, лишь только возникаетъ опредѣленный потокъ энергіи между обоими комплексами—организму есть что переживать, безразличіе смѣняется жизнью.

Но пытаясь стать на эту точку зрѣнія, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ предрасудковъ, порожденныхъ поверхностными аналогіями и недостаточнымъ анализомъ. Эти предрасудки можно формулировать такъ: *въра въ реальную жизнь безъ переживаній*, мысль, что переживанія—только эпифеноменъ, побочное явленіе жизни.

II.

До сихъ поръ преобладаетъ дуалистическое пониманіе жизни: фізіологическая жизнь организма и его «психическія переживанія» разсматриваются, какъ двѣ совершенно различныхъ области, нигдѣ между собою прямо не соприкасающіяся, хотя и связанныя опредѣленной зависимостью. Зависимость эта, чаще всего обозначаемая, какъ «параллелизмъ», въ личномъ опытѣ оказывается, однако, неполной, прерывающейся: въ цѣломъ рядѣ случаевъ измѣненія нервнаго аппарата протекаютъ безъ всякаго замѣтнаго отраженія въ психикѣ, въ сферѣ сознанія. Только незначительная часть изъ мелкихъ и постоянно дѣйствующихъ

на нервную систему раздражений порождают замѣтные «впечатлѣнія»; а въ періоды временнаго прекращенія психической работы жизнь физиологическая остается, повидимому, совѣмъ освобожденной отъ связи съ «психическими переживаниями». Такимъ образомъ, переживанія эти какъ-будто представляютъ дѣйствительно только «эпифеноменъ» жизни, неизвѣстно откуда берущуюся и неизвѣстно куда исчезающую прибавку къ ея физиологическимъ проявленіямъ.—Выясняя же границы этого эпифеномена, можно найти много основаній считать ихъ очень узкими по сравненію съ громадными размѣрами біологическаго міра вообще.

Естественно предположить, что сложность переживаній психическаго организма соотвѣтствуетъ сложности нервно-мозгового аппарата, съ состояніями котораго они связаны. Но при этомъ самъ собой является выводъ, что такихъ переживаній вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ нервно-мозговой системы, т.-е. напр. у всѣхъ Protozoa и у многихъ низшихъ Metazoa. И такъ какъ даже у человѣка съ его необычайно сложной нервной системой переживанія эти наблюдаются не всегда, а только при наличности цѣлаго ряда условій, и чрезвычайно легко прерываются, то можно, повидимому, принять, что и существованіе центрального нервнаго аппарата, вообще говоря, не составляетъ еще достаточнаго базиса для заключенія о томъ, что имѣются «переживанія».—Въ результатъ получается нельзя сказать чтобы очень стройная и гармоничная картина: передъ нами два типа жизненныхъ процессовъ, совершенно неоднородные по содержанію; одинъ изъ нихъ выступаетъ повсюду, а другой—въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ случаяхъ, какъ своеобразное дополненіе перваго, связанное съ нимъ опредѣленной для каждаго частнаго случая, но въ общемъ нерѣдко прерывающейся зависимостью.

Однако, если нестройность картины и оскорбляетъ наше эстетическое чувство, то это, повидимому, еще не говоритъ ничего противъ ея объективной вѣрности; основаніемъ же ея служатъ, повидимому, вполнѣ несомнѣнные факты опыта и вполнѣ законныя аналогіи, безъ какихъ вообще не можетъ обойтись познаніе.

Критика всякой познавательной концепціи сводится къ двумъ моментамъ: критика обобщеній и выводовъ съ точки зрѣнія

опыта, и критика самого лежащего въ основѣ ихъ опыта съ точки зрѣнія его связи и закономерности. Понятно, что начинать надо съ послѣдняго момента, потому что только проверенный, освобожденный отъ ошибокъ и иллюзій опытъ является надежной основой для критики познанія. Въ занимающемъ насъ вопросѣ этотъ моментъ является особенно важнымъ.²

Прежде всего, необходимо установить наиболѣе прямую и непосредственную форму зависимости между «переживаніями» организма и его «физиологическими процессами»,—задача, рѣшеніе которой связано съ немалыми трудностями. Было бы, напр., ошибочно принять за такую форму зависимости связь между сложностью нервно-мозгового аппарата съ одной стороны, разнообразіемъ и полнотой переживаній—съ другой; это было бы ошибочно уже потому, что при самой развитой нервной организациі—у человѣка—наблюдаются не только сложныя переживанія, но рядомъ съ ними также весьма простыя и элементарныя, не только интенсивныя, но и очень слабыя, не только опредѣленныя, но и очень смутныя. Поэтому бесполезны были бы всякія попытки дедуктивно установить, насколько сложный и развитой центральный аппаратъ нуженъ для того, чтобы жизнь организма осложнилась «переживаніями», и въ какомъ мѣстѣ лѣстницы живыхъ существъ они вообще возникаютъ. Для рѣшенія вопроса о психо-физическомъ параллелизмѣ жизни необходимы болѣе точныя и болѣе прямыя аналогіи.

За предѣлами нашего непосредственнаго психическаго опыта всякія переживанія—слѣдовательно, вообще всѣ не наши переживанія—становятся доступны нашему познанію лишь косвеннымъ путемъ—посредствомъ *высказываній*. Опредѣленная и постоянная связь нашихъ собственныхъ «психическихъ переживаній» нашихъ воспріятій, представленій, стремленій, эмоцій съ нашими двигательными реакціями служитъ основой для объединенія нашей психической жизни съ жизнью другихъ существъ, основой для «взаимнаго пониманія» того, что «переживается» нами и другими. Съ анализа высказываній, въ ихъ связи съ непосредственными переживаніями, и начинается критика психическаго опыта.

Съ самаго начала здѣсь возможенъ вопросъ, насколько вообще законно и правильно къ наблюдаемымъ высказываніямъ другихъ организмовъ присоединять переживанія, подобныя нашимъ собственнымъ. Вопросъ этотъ разрѣшается очень легко: наибольшая

часть нашего опыта дается намъ черезъ чужія высказыванія, путемъ такого ихъ «пониманія», и оно же служитъ для насъ способомъ провѣрять и контролировать свой непосредственный опытъ опытомъ другихъ людей. На пониманіи высказываній основывается, такимъ образомъ, вся система объективнаго познанія, и такъ какъ она въ своемъ цѣломъ не впадаетъ въ противорѣчіе ни съ самой собою, ни съ жизнью вообще, такъ какъ на ней мы можемъ съ успѣхомъ строить свою практическую дѣятельность, то намъ остается только принять эту систему; а вмѣстѣ съ ней мы должны принять и нашъ постоянный способъ «понимать» высказыванія, присоединяя къ нимъ, какъ ихъ необходимое дополненіе, воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи вполнѣ аналогичныя нашимъ собственнымъ. ¹⁾

Къ высказываніямъ принадлежатъ отнюдь не однѣ только специализированныя «формы выраженія», какъ рѣчь, мимика, искусство, но всѣ вообще двигательныя реакціи организма, которыя мы можемъ «понять» въ связи съ психическими переживаніями ²⁾, Если, напр., мы видимъ человѣка, выполняющаго какую-нибудь работу, то въ его дѣйствіяхъ мы находимъ для себя цѣлый рядъ высказываній: они ясно выражаютъ наличность, во—1-хъ, *воспріятія* всѣхъ объектовъ и орудій его труда, во—2-хъ, *представленія* о нѣкоторомъ желательномъ преобразованіи этихъ объектовъ, какъ «цѣли», въ—3-хъ, *стремленія* достигнуть этой «цѣли» и принятаго *рѣшенія* въ этомъ смыслѣ. Всѣ такого рода *практическія* высказыванія имѣютъ не только не меньшее значеніе, чѣмъ «теоретическія», напр., словесныя, но даже значеніе основное по отношенію къ этимъ послѣднимъ: рѣчь, мимика и другія спеціальныя формы выраженія возникаютъ на почвѣ практическаго объединенія человѣческихъ дѣйствій, общественный трудъ людей есть первичная область ихъ общенія, а стало быть и высказываній,

1) Само собой разумѣется, что всякое частное высказываніе одного организма можетъ быть „неправильно понято“ другими, вслѣдствіе, напр., различія ихъ опыта, ихъ физиологическаго строенія и т. под. Но въ этомъ случаѣ для возстановленія познавательной гармоніи и для устраненія практическихъ противорѣчій требуется только вмѣсто однихъ переживаній подставить другія, т.е. надо опять-таки „понять“ высказыванія, только иначе, чѣмъ они прежде были поняты.

2) Мы думаемъ, нѣтъ надобности выяснять, что въ основѣ всякой „выражающей“ реакціи, даже произносимаго слова лежитъ опредѣленный комплексъ мускульныхъ сокращеній, реакція *двигательная*.

соціально-технической процессъ порождаетъ необходимость гармоническаго *объединенія опыта различныхъ людей*. Сотрудничество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—основа соціального опыта ¹⁾).

Но за всякой ли двигательной реакціей организма можно предполагать соотвѣтственныя переживанія, и всякое ли переживаніе выражается въ двигательныхъ реакціяхъ? Каждый изъ этихъ вопросовъ требуетъ особаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

III.

Изъ непосредственнаго опыта намъ извѣстно, что очень многія изъ нашихъ переживаній, громадное большинство ихъ, протекаютъ безъ всякихъ «высказываній», безъ всякихъ замѣтныхъ двигательныхъ реакцій. Изъ этого очевидно, что сфера переживаній несравненно шире сферы высказываній. Но насколько шире, и каково ближайшее соотношеніе обѣихъ? Это можетъ выяснить психо-физиологія.

Всякая мускульная реакція, а слѣдовательно и всякое высказываніе предполагаетъ *нарушеніе равновѣсія* энергіи центрального нервнаго аппарата, потому что осуществляется путемъ *иннервации*, потока нервной энергіи отъ центра къ периферическому двигательному аппарату,—а при равновѣсіи системы потокъ этотъ, очевидно, не могъ бы возникнуть. Равновѣсіе же зависитъ отъ непрерывнаго и всесторонняго соотвѣтствія между «питаніемъ» системы и ея «работой», т. е. между ассимиляціей энергіи изъ

1) Здѣсь нѣтъ возможности дать обстоятельное обоснованіе идеи о первичномъ характерѣ практическихъ высказываній, да и нѣтъ необходимости въ этомъ. Идея эта вытекаетъ изъ историко-монистической концепціи соціального процесса и находитъ себѣ достаточно подтвержденій въ современныхъ научныхъ воззрѣніяхъ вообще (напр., въ ученіи Нуаре о происхожденіи корней, въ анализѣ связи техники и познанія у Эрнста Маха, и т. под.).

Отмѣтимъ, что Авенаріусъ, основывающій на анализѣ высказываній свою теорію познанія, понимаетъ подъ „высказываніями“ преимущественно или исключительно словесныя, мимическія и т. под., при чемъ упускаетъ изъ виду высказыванія практическаго характера, которыя онъ разсматриваетъ только со стороны ихъ непосредственнаго практическаго значенія („ectectosystematische Aenderungen“, „appetitives Verhalten“ и т. под.). Впрочемъ, въ „Критикѣ чистаго опыта“ онъ вообще прямо не выясняетъ, что именно понимаетъ подъ „высказываньями“.

окружающей среды и затратами энергии, ея переходомъ въ окружающую среду. Такимъ образомъ высказываніе обусловливается тѣмъ, что Авенариусъ называетъ «жизнеразностью», т. е. неполнымъ совпадениемъ «питанія» и «работы», частичнымъ или общимъ для системы перевѣсомъ ассимиляціи надъ затратами энергии или наоборотъ,—колебаниемъ энергии системы вверхъ или внизъ отъ даннаго ея уровня, выражающаго жизненное равновѣсіе и психическое безразличіе.

Но не всякая «жизнеразность» прямо ведетъ къ высказываніямъ, а только такая, которая достаточно значительна и можетъ вызвать потокъ иннервации, способный привести къ замѣтнымъ движеніямъ организма. Громадная масса мелкихъ и мельчайшихъ жизнеразностей остаются безъ внѣшняго проявленія, пока не исчезнутъ путемъ внутренняго уравниванія системы, или пока, суммируясь, не представятъ достаточную величину, чтобы выразиться въ физическихъ движеніяхъ. Но и крупныя, жизненно-важныя жизнеразности могутъ не породить высказываній; какъ извѣстно, это бываетъ, во-1-хъ, въ случаяхъ патологическихъ, при поврежденіи или разрушеніи нервныхъ проводниковъ, передающихъ иннервацию, при атрофіяхъ и пораненіяхъ мускуловъ и т. д.—вообще при всевозможныхъ паралитическихъ и паретическихъ состояніяхъ частей организма; во 2-хъ, что еще важнѣе, это бываетъ и въ случаяхъ вполне физиологическихъ, вслѣдствіе задерживающаго вліянія однихъ центровъ на другіе, когда начинающійся потокъ иннервации непрерывно подавляется, такъ что не переходитъ въ настоящія двигательныя реакціи. Въ такихъ случаяхъ переживание не связывается непосредственно съ высказываніемъ. Человѣкъ, напр., можетъ испытывать боль (что соотвѣтствуетъ быстро наступающему перевѣсу затратъ энергии системы надъ ея ассимиляціей), и не выражать ея, либо потому, что боль слишкомъ незначительна, либо потому, что не имѣетъ возможности ея выразить вслѣдствіе ненормальнаго состоянія организма, либо потому, что желаетъ скрыть ее и подавляетъ ея внѣшнія проявленія.

При современномъ состояніи психофизиологии наиболѣе вѣроятнымъ представляется такой взглядъ: всюду, гдѣ опытъ даетъ намъ переживанія безъ высказываній, тамъ при достаточномъ изслѣдованіи возможно обнаружить жизнеразность центральнаго аппарата; если же фактически обнаружить ее въ такихъ слу-

чаяхъ удастся не всегда, то это зависитъ отъ грубости нашихъ методовъ, — и съ ихъ развитіемъ изслѣдованіе все рѣже приводитъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ.

Принимая это во вниманіе, естественно признать, что *область жизнеразности и область переживаній вообще совпадаютъ*. Такая точка зрѣнія сразу дала бы намъ возможность въ стройной картинѣ представить отношеніе жизни психической и жизни фізіологической; но передъ нами немедленно выступаютъ различныя затрудненія.

Прежде всего, если въ нашемъ опытѣ при наличности переживанія не всегда удастся констатировать жизнеразности, то дѣйствительно ли это обусловливается только недостатками методовъ изслѣдованія, и не можетъ ли это, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зависѣть просто отъ того, что жизнеразности вовсе нѣтъ? Вообще, можно ли считать доказаннымъ, что полное равновѣсіе системы сопровождается психическимъ безразличіемъ, отсутствіемъ переживаній? Считать это *абсолютно* доказаннымъ при современномъ состояніи науки, разумѣется, нельзя; но очень многіе факты опыта говорятъ опредѣленно въ пользу этого и противъ всякаго иного допущенія.

Въ предѣлахъ существующаго матеріала наблюденій можно считать установленнымъ, что слабымъ жизнеразностямъ соотвѣтствуютъ и слабыя переживанія; что съ уменьшеніемъ первыхъ падаетъ и интенсивность вторыхъ; судя по этому, сведеніе къ нулю первыхъ должно означать и прекращеніе вторыхъ. Это особенно очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, порождающія жизнеразность, легко поддаются объективному наблюденію и даже измѣренію, напр., въ случаѣ внѣшнихъ раздраженій, воспринимаемыхъ органами чувствъ. Какъ ни сложна зависимость между раздраженіемъ и соотвѣтственнымъ ощущеніемъ, но приближеніе къ нулю первой величины означаетъ приближеніе къ нулю и второй, отсутствіе жизнеразностей даннаго типа соединяется съ отсутствіемъ соотвѣтственныхъ переживаній ¹⁾. Затѣмъ,

¹⁾ Замѣтимъ, что раздраженіе только *возбудитель* жизнеразности, и потому она не можетъ быть просто пропорціональна ему, такъ какъ зависитъ еще отъ состоянія нервной системы, отъ наличности въ ней накопленной и разряжаемой внѣшнимъ толчкомъ потенциальной энергіи. Но для занимающаго насъ теперь вопроса это неважно, а въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому.

когда изъ жизни организма исключаются возбуждающія причины извѣстнаго рода жизнеразностей, то устраниются не только переживанія, ближайшимъ образомъ вызываемыя этими причинами, но мало-по-малу исчезаютъ и тѣ, которыя косвенно обусловливаются ими. Если, напр., человекъ ослѣпнетъ, т.-е. если будетъ прегражденъ путь свѣтовымъ раздраженіямъ, то прекращаются сначала зрительныя воспріятія, и это соотвѣтствуетъ устраненію жизнеразностей, получаемыхъ отъ сѣтчатки. Но зрительныя *представленія* временно сохраняются очевидно, именно потому, что въ оптическихъ центрахъ, еще сохранившихъ извѣстную неустойчивость равновѣсія, продолжаютъ возникать жизнеразности отраженныя—вызываемыя вліяніемъ другихъ центровъ, а также колебаніями тонуса кровеносной системы—системы питанія. Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе отсутствія специфическихъ раздраженій, въ зрительныхъ центрахъ должно сложиться относительно прочное, устойчивое равновѣсіе, жизнеразности *прежняго типа* должны исчезнуть, — и соотвѣтственно этому утрачиваются послѣдніе остатки зрительныхъ переживаній.

Противъ возможности переживаній при отсутствіи жизнеразностей центральнаго аппарата говорятъ также очень важныя біологическія соображенія. Съ точки зрѣнія современной біологіи психическія переживанія представляютъ систему *приспособленія*; между тѣмъ при «идеальномъ» равновѣсіи центральнаго аппарата онъ является «идеально» приспособленнымъ (для этого момента), ему не къ чему приспособляться, и психическая дѣятельность излишня. Вообще, при современномъ состояніи біологіи и психологіи врядъ ли кто-нибудь даже и станетъ особенно защищать идею возможности психическихъ переживаній, несвязанныхъ съ колебаніями въ фізіологической жизни нервной системы. Поэтому гораздо важнѣе для насъ другая сторона вопроса.

Существуетъ очень много случаевъ, когда мы съ увѣренностью можемъ принять наличность въ нашей нервной системѣ опредѣленныхъ жизнеразностей, и въ то же время въ психическомъ опытѣ соотвѣтственныхъ переживаній не оказывается. Таковы, напр., всѣ жизнеразности, выступающія во время глубокаго сна, наркоза и т. под. состояній. Въ бодрственномъ состояніи нерѣдко тоже, особенно при сильной концентраціи вниманія на

одной мысли или объектъ, остаются «незамѣченными», т.-е. внѣ психическаго опыта многія внѣшнія воздѣйствія, которыя достаточно сильны, чтобы дойти до мозга и вызвать тамъ жизнеразность. Иногда бываетъ даже такъ, что человекъ, который «сильно задумался», пѣлесообразно реагируетъ на внѣшнее вліяніе, совершенно «не сознавая» этого, напр., поправляетъ беспорядокъ своего костюма, отодвигается отъ открытаго окна, «самъ не замѣчая» своихъ дѣйствій. Здѣсь уже имѣется не только жизнеразность, но на ея почвѣ и «высказываніе», однако связанныхъ съ нею переживаній въ полѣ психическаго опыта нѣтъ. Всѣ подобные факты приводятъ, повидимому, къ вполне определенному выводу: жизнеразности не всегда связаны съ соответственными переживаніями. Если остановиться на этомъ выводѣ, то опять теряется возможность обобщающаго, стройнаго, словомъ—монистическаго описанія жизни въ ея психическихъ и физическихъ проявленіяхъ.

Для рѣшенія вопроса необходима *критика психическаго опыта*, т.-е. выясненіе границъ психическаго опыта и его объективнаго познавательнаго значенія.

IV.

Міръ психическаго опыта личности представляетъ изъ себя очень сложную, но связную систему переживаній. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе прочно объединяется съ другими такъ называемой «ассоціативной» связью, и лишь въ этой связи является частью психическаго опыта. То, что внѣ ея, внѣ психическаго опыта; то, что выпало изъ ея рамокъ, выпало изъ рамокъ психическаго опыта. Таковы безчисленные «забытія» переживанія, когда-то входившія въ данную систему, но утратившія свою связь съ нею. Человекъ самъ ничего о нихъ не знаетъ бы, если бы они снова, уже косвеннымъ путемъ, не вводились въ сферу его опыта: высказыванія другихъ людей сообщаютъ ему объ его прежнихъ высказываніяхъ, съ которыми необходимо должны были соединяться соответственные психическія переживанія. Такъ узнаетъ человекъ, напр., о большей части своихъ переживаній, относящихся къ первымъ годамъ его жизни.

Какъ видимъ, границы психическаго опыта совпадаютъ съ границами той определенной связи переживаній, которую психологи называютъ «связью ассоціацій». Связь эта отнюдь не

является постоянной и однородной во всѣхъ частяхъ системы опыта, а выступаетъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ устойчивости и прочности. Есть комплексы переживаній, настолько прочно связанные со всѣми остальными, что ихъ разрушеніе или выпаденіе сразу дезорганизуетъ всю систему; таковъ сложный комплексъ органическихъ ощущеній, воспоминаній, стремленій, называемый «я». Есть другіе комплексы, соединеніе которыхъ съ остальными не такъ прочно и не такъ существенно для сохраненія системы, но которые фактически неопредѣленно долго въ ней сохраняются, время отъ времени всплывая при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ; они-то главнымъ образомъ и составляютъ то, что въ обыкновенной рѣчи называютъ «жизненнымъ опытомъ» человѣка (въ психологіи—область «привычныхъ ассоціацій»). Есть, далѣе, такіе комплексы, связь которыхъ съ остальной системой слаба и мимолетна; они возникаютъ, нѣсколько разъ всплываютъ въ полѣ сознанія и затѣмъ исчезаютъ безъ слѣда, заполняя собою громадную область пережитого—забытаго. Есть еще иного рода переживанія, соединеніе которыхъ съ системой опыта до того непрочно и неуловимо, что они только на моментъ входятъ въ поле психической жизни и совсѣмъ не попадаютъ въ область памяти—даже на время,—такъ что констатируются вообще только косвеннымъ путемъ. И это, какъ увидимъ, еще не предѣлъ; но прежде чѣмъ итти дальше, остановимся немного на этой группѣ переживаній.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наше воспріятіе окружающей среды бываетъ крайне неполно. Нѣкоторыя части среды «привлекаютъ наше вниманіе» и отчетливо выступаютъ въ полѣ сознанія, въ опредѣленной координаціи съ другими сознаваемыми переживаніями, входя такимъ образомъ въ систему психического опыта; другія части «ускользаютъ отъ вниманія», не входятъ въ общую координацію, а остаются для психического опыта какъ бы несуществующими («todte Werte», по выраженію Авенаріуса). Однако, нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не воспринимались, и нельзя даже принять, чтобы соотвѣтственные воспріятія совершенно пропадали для психического опыта. Иногда случается, что спустя нѣкоторое время человѣкъ при какихъ-нибудь необычныхъ условіяхъ, напр. при ненормальномъ возбужденіи, вспоминая данное событіе съ его обстановкой, въ полѣ воспоминанія находитъ, кромѣ фактовъ, занимавшихъ его со-

знаніе въ моментъ событія, также нѣкоторыя въ то время ускользнувшія отъ него частности, при чемъ эти прежде «мертвые» переживанія воскресаютъ съ большой яркостью. Однако, если бы не возникли необычныя условія, которыя повели къ воскрешенію «мертвыхъ величинъ», онѣ остались бы мертвыми и никогда не попали бы въ сферу психическаго опыта. Такъ это чаще всего и бываетъ. Пройдитесь, напр., по незнакомой вамъ улицѣ съ большимъ движеніемъ публики, массой товаровъ въ витринахъ, съ яркими вывѣсками, - вы получите миллионы впечатлѣній, а между тѣмъ много ли изъ нихъ вы сами въ это время «замѣтите» и много ли изъ этихъ послѣднихъ «вспомните» еще когда-нибудь?

Теперь предположимъ, что вы идете по той же улицѣ, но въ глубокой задумчивости, всецѣло погруженный въ рѣшеніе трудной математической задачи; до окружающаго вамъ «нѣтъ никакого дѣла», оно для васъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, вы ведете себя такъ, какъ если бы видѣли и слышали все происходящее вокругъ васъ: вы даете дорогу дамамъ, обходите ѣдущихъ извозчиковъ, извиняетесь, если кто-нибудь васъ толкнетъ.... Для посторонняго наблюдателя все это—высказыванія, за которыми должны скрываться *переживанія*. Но высказыванія эти, какъ говорится, «машинальны», въ нихъ «нѣтъ души». Значитъ ли это, что они пусты, что они возникаютъ безъ всякихъ переживаній? Конечно, нѣтъ; но тѣ переживанія, которыя въ нихъ выражаются, остаются *вне организованной системы* психической жизни; это изолированныя переживанія, и о нихъ мы ничего не можемъ знать изъ *непосредственной* психическаго опыта.

Въ такомъ изолированномъ положеніи оказываются во многихъ патологическихъ случаяхъ цѣлые обширные комплексы и послѣдовательности переживаній, и иногда вовсе не слабыхъ, а очень интенсивныхъ, если судить по энергіи высказываній. Вы наблюдаете лунатика и видите, что онъ предпринимаетъ рядъ дѣйствій, сложныхъ и хорошо координированныхъ, объединенныхъ, повидимому, опредѣленной цѣлью, словомъ—протекающихъ въ такой гармоніи и послѣдовательности, какъ это бываетъ при обычныхъ условіяхъ на почвѣ широкой ассоціативной связи психическихъ переживаній. Изъ послѣдующихъ высказываній больного, наступающихъ по его пробужденіи, вы узнаете, что вся

его ночная жизнь совершенно не существуетъ для его психическаго опыта. Сдѣлаете ли вы изъ этого тотъ выводъ, что всѣ проявленія лунатизма «вполнѣ механичны», что никакихъ переживаній съ ними не было связано? Но какъ примирить съ этимъ тотъ фактъ, что лунатикъ въ своихъ движеніяхъ тщательно различалъ мельчайшія условія среды, что онъ, идя по карнизу, гдѣ никогда не ходилъ на-яву, очень искусно уравнивалъ вое тѣло, и умѣлъ ставить ногу именно такъ, какъ того требовали неровности его ненадежной дорожки? Нѣкоторые лунатики въ своемъ странномъ снѣ пишутъ письма, т. е. вступаютъ въ общеніе съ другими людьми съ цѣлью вызвать въ нихъ опредѣленные переживанія. Легко ли представить себѣ, что все это—чистый автоматизмъ? Но тогда не было бы никакого основанія относиться иначе и ко всѣмъ обычнымъ, нормальнымъ высказываніямъ другихъ людей, пришлось бы во всѣхъ, кромѣ себя, видѣть оригинально устроенныя машины съ разнообразными и сложными движеніями. При этомъ потеряло бы всякій смыслъ общеніе людей, а съ нимъ исчезла бы почва и вообще для объективнаго познанія.—Нѣтъ никакой надобности создавать такія безцѣльныя и безысходныя познавательныя противорѣчія; необходимо только принять, что нѣкоторыя группы переживаній протекаютъ внѣ связи психическаго опыта, образуя обособленныя частныя координаціи, въ томъ же смыслѣ чуждыя главной системѣ координаціи психическихъ переживаній даннаго лица, въ какомъ чужды ей психическія переживанія другихъ людей ¹⁾).

Яркій примѣръ того, насколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть интенсивны переживанія, лежація за предѣлами психическаго опыта, представляютъ психо-эпилептическіе припадки. Вмѣсто того, чтобы биться на землѣ въ страшныхъ судорогахъ, не имѣющихъ и тѣни цѣлесообразности, эпилептикъ иногда совершаетъ рядъ дѣйствій, повидимому, сознательныхъ, стихійно-энергичныхъ, направленныхъ нерѣдко къ непосредственному

1) Иногда ночная жизнь лунатика не вполнѣ изолируется отъ его психическаго опыта: человекъ неясно вспоминаетъ потомъ о нѣкоторыхъ своихъ сомнамбулическихъ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, какъ о видѣнномъ сновидѣніи. Такіе промежуточные, переходные случаи являются, конечно, только лишнимъ подтвержденіемъ принимаемой нами точки зрѣнія: колебаніе границъ непосредственнаго психическаго опыта указываетъ на то, что и за его предѣлами есть еще аналогичныя ему переживанія.

разрушенію окружающаго, и тогда потрясюще-ужасныхъ въ своей дикой неудержимости. Сила этихъ «высказываній» говорить намъ о громадной интенсивности скрывающихся за ними переживаній; но отъ всего этого въ полѣ психическаго опыта не остается никакихъ слѣдовъ, если не считать послѣдующаго чувства утомленія и какъ бы разбитости организма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обширныя группы переживаній, отдѣленныя отъ главной системы психическаго опыта, образуютъ сложныя и устойчивыя координаціи того же типа, какъ и эта главная система, въ которую онѣ не вошли. Тогда передъ нами получается то, что въ психо-патологіи называютъ «раздвоеніемъ личности». Это своеобразное явленіе — наличность двухъ, а иногда и болѣе психическихъ особей въ соединеніи съ одной, повидимому, особью фізіологической—во многомъ остается еще загадкою, и породило цѣлый рядъ взаимно противорѣчащихъ попытокъ научнаго объясненія; но для вопроса о критикѣ психическаго опыта имѣетъ значеніе только фактическая сторона дѣла, независимо отъ ея освѣщенія той или другой гипотезою. Существуютъ достаточно точныя наблюденія и вполнѣ установленныя факты, въ которыхъ совершенно ясно выступаетъ явленіе широкой и сложной организациі переживаній за предѣлами данной системы психическаго опыта, но въ связи съ тѣмъ же нервнымъ аппаратомъ, съ которымъ она функціонально связана.

Въ наиболѣе типичныхъ и развитыхъ случаяхъ этого рода, каковы, напр., часто цитируемые случаи д-ра Azam'a, Camuset, Mac-Nish'a, дѣло происходитъ такъ. Вся психика больного періодически измѣняется, переходя отъ одного состоянія къ другому, и обратно—иногда такихъ различныхъ состояній бываетъ и больше двухъ,—при чемъ явнымъ образомъ нарушается или даже прерывается прежняя ассоціативная связь психики, замѣняясь новою. Иногда больной при этомъ совершенно теряетъ даже всякое воспоминаніе о томъ, что онъ думалъ, говорилъ и дѣлалъ въ предыдущемъ своемъ состояніи,—такъ было, напр., въ случаѣ, описанномъ Mac-Nich'емъ, и въ одномъ изъ двухъ состояній Фелиды, пациентки Azam'a; иногда воспоминанія сохраняются (другое состояніе Фелиды), но пациентъ чувствуетъ себя настолько психически измѣнившимся, что не можетъ признавать себя за ту же самую личность, которая была передъ этимъ.

Мѣняется весь «характеръ» человѣка, его взгляды и манеры, и не только онъ самъ считаетъ себя «другимъ» человѣкомъ, но то же самое признаютъ и окружающіе—на основаніи общей картины его высказываній. Если воспоминаніе о предыдущей психической фазѣ сохраняется, то больной обозначаетъ ее выраженіями «другой», «другой я» и т. п.; пациентка Dufau характеризовала свое первичное (нормальное) состояніе словами: «quand moi est bête». Если же предыдущая фаза совершенно забывается, а между тѣмъ это основная, «нормальная» фаза, соотвѣтствующая періоду до заболѣванія, то дѣло можетъ доходить до того, что больному приходится заново учиться читать, писать и считать, часто даже говорить, и заново знакомиться со всей окружающей обстановкой. Такъ было съ той американской дамой, о которой рассказываетъ Mac-Nich: когда она приходила въ свое «второе состояніе», то знала только то, чему въ этомъ состояніи научилась.—Смѣна одной фазы другою происходитъ обыкновенно болѣе или менѣе рѣзко, иногда сразу и неожиданно, иногда послѣ глубокаго сна, иногда послѣ своеобразнаго сумеречнаго состоянія.

Какъ ни истолковывать подобные факты—видѣть ли въ нихъ настоящую «множественность сознанія» или, слѣдуя другой гипотезѣ, обширные, растянутые во времени приступы истеріи со значительными амнезіями, перемежающіеся органическаго самочувствія и т. д.,—изъ нихъ можно съ несомнѣнностью сдѣлать одинъ выводъ: психическимъ опытомъ личности не исчерпывается вся сумма «переживаній», связанныхъ съ ея физиологическими процессами; за его предѣлами можетъ оставаться масса различныхъ переживаній, которыя въ обычныхъ случаяхъ бываютъ сравнительно изолированными и разбросанными, иногда же группируются въ сложныя единства, во многомъ аналогичныя главной системѣ психическаго опыта. Эти побочныя психическія группировки могутъ даже временно вытѣснять главную и вмѣсто нея господствовать надъ областью высказываній, что и даетъ поводъ къ представленію о «смѣнѣ личностей» въ упомянутыхъ нами наблюденіяхъ специалистовъ; аналогичную картину представляетъ также лунатизмъ и психо-эпилепсія. Въ другихъ же случаяхъ удается наблюдать высказыванія побочныхъ психическихъ группировокъ *одновременно и наряду* съ высказываніями главнаго «сознанія». Подобнаго рода факты также очень важны для вопроса о кри-

тикѣ психическаго опыта, и на нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Въ экспериментахъ, многократно производившихся надъ истеричными субъектами, удавалось получать сложныя, координированныя, строго цѣлесообразныя высказыванія въ отвѣтъ на такія возбужденія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «главнаго» сознанія личности. Вотъ самые типичные примѣры (изъ опытовъ П. Жанэ, Бинэ, Бабинскаго и др.). — Пациентка, страдающая мѣстными анестезіями, между прочимъ, полной анестезіей правой руки, помѣщена такимъ образомъ, что эта ея рука закрыта отъ нея ширмой. Въ руку вкладываютъ карандашъ, складываютъ пальцы такъ, какъ надо для писанья, и подкладываютъ бумагу. Такъ какъ пациентка не видитъ этого, а рука ея нечувствительна, то сама она ничего не знаетъ объ этомъ. Затѣмъ на тыльную сторону руки накладываютъ металлическую букву или какое-нибудь рельефное изображеніе, — и *нечувствительная* рука сама пишетъ карандашомъ эту букву или довольно точно вычерчиваетъ изображеніе. При этомъ детали изображенія воспроизводятся иногда съ такой точностью, которая указываетъ на настоящую тактильную гиперэстезію — въ нечувствительной рукѣ. — Въ другихъ опытахъ экспериментаторъ, помѣщавшійся сзади отъ пациентки, очень тихимъ голосомъ задавалъ ей вопросы въ то самое время, когда ея вниманіе было совершенно отвлечено оживленнымъ разговоромъ съ другими лицами; эти вопросы ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «сознанія» больной, и однако ея нечувствительная рука писала на нихъ отвѣты карандашомъ, между тѣмъ какъ «сама» больная даже не знала о томъ, что въ ея рукѣ вложенъ карандашъ.

Подобные эксперименты производились съ успѣхомъ въ самыхъ различныхъ варіаціяхъ, напр., съ замѣной обычныхъ истерическихъ анестезій — внушенными въ состояніи гипноза ¹⁾. Тѣ высказы-

¹⁾ Измѣняя условія опыта, удавалось установить существованіе довольно тѣсной связи между „сознаніемъ“ и внѣ-сознательными координаціями: дѣйствуя на анестезированную поверхность кожи, внушали „сознанію“ различныя представленія и даже галлюцинаціи; такъ, дѣлая незамѣтно для больного въ его нечувствительную кожу нѣсколько булавочныхъ уколовъ, предлагали ему задумать какое-нибудь число, и онъ называлъ именно число слѣданныхъ уколовъ; прикладывали къ нечувствительной кожѣ затылка рельефное металлическое изображеніе, и у больного получался соотвѣтствующій этому изобра-

званія, которыя при этомъ получались, соотвѣтствуютъ, какъ видно изъ самой постановки экспериментовъ, не «сознанію» личности, не главной ея психической координаціи, а другимъ группировкамъ переживаній, «подсознательнымъ», существующимъ рядомъ съ главнымъ «сознаніемъ» и до извѣстной степени самостоятельно отъ него.

Въ сущности, съ этими фактами вполне однородны всѣ «машинальныя» или «безсознательныя» высказыванія нормальныхъ людей, высказыванія, о которыхъ мы говорили раньше: цѣлесообразныя реакціи глубоко задумавшагося или вообще вполне поглощенного чѣмъ-нибудь однимъ человѣка на постороннія возбужденія, которыхъ онъ не замѣчаетъ. У истеричныхъ субъектовъ эти явленія только сложнѣе и ярче, что находится въ очевидной связи съ обычнымъ суженіемъ поля главнаго сознанія, составляющимъ основную черту истеріи. «Подсознаніе» истеричныхъ, какъ и «второе сознаніе» при періодической смѣнѣ личности, представляетъ изъ себя *отдѣльно организованную* систему переживаній, оставшихся за порогомъ нормальнаго психическаго опыта; въ большинствѣ же случаевъ такой отдѣльной организациі не создается, переживанія внѣ главной системы протекаютъ изолированными группами, причемъ иногда *косвенно* вступаютъ въ связь съ этой системой путемъ высказываній, наблюдаемыхъ другими людьми, или оставляющихъ матеріальные слѣды въ родѣ написаннаго слова, рисунка, сломанной вещи и т. под.

Какъ видимъ, критика психическаго опыта, основываясь на сопоставленіи его съ опытомъ объективнымъ, показываетъ, что область «непосредственныхъ переживаній», связанныхъ съ физиологическимъ процессомъ, гораздо шире области психическаго опыта, которая обнимаетъ лишь одну главную систему такихъ переживаній, не захватывая ни побочныхъ, до извѣстной степени самостоятельно организующихся системъ, ни частныхъ изолированныхъ группъ, ни изолированныхъ отдѣльныхъ переживаній. Соотвѣтственно этому, должно быть расширено понятіе о «непосредственныхъ переживаніяхъ» для рѣшенія вопроса о связи ихъ съ физиологической жизнью.

женію зрительно-галлюцинаторный образъ и т. под. — Эта связь „сознанія“ и „внѣ-сознательныхъ впечатлѣній“ соотвѣтствуетъ, очевидно, *жизненному единству организма*, хотя она и не есть *непосредственная* ассоціативная связь, какая выступаетъ въ полѣ сознанія,

Насколько же именно слѣдуетъ расширить это понятіе? Прежде всего очевидно, что надо принять наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются высказыванія, хотя и оставшія внѣ связи личнаго психическаго опыта. — Но за высказываніями скрываются *жизнеразности*, именно тѣ изъ нихъ, которыя настолько значительны, чтобы въ достаточной мѣрѣ нарушить равновѣсіе двигательныхъ центровъ и вызвать изъ нихъ достаточно сильный потокъ энергіи (въ видѣ иннервациі) по направленію къ периферіи. Между тѣмъ психическій опытъ сообщаетъ намъ о громадной массѣ такихъ переживаній, которыя не выражаются въ высказываніяхъ, потому что связаны съ болѣе слабыми жизнеразностями, неспособными вызвать внѣшнія движенія. Если это такъ, то мы должны принять, что и за предѣлами психическаго опыта «непосредственныя переживанія» существуютъ не только тамъ, гдѣ они выражаются въ замѣтныхъ движеніяхъ, но и тамъ, гдѣ соединенныя съ ними жизнеразности недостаточно для этого значительны. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что *область «непосредственныхъ переживаній» человека, въ сферѣ психическаго опыта и за ея предѣлами, совпадаетъ съ областью жизнеразностей центральнаго нервнаго аппарата.*

Принявши такую точку зрѣнія, мы не можемъ избѣгнуть вопроса, въ какихъ же случаяхъ переживанія входятъ въ сферу психическаго опыта и въ какихъ нѣтъ? Какія жизнеразности имѣютъ ближайшее отношеніе къ психическому опыту и какія нѣтъ? Отвѣтъ можетъ основываться только на анализѣ основныхъ психо-физиологическихъ данныхъ, касающихся этого вопроса.

V.

По своей основной характеристикѣ, психическій опытъ есть система опредѣленныхъ связей, именно ассоціативныхъ. Поэтому переживанія «внѣ опыта» — это тѣ, которыя не попали въ данную систему связей, тѣ, которыя остались изолированными отъ главнаго потока переживаній. Ассоціативная цѣпь воспоминаній, представленій, стремленій, возбуждаемыхъ всякимъ даннымъ переживаніемъ, выражаетъ собою, съ физиологической точки зрѣнія, отраженныя, вторичныя жизнеразности, вызванныя тѣмъ, что первоначальное нарушеніе равновѣсія распространяется по нервному аппарату, порождая въ различныхъ его частяхъ колебанія

различной интенсивности и различной формы. Если жизнеразность изолированно протекает въ нѣкоторыхъ элементахъ нервного аппарата, не вызывая отзвука въ остальныхъ, то соответственное переживаніе также должно оказаться внѣ связи психической жизни, потому что нѣтъ промежуточныхъ (ассоціативныхъ) звеньевъ, которыя вводили бы его въ эту связь. Эти общія соображенія еще болѣе подтверждаются, если разсмотрѣть типичные случаи жизнеразностей, не связанныхъ съ психическимъ опытомъ.

Громадное большинство наиболѣе слабыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на организмъ человѣка, совершенно «не замѣчаются» въ сферѣ сознанія, не порождаютъ доступныхъ психическому опыту ощущеній. И это вполне понятно: очень слабыя жизнеразности не выходятъ изъ предѣловъ ограниченного числа непосредственно затронутыхъ элементовъ, такъ какъ нервные проводники представляютъ извѣстное сопротивление передачѣ энергетическихъ колебаній. Но въ *нѣкоторыхъ* специальныхъ случаяхъ такія же слабыя раздраженія находятъ доступъ въ поле сознанія; и это также физиологически вполне понятно: нервныя клѣтки сами въ себѣ заключаютъ, какъ аккумуляторы, запасъ потенциальной нервной энергіи, для раздраженія которой достаточно иногда и очень слабой жизнеразности, пришедшей извнѣ, а разряженіе это само можетъ составлять уже гораздо болѣе крупную жизнеразность, съ гораздо болѣе широкимъ кругомъ послѣдовательныхъ колебаній въ другихъ частяхъ нервного аппарата.

Какъ извѣстно, человѣкъ дѣлается воспримчивѣе къ определеннымъ слабымъ раздраженіямъ именно тогда, когда его «вниманіе» направлено къ ихъ воспріятію. Съ точки зрѣнія наиболѣе принятыхъ теорій вниманія (вазомоторно-мускульныхъ), актъ вниманія всегда связанъ съ повышеннымъ питаніемъ тѣхъ элементовъ центрального аппарата, которые находятся въ дѣятельномъ состояніи. Вы, положимъ, желаете разсмотрѣть детали отдѣльнаго предмета и внимательно въ него вглядываетесь; это означаетъ, что ваша сосудодвигательная система, путемъ расширенія мелкихъ сосудовъ, питающихъ дѣятельныя участки мозга, направляетъ къ этимъ участкамъ, за счетъ другихъ, наибольшую сумму питанія. Такимъ путемъ въ соответственныхъ оптически-мозговыхъ клѣткахъ быстро накапливается потенциаль-

ная энергія, и онѣ превращаются въ заряженные аппараты, при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ разряжающіеся какъ бы взрывомъ энергіи, вызывающимъ вторичныя колебанія во многихъ пунктахъ центральной системы. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ въ общую координацію психическаго опыта попадаютъ даже сравнительно очень небольшія свѣтотворныя раздраженія, соотвѣтствующія мелкимъ деталямъ воспринимаемой картины. Естественно также и то, что для остальныхъ частей мозга, питаніе которыхъ, наоборотъ, понижено по сравненію съ обычными условіями, энергія которыхъ уменьшена, требуются болѣе значительныя жизнеразности, чтобы вызвать передачу колебанія въ различныхъ направленіяхъ на обширныя области центральной системы; и потому въ сферѣ, напр., тактильныхъ и слуховыхъ, а также незахваченныхъ актомъ вниманія зрительныхъ ощущеній, остаются «незамѣтными» для сознанія такія раздраженія, которыя непременно были бы «замѣчены» если бы не было «отвлечено вниманіе».

Во время глубокаго сна, наркоза, обморока постоянно наблюдается пониженное питаніе мозга—его анемія, слабое кровяное давленіе, медленность тока крови (вслѣдствіе уменьшенной работы сердца). При этомъ, очевидно, въ кортикальныхъ клѣткахъ - аккумуляторахъ напряженіе собственной энергіи очень понижено, и достигающія ихъ возбужденія порождаютъ лишь мелкія жизнеразности, неспособныя широко разлиться въ мозговой корѣ. Кромѣ того, при обыкновенномъ снѣ, наступающемъ послѣ дневнаго утомленія, связи центральнаго аппарата бываютъ, повидимому, нарушены вслѣдствіе другой еще причины: за время бодрствованія въ клѣткахъ и проводникахъ скопляются различные продукты жизненнаго распада дѣятельныхъ тканей, такъ что вслѣдствіе измѣненія химическаго состава возбудимость клѣтокъ и проводимость проводниковъ очень значительно ослабляются. Возникающія жизнеразности такимъ образомъ остаются изолированными—и то же относится къ соотвѣтственнымъ переживаніямъ.

Впрочемъ, во снѣ, благодаря неравномѣрному распредѣленію питанія, а также сравнительно сильнымъ раздраженіямъ и прочимъ случайнымъ комбинаціямъ условій, легко наступающимъ въ такой сложной системѣ, нѣкоторыя жизнеразности оказываются достаточно велики, чтобы вызвать рядъ вторичныхъ ко-

лебаній; тогда получаются сновидѣнія. Распространеніе вторичныхъ колебаній при этомъ можетъ происходить и не по обычнымъ путямъ, а по тѣмъ проводникамъ, которые, такъ сказать, наименѣе засорены продуктами жизнедѣятельности тканей; вѣроятно, въ зависимости отъ этого находится обычная безсвязность сновидѣній, нелѣпныя превращенія, которыя въ нихъ выступаютъ, и т. под. ¹⁾.—При лунатизмѣ же дѣло идетъ, очевидно, о вторичной, особой системѣ физиологическихъ связей, въ нормальномъ состояніи не функционирующей, а выступающей во время сна, когда главная система подавлена дневнымъ утомленіемъ. Психически это должно выражаться во второй, болѣе узкой координаціи, подобной системѣ психического опыта.—Въ несравненно болѣе развитой формѣ является эта вторая система при «раздвоеніи сознанія». Тамъ она достигаетъ такой сложности и приспособленности, что можетъ надолго замѣнять первичную, главную систему въ управленіи жизнедѣятельностью организма, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ шагъ за шагомъ совсѣмъ вытѣсняетъ главную систему, при чемъ послѣдняя атрофируется (какъ это было у больной Azam'a).

Связь явленій гипноза съ необычнымъ состояніемъ питанія мозга несомнѣнна: ослабленный пульсъ, нѣкоторое поблѣднѣніе лица, головная боль въ случаѣ рѣзкаго пробужденія указываютъ на анемическое состояніе мозга при пониженномъ давленіи крови. Поле «сознанія» чрезвычайно сужено, но такъ какъ «сознаніе» сохраняется, то можно предполагать, что питаніе коры понижено не такъ равномѣрно повсюду, какъ, положимъ, при глубокомъ снѣ. Неравномѣрность эта выражается, главнымъ образомъ, въ фактахъ внушенія: при общемъ ослабленіи и дезорганизациі жизни мозга, путемъ повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, напр., высказываній гипнотизирующаго лица,

¹⁾ Вполнѣ аналогичны явленія при наркозѣ—тамъ имѣется, съ одной стороны, отравленіе нервныхъ элементовъ, понижающее ихъ возбудимость и проводимость, съ другой стороны—пониженіе кровяного давленія, а стало быть и питанія. Чѣмъ слабѣе наркотическое средство понижаетъ кровяное давленіе, тѣмъ менѣе постоянно и надежно его снотворное дѣйствіе—не хватаетъ одного существеннаго момента, устраняющаго связность нервно-физиологической жизни. До сихъ поръ не удаются попытки фармакологовъ создать вѣрно-дѣйствующій наркотикъ, который угнеталъ бы систему кровообращенія не въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ нормальному сну.

поддерживается работа *нѣкоторыхъ* элементовъ мозга, и тогда эта работа происходитъ именно въ такой связи, которая обусловливается этими воздѣйствіями, т. е. внушеніями.

Тутъ много неяснаго и неизученнаго, но все указываетъ на возможность «психическихъ» группировокъ внѣ главной системы психического опыта. Экспериментаторамъ удается внушать полное забвеніе того, что пережилъ пациентъ за время гипнотическаго сна, при чемъ изъ сферы психического опыта искусственно вырываются цѣлые сложные ряды переживаній; удается внушить не видѣть или не слышать чего-нибудь въ послѣ-гипнотическомъ состояніи, и это выполняется съ большой точностью, указывающей на то, что организмъ хорошо различаетъ и обособляетъ «невидимые» предметы и «неслышимые» звуки, но соотвѣтственныя воспріятія остаются внѣ связи психическаго опыта и его высказываній; удается внушить сдѣлать что-либо въ опредѣленное время послѣ пробужденія, и въ назначенный моментъ *забытое* внушеніе съ непреодолимой силой вступаетъ въ поле психическаго опыта.—Словомъ, путемъ ¹внушенія достигается до извѣстной степени произвольное обособленіе *нѣкоторыхъ* группъ переживаній отъ общей и главной ихъ системы, и введеніе ихъ вновь въ эту систему при произвольныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, что всему этому соотвѣтствуютъ значительныя измѣненія въ питаніи всего мозга и отдѣльныхъ его частей, колебанія, слѣдовательно, какъ потенциальной энергіи нервныхъ клѣтокъ, такъ и проводимости нервныхъ волоконъ, вообще—условія, измѣняющія систему связей нервнаго аппарата, измѣняющія границы и направленіе передачи въ немъ возникающихъ жизнеразностей. Такимъ образомъ, и здѣсь есть всѣ основанія предполагать, что группировкамъ переживаній соотвѣтствуютъ группировки жизнеразностей и наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ, нервный аппаратъ представляетъ одно жизненное цѣлое, и потому врядъ ли въ немъ возможны *безусловно* обособленныя группировки связей, такъ что врядъ ли возможны и безусловно отдѣльныя группировки переживаній. Тѣ комбинаціи переживаній, которыя не входятъ въ главную ихъ систему, состоятъ изъ частей, которыя сами входятъ въ эту систему, только въ иныхъ сочетаніяхъ. Если бы это было не такъ, намъ не были бы понятны высказыванья, связанныя съ такими «внѣ-сознательными» группами переживаній. Когда, напр., лу-

натикъ совершаетъ разныя дѣйствія, довольно обычныя для него и на-яву, то совершенно ясно, что за этими дѣйствіями скрываются цѣлыя довольно сложныя ассоціаціи переживаній, которыя при иныхъ соотношеніяхъ фигурируютъ и въ главномъ полѣ психическаго опыта, въ «полѣ сознанія». Въ другихъ случаяхъ—при мелкихъ «безсознательныхъ» реакціяхъ, напр. человѣка сильно задумавшагося, дѣло идетъ о болѣе узкихъ группахъ переживаній и о сравнительно простыхъ психическихъ комбинаціяхъ, которыя при иныхъ условіяхъ выступаютъ цѣликомъ въ «полѣ сознанія». И наконецъ даже тѣ внѣ-опытныя переживанія, которыя наиболѣе несложны и слабы, такъ что вовсе не выражаются внѣшнимъ образомъ,—даже они, соотвѣтствуя жизнеразностямъ различныхъ частныхъ органовъ и клѣтокъ нервнаго аппарата, слагаются во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ же *элементовъ*, изъ какихъ и всѣ переживанія психическаго опыта.

Здѣсь мы пришли, въ сущности, къ тавтологическому положенію. Какъ выяснено новѣйшей позитивной философіей, элементы психическаго опыта тождественны съ элементами всякаго опыта вообще, такъ какъ тождественны съ элементами опыта физическаго. Элементы опыта—цвѣтовые, иннервационные, тактильные, акустическіе и проч.—элементы краснаго и зеленаго, элементы протяженія, элементы твердаго и мягкаго, теплаго и холоднаго, элементарные тоны и т. д., одинаково образуютъ и «тѣла» объективнаго, физическаго міра, и воспріятія, образы, представленія—міра психическаго. Разница только въ типѣ группировки, въ характерѣ связи, которая является въ одномъ случаѣ—связью объективной закономерности, въ другомъ—связью ассоціацій. Такимъ образомъ, вообще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы «внѣ-психическія» переживанія, соотвѣтствующія изолированнымъ нервнымъ процессамъ человѣческаго организма, по элементарному составу отличались отъ тѣхъ, которыя входятъ въ систему психическаго опыта. Надо только прибавить, что и типъ группировки элементовъ въ тѣхъ и другихъ переживаніяхъ одинаковый, именно, ассоціативный, какъ съ несомнѣнностью можно заключить изъ соотвѣтствующихъ тѣмъ и другимъ высказываній.

Вполнѣ очевидно, что съ нашей точки зрѣнія теряетъ всякое принципиальное значеніе различіе между «центрами сознанія» и «центрами безсознательныхъ реакцій». Если какія-нибудь жизне-

разности въ своемъ распространеніи не выходятъ за предѣлы спинного мозга, или отдѣльнаго нервнаго узла, напр., симпатической системы, то соотвѣтственныя переживанія останутся «внѣ-сознательными» именно въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ *не къ той* координаціи переживаній, которая образуетъ нашъ «психическій опытъ». И такъ какъ жизнеразности центральнаго аппарата слагаются изъ жизнеразностей отдѣльныхъ клѣтокъ, то съ полнымъ основаніемъ можно принять, что всюду, гдѣ имѣется нервная клѣтка и гдѣ возникаетъ въ ней жизнеразность, существуетъ также нѣчто вполне аналогичное нашимъ «непосредственнымъ переживаніямъ», хотя бы очень простое и слабое по сравненію съ обычнымъ содержаніемъ поля нашего сознанія.

Но этого мало. Нервная клѣтка, въ процессѣ индивидуальной эволюціи, есть результатъ развитія и дифференціаціи клѣтки эмбриональной, а весь психо-физическій организмъ въ біологическомъ процессѣ—результатъ эволюціи самостоятельной клѣтки типа protozoa. Развитие не можетъ создавать ничего новаго *по существу*, а только новыя и болѣе сложныя комбинаціи того, что *въ видѣ элементовъ* имѣлось и раньше. Поэтому всюду, гдѣ есть живая клѣтка, мы должны—если признаемъ законъ единообразія природы—принимать нѣчто принципиально-однородное съ нашими психическими переживаніями. Нѣтъ жизни безъ переживаній, нѣтъ «чисто физиологической жизни». Такъ устраняется тотъ невозможный, головокружительный скачокъ, который создаютъ мыслители типа Du-Bois-Reymond'a въ образѣ «перваго ощущенія», возникающаго въ лѣстницѣ біологическаго прогресса.

Но не является ли зато неизбѣжнымъ такой скачокъ тамъ, гдѣ *жизнь* возникаетъ изъ неорганическихъ процессовъ? Конечно, нѣтъ. Для насъ не существуетъ иной природы, кромѣ той, которая состоитъ изъ *элементовъ*, и эти элементы, при всемъ ихъ разнообразіи, одни и тѣ же въ опытѣ физическомъ и психическомъ, а тѣмъ болѣе въ природѣ неорганической и органической. Жизнь есть опредѣленная *организация* этихъ элементовъ, а неорганический міръ есть иная ихъ комбинація, не обладающая никакой, или только низшей организованностью. Только наша способность отвлеченія дѣлаетъ неорганическую природу «безжизненной», что совершенно не соотвѣтствуетъ всему смыс-

лу нашего опыта, такъ какъ эта же неорганическая природа есть необходимая часть *нашей собственной жизни*. Непрерывное превращеніе въ живыхъ организмахъ неорганическаго матеріала въ составную часть самихъ этихъ организмовъ, возможность постояннаго обновленія жизни изъ безжизненнаго съ очевидностью говорить намъ, что здѣсь дѣло идетъ только о различіяхъ комбинаціи, объ измѣняющихся отношеніяхъ, но не о тѣхъ абсолютныхъ различіяхъ, которыя такъ дороги метафизикамъ. Матеріаль сознанія, жизни, всей природы всюду одинъ; группировки его различны. Развѣтіе жизни всегда означаетъ одно и то же: это *возбстаніе организованности* въ группировкѣ элементовъ.

Не пришли ли мы тутъ къ панпсихизму, къ представленію всей природы по типу человѣческаго сознанія? Всего меньше. Природа не есть нѣчто «психическое», это станетъ ясно, если хорошо понять, что именно называется «психическимъ». Психическое вовсе не «субстанція», а только *отношеніе*. Это опредѣленная *связь* явленій, опредѣленная *закономѣрность* опыта. Когда «элементы» опыта выступаютъ для насъ въ объективной, общезначимой закономірности, мы называемъ комплексы этихъ элементовъ «физическими тѣлами», когда закономірность иная, не объективная, необщезначимая (именно, ассоціативная), мы называемъ комплексы «психическими». *Элементы* не имѣютъ ни физическаго, ни психическаго характера; они *внѣ* этихъ опредѣленій. Панпсихизмъ, для котораго вся природа слагается изъ психическихъ комплексовъ, который «объясняетъ» физическое черезъ психическое, выражаетъ, слѣдовательно, тенденцію свести объективную закономірность явленій къ субъективной связи; это стремленіе въ высшей степени анти-научное. Идеаль науки діаметрально противоположенъ этому: сведеніе всякой объективной связи къ объективной закономірности. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ былъ всегда несравненно ближе къ прогрессивнымъ тенденціямъ науки; но онъ шелъ недостаточно далеко въ анализъ дѣйствительности, и вмѣсто прямыхъ элементовъ опыта—физическаго и психическаго—подставлялъ сложные комплексы, называемые «матеріей». Разсматривая же эти комплексы исключительно съ точки зрѣнія объективной закономірности, онъ былъ вѣренъ духу научнаго познанія, и потому представлялъ ближайшую ступень къ научному міровоззрѣнію. Онъ былъ бо-

лѣе объективенъ и позитивенъ, чѣмъ спиритуалистическія направленія, но еще недостаточно объективенъ и позитивенъ. Истина и здѣсь, какъ бываетъ обыкновенно, была не въ «золотой серединѣ» между сталкивающимися направленіями, а внѣ ихъ обоихъ. Прогрессивное мышленіе нашего времени къ борьбѣ матеріализма и спиритуализма относится приблизительно такъ же, какъ къ происходившей нѣкогда борьбѣ протестантизма и католицизма: считая одно изъ двухъ направленій «болѣе истиннымъ», оно и имъ, однако, не можетъ удовлетворяться.

Возвращаемая къ нашей главной темѣ. На основаніи всего изложеннаго мы принимаемъ наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются жизнеразности органическихъ процессовъ. Связь переживаній съ жизнеразностями мы признаемъ постоянной, однообразной. Теперь постараемся точнѣе опредѣлить характеръ этой связи.

А. Богдановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Очерки философіи естествознанія.

Законы природы и законы общества.

Вездѣ есть свои традиціи, свои предубѣжденія, и нельзя утверждать, чтобы область научныхъ проблемъ была отъ нихъ вполне свободна. Но, кажется, нигдѣ и среди научныхъ вопросовъ эти традиціи не стоятъ такой высокой стѣной, какъ въ томъ вопросѣ, который поставленъ въ заголовкѣ этой статьи, вопросѣ объ отношеніи законовъ жизни общества къ законамъ остальной природы, и въ особенности той части ея, которую принято называть мертвой. Кромѣ того, что нашъ вопросъ соприкоснется съ другимъ крупнымъ философскимъ вопросомъ: объ отношеніи вообще между живымъ и мертвымъ, за нимъ установился еще традиціонный постулатъ необыкновенной сложности того явленія, которое мы называемъ обществомъ и которое многіе хотятъ разсматривать, какъ завершеніе, какъ бы надстройку надъ сложнымъ и безъ того явленіемъ: жизнью индивидуума.

Мы позволимъ себѣ, однако, усомниться въ этомъ, и этимъ небольшимъ очеркомъ сдѣлать попытку, если не дать окончательнаго рѣшенія вопроса объ общихъ законахъ общественной жизни людей, то все же указать, гдѣ слѣдуетъ искать таковыхъ и съ какой группой явленій мертвой природы законы общества могутъ быть сближены.

Въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ, что среди явленій мертвой природы нѣтъ произвола; здѣсь всевластно господствуютъ незыблемыя соотношенія между явленіями, — соотношенія, называемыя нами законами. Въ неизмѣнности этихъ соотношеній мы склонны видѣть даже характерный признакъ, отличающій мертвое отъ живого.

Правда, много разъ дѣлались и теперь часто дѣлаются попытки доказать, что дѣятельность живого организма, или жизнь собранія таковыхъ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ подчинены такимъ же неизбѣжнымъ и строгимъ законамъ, каковымъ подчинены явленія мертвой природы; но эти попытки всегда наталкиваются на непреодолимую преграду индивидуальнаго сознанія каждаго неограниченной свободы, если не своихъ поступковъ, то своихъ хотѣній, или точнѣе, сознанія произвола въ выборѣ между «хочу» и «не хочу».

Но если это такъ, если въ жизни организмовъ, кромѣ общихъ факторовъ, которымъ они подчинены, какъ и всякія другія тѣла природы, участвуетъ нѣкоторый, хотя бы ничтожный плюсъ, величина и направленіе котораго совершенно неопредѣленны, то можно ли говорить о какихъ-либо законахъ какъ индивидуальной, такъ тѣмъ болѣе и общественной жизни ихъ?

Между тѣмъ правильности въ общественной жизни человѣка несомнѣнно существуютъ. Это показала статистика. Какъ же быть? Какъ помирить существованіе этихъ правильностей съ сознаніемъ личной свободы человѣка, съ принятіемъ того, что на философскомъ языкѣ носить названіе свободы воли? Но можетъ быть свободы воли и не существуетъ вовсе?

Въ этомъ краткомъ очеркѣ мы не имѣемъ, конечно, возможности входить въ разборъ, хотя бы и самый общій, этого сложнаго вопроса. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ просто принимать такую свободу за исходный пунктъ разсужденій, если угодно за основную гипотезу. Мы позволимъ себѣ теперь же указать на причину такого принятія. Дѣло въ томъ, что признаніе за каждымъ индивидуумомъ общества полной свободы выбора не только не устраняетъ, какъ это принято думать, проблемы разысканія точныхъ (математическихъ) законовъ общественной жизни, но, наоборотъ, страшно упрощаетъ ее, чтобы не сказать, дѣлаетъ рѣшеніе ея единственно возможнымъ.

Это и понятно: если въ извѣстной игрѣ въ орлянку мы беремъ утверждать, что число рѣшетокъ при большомъ числѣ метаній будетъ равно $\frac{1}{2}$ общаго числа метаній, то мы можемъ вывести этимъ «законъ» только при предположеніи, что наша монета совершенно равно относится какъ къ паденію орломъ, такъ и паденію рѣшеткой, что она, такъ сказать, совершенно свободна въ выборѣ того и другаго вскрытія.

Однако не будемъ забѣгать впередъ и прослѣдимъ детально, какимъ образомъ, исходя изъ признанія свободы воли, или лучше свободы выбора, можно придти къ признанію и даже наличію нѣкоторыхъ изъ закономерностей, управляющихъ общественными явленіями.

Для этой цѣли мы выберемъ слѣдующій путь. Поищемъ среди явленій мертвой природы такихъ, которыя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приближались къ явленіямъ, связаннымъ со свободнымъ выборомъ живого организма, напр. человѣка, и посмотримъ насколько первыя, по мѣрѣ своего приближенія ко вторымъ, утрачиваютъ характеръ своей закономерности и утрачиваютъ ли?

Представимъ себѣ человѣка, который имѣетъ обыкновеніе выходить изъ дому, положимъ ради прогулки. Онъ совершенно свободенъ въ своихъ желаніяхъ, обуславливающихъ выборъ того пути, по которому онъ направится; онъ можетъ пойти направо-налѣво, прямо и вообще подъ всякимъ угломъ къ нѣкоторой произвольно взятой прямой, напримѣръ фасаду дома, въ которомъ онъ живетъ. Затѣмъ, онъ можетъ совершать свой путь въ разныхъ случаяхъ съ разными скоростями.

Предположимъ, что мы наблюдали и записали за нѣкоторый достаточно долгій промежутокъ времени всѣ начальныя направленія его прогулокъ, выразивъ ихъ углами пути съ фасадомъ его дома, и затѣмъ всѣ начальныя скорости ихъ. Мы получимъ тогда, очевидно, рядъ всевозможныхъ угловъ отъ 0 до 180° и рядъ всевозможныхъ скоростей, въ числѣ которыхъ, однако, не будетъ ни очень малыхъ, ни очень большихъ.

Представимъ себѣ теперь, что нѣкоторая весьма малая частица вещества, обладающая совершенной упругостью, пушена съ нѣкоторой опредѣленной скоростью въ закрытый со всѣхъ сторонъ ящикъ, стѣнки котораго также совершенно упруги. Наша частица, долетѣвъ до одной изъ стѣнокъ, отразится отъ нея подъ нѣкоторымъ угломъ, но съ прежней скоростью, ударится затѣмъ объ другую стѣнку, вновь отразится и т. д. Если мы рассмотримъ ея движенія за нѣкоторый весьма большой промежутокъ времени и выразимъ рядъ направленій ея движеній тѣми углами, которые они составляютъ, напр., съ одной изъ стѣнокъ ящика, то, очевидно, мы получимъ рядъ всевозможныхъ угловъ отъ 0 до 180° . Въ этомъ отношеніи комплексъ движеній нашей частицы, движеній,

подчиненныхъ самой строгой изъ физическихъ закономерностей, не будетъ существенно отличаться отъ нѣкотораго комплекса движеній человѣка въ приведенномъ выше примѣрѣ. Если бы движенія нашей частицы за этотъ промежутокъ времени наблюдало нѣкоторое существо, незнакомое съ законами удара, то оно безспорно сказало бы, что наша частица *свободна* въ выборѣ своихъ направленій и подчинена ограниченію только въ сохраненіи скорости своего движенія.

Но представимъ себѣ далѣе, что въ нашъ ящикъ пущена не одна, а двѣ, или нѣсколько подобныхъ частицъ, и со скоростями, напередъ различными. Наши частицы будутъ при этомъ не только сталкиваться со стѣнками ящика и, отражаясь отъ нихъ, мѣнять постоянно свои направленія, но онѣ будутъ также и ударяться другъ о друга, и эти послѣднія столкновенія будутъ не всегда центральными, благодаря чему скорости ударяющихся частицъ будутъ мѣняться весьма различнымъ образомъ. Наши частицы теперь въ общей картинѣ своихъ движеній уже окончательно не будутъ отличаться отъ тѣхъ движеній, которыя совершаетъ свободный человѣкъ за достаточно долгій промежутокъ времени, или, лучше, группа свободно двигающихся людей. Наши частицы, очевидно, могутъ послужить намъ моделью маленькаго общества, и эта модель будетъ тѣмъ ближе къ своему первообразу, чѣмъ большее число частицъ мы возьмемъ, чѣмъ быстрѣе онѣ будутъ двигаться и чѣмъ за большій промежутокъ времени мы возьмемъ наблюденія за ихъ движеніями.

Чтобы не оставаться исключительно на теоретической почвѣ, укажемъ здѣсь нѣсколько пожалуй грубыхъ опытовъ, съ помощью которыхъ можетъ быть наглядно показано разнообразіе подобныхъ чисто физическихъ движеній. Если бросить кусочекъ натрія въ достаточно просторную колбу, содержащую небольшое количество спирта, то натрій растворяясь начнетъ двигаться по поверхности жидкости, ударяться о стѣнки колбы, отскакивать, вновь ударяться и т. д.; при этомъ, благодаря неравномерности растворенія, кусочекъ будетъ обнаруживать и весьма разнообразныя вращательныя движенія. Всѣ эти вращенія, столкновенія и отраженія отъ стѣнокъ часто происходятъ такъ быстро, что общая картина ихъ невольно напрашивается на сравненіе съ маленькимъ существомъ, бѣгающимъ по поверхности воды въ погонѣ за добычей.

Еще болѣе «оживленную» картину представляет собою процесс растворенія въ водѣ т. наз. растворимаго крахмала, особенно когда онъ не вполне просушенъ отъ спирта, которымъ его промываютъ при приготовленіи ¹⁾. Благодаря тому, что въ этомъ случаѣ имѣется собственно два процесса растворенія: спирта, пропитывающаго кусочки крахмала, и самаго крахмала, быстрота которыхъ разная, движенія и толчки, испытываемые каждымъ кусочкомъ, чрезвычайно разнообразны. Шепотка такого крахмала, брошенная на поверхность воды, являетъ великолѣпную картину группы маленькихъ животныхъ, выпущенныхъ на свободу и въ беспорядкѣ разбѣгающихся въ разныя стороны.

Итакъ, среди явленій мертвой природы можно найти такія, которыя по сложности своей, зависящей отъ большого числа составляющихъ ихъ элементарныхъ процессовъ, могутъ быть поставлены въ рядъ съ явленіями живой природы, могутъ служить моделями послѣдней. На этихъ послѣднихъ мы позволимъ себѣ сдѣлать попытку разрѣшенія вопроса, возможно ли для такихъ сложныхъ системъ, которыя мы будемъ въ дальнѣйшемъ называть коллективными, существованіе какихъ-либо общихъ правильностей, иначе законовъ, управляющихъ какъ отношеніями ихъ другъ къ другу, такъ и процессами, внутри ихъ происходящими.

Вычисленіе и опытъ согласно показываютъ, что для подобныхъ системъ не только возможенъ цѣлый рядъ простыхъ закономерностей, но что подобныя «свободныя» системы даютъ наибольшее число такихъ правильностей въ сравненіи съ другими несвободными системами.

Какъ извѣстно, наша модель: собраніе большого числа свободно двигающихся упругихъ частицъ, реализуется природой въ газовомъ состояніи вещества. Это же послѣднее, въ сравненіи съ другими состояніями, жидкимъ и твердымъ, являетъ, какъ извѣстно, наибольшее число простыхъ закономерностей, каковы законы: Бойля, Гей - Люссака, Авогадро и другихъ. Но этими, такъ сказать, внѣшними законами, выражающими отношенія газовъ къ внѣшнимъ факторамъ или другъ къ другу, не исчерпывается рядъ закономерностей, наблюдаемыхъ въ газовомъ состояніи.

¹⁾ Описаніе способа приготовленія растворимаго крахмала можно найти у Клемонса Винклера: Руководство къ объемному анализу.

Два газа, способные химически дѣйствовать другъ на друга, напр., соединяться съ образованіемъ третьяго газа, будучи смѣшаны, начнутъ реагировать, и количество каждаго изъ нихъ будетъ съ теченіемъ времени уменьшаться. Вспоминая нашу модель изъ двигающихся упругихъ частицъ, представляющую на этотъ разъ вполне точную картину газоваго состоянія, вспоминая все то разнообразіе движеній, скоростей и столкновеній между частицами, мы могли бы ожидать, что процессъ соединенія нашихъ газовъ въ смыслѣ зависимости количествъ ихъ, вступающихъ въ реакцію, отъ времени, будетъ идти въ высшей степени неправильно.

Это ожиданіе не оправдывается однако дѣйствительностью; процессъ соединенія нашихъ газовъ будетъ протекать строго законѣрно и именно такъ, что количество образующагося газопродукта во всякій моментъ времени будетъ прямо пропорціонально произведенію крѣпостей или концентрацій реагирующихъ газовъ.

Этимъ простымъ закономъ не исчерпывается однако рядъ законѣрностей, относящихся къ внутреннимъ измѣненіямъ газоваго состоянія.

Процессъ образованія газовъ и паровъ изъ жидкостей (процессъ испаренія) являетъ слѣдующую простую законѣрность, открытую еще Дальтономъ: количество жидкости, испаряющейся въ единицу времени, въ данное ограниченное пространство, при прочихъ равныхъ условіяхъ, во всякій моментъ времени прямо пропорціонально поверхности испаренія и разности упругости пара въ данный моментъ до той упругости, которая соотвѣтствуетъ состоянію насышенія имъ пространства при той же температурѣ.

Таковы для примѣра два закона, относящіеся до процессовъ въ газовой средѣ.

Прибавимъ къ нимъ для полноты нашей картины еще и законъ равновѣсія нѣсколькихъ процессовъ въ той же средѣ.

Извѣстны случаи, когда взаимодѣйствіе двухъ или большаго числа газовъ не доходитъ до конца. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что продукты такого взаимодѣйствія реагируютъ другъ съ другомъ обратно съ образованіями начальныхъ газовъ. Между прямой и обратной реакціями установится равновѣсіе, которое наступитъ очевидно тогда, когда скорость первой слѣдается равной скорости второй. Нетрудно вывести, и опытъ

оправдываетъ этотъ выводъ, что закономъ или уравненіемъ такого равновѣсія будетъ слѣдующее положеніе: отношеніе произведенія изъ концентрацій всѣхъ газовъ первой т.-е. прямой реакціи къ произведенію концентрацій всѣхъ газовъ, участвующихъ во-второй, обратной реакціи, есть величина постоянная. Эта послѣдняя находится въ зависимости отъ температуры равновѣсія и количества тепла выдѣляемаго реакціей.

Итакъ, газообразное состояніе, несмотря на сложность своего строенія, подчинено такому значительному количеству правильностей, что въ физикѣ и химіи установилось даже правило, по которому при разыскиваніи какихъ-либо закономерностей, относящихся къ другимъ состояніямъ вещества, стараются установить ближайшее отношеніе, или хотя бы аналогію, между этими состояніями и газообразно-парообразнымъ состояніемъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить блестящая и столь богатая послѣдствіями аналогія растворовъ и газовъ, давшая такой сильный толчокъ теоретической химіи за послѣдніе годы.

Итакъ, изученіе нашей модели приводитъ насъ къ заключенію, что вообще многообразіе въ движеніяхъ «особей», ее составляющихъ, не лишаетъ ея закономерностей въ области тѣхъ процессовъ, которые въ ней могутъ происходить. Даже болѣе того, закономерности эти, какъ показываетъ теорія, должны прилагаться къ ней съ тѣмъ болѣею строгостью, чѣмъ менѣе зависимыми являются тѣ «особи», изъ которыхъ она составлена, т.-е. чѣмъ болѣе эти послѣднія являются «свободными».

Здѣсь невольно мысль стремится къ продолженію, и само собой напрашивается предположеніе, не есть ли наша модель немножко болѣе, чѣмъ простое качественное уподобленіе одного явленія другому? Не можетъ ли она дать намъ немножко болѣе, чѣмъ простое утвержденіе возможности существованія для коллективно-общественныхъ явленій такихъ же математическихъ законовъ, какіе наблюдаются для коллективно-частичныхъ явленій? Не позволить ли она намъ вывести и эти самые законы, хотя бы для нѣкоторыхъ простѣйшихъ случаевъ? т.-е. не будутъ ли нѣкоторые изъ законовъ коллективно-частичныхъ явленій вмѣстѣ съ тѣмъ и законами общественныхъ явленій?

Выше мы разсматривали одинъ изъ процессовъ въ коллективно-частичныхъ системахъ, процессъ парообразованія или испаренія; этому процессу является полнымъ аналогомъ другой процессъ въ

группѣ тѣхъ же коллективно-частичныхъ системъ, процессъ растворенія. Разсмотримъ послѣдній немного ближе. Въ чемъ состоитъ раствореніе? Существенной частью этого процесса являются слѣдующія обстоятельства: дана нѣкоторая постоянная по объему среда, состоящая изъ извѣстнаго, постоянного числа частицъ растворителя, напр. воды; съ этой средой находится въ соприкосновеніи нѣкоторое тѣло, твердое или жидкое, оно имѣется въ значительно большемъ количествѣ (избыткѣ), чѣмъ его нужно для насыщенія раствора (мы будемъ имѣть здѣсь въ виду только такія тѣла, которыя растворяются въ нашей средѣ только до опредѣленнаго предѣла, называемаго насыщеніемъ); пусть далѣе поверхность соприкосновенія его съ растворителемъ не мѣняется замѣтно съ процессомъ растворенія.

Нашъ процессъ растворенія, выполнѣ аналогично процессу испаренія въ замкнутое пространство, не будетъ идти безъ конца, онъ будетъ ограниченъ тѣмъ предѣломъ, который наступитъ, когда нашъ растворитель будетъ выполнѣ насыщенъ нашимъ тѣломъ. Скорость процесса растворенія выражается такой же точно зависимостью отъ концентрации растворяющагося уже тѣла, какою выражается скорость испаренія въ зависимости отъ концентрации или, что ей пропорціонально, упругости уже образовавшагося пара; т.-е. скорость растворенія во всякій моментъ времени прямо пропорціональна разности концентрации растворяющагося уже тѣла, до той максимальной концентрации, которую оно будетъ имѣть въ состояніи насыщенія. Если среда растворитель велика въ сравненіи съ количествомъ растворяющагося тѣла, даже при наибольшихъ величинахъ его, т.-е. если изучается процессъ растворенія мало растворимаго тѣла, то измѣненіемъ объема, зависящимъ отъ вхожденія тѣла въ растворитель, можно пренебречь и въ предыдущемъ выраженіи скорости растворенія вмѣсто словъ концентрации вездѣ поставить просто количества растворяющагося тѣла.

Называя черезъ c —концентрацію раствора, соотвѣтствующую данному моменту процесса растворенія, черезъ a —концентрацію, соотвѣтствующую состоянію насыщенія, нашъ законъ растворенія въ символахъ дифференціального счисленія представится какъ:

$$\frac{dc}{dt} = k(a-c)$$

гдѣ $\frac{dc}{dt}$ есть скорость процесса растворенія, или очень малое измѣненіе концентраціи раствора dc за такой малый промежутокъ времени dt , въ теченіе котораго скорость процесса можно считать какъ бы неизмѣнной; k постоянный факторъ пропорціональности. Интегрированіе этого уравненія приводитъ къ слѣдующему выраженію для измѣненія концентраціи за нѣкоторый промежутокъ времени $t-t_0$

$$\frac{\lg(a-c_0) - \lg(a-c)}{t-t_0} = k \dots \dots \dots (1)$$

или, если мы начнемъ счетъ времени ($t_0=0$) съ того момента, когда $c_0=0$, т.-е. съ самаго начала процесса растворенія, то

$$\frac{\lg a - \lg(a-c)}{t} = k \dots \dots \dots (2)$$

Примѣромъ, объясняющимъ и подтверждающимъ этотъ законъ растворенія можетъ служить слѣдующій рядъ измѣреній, сдѣланныхъ Брунеромъ и Толочко (Краковъ) надъ скоростью растворенія гипса.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ t обозначаетъ время (въ часахъ), протекшее съ момента погруженія гипсовой пластинки (21,40 кв. сант.) въ воду (1000 куб. сант.); c содержаніе гипса въ 20 куб. сант. раствора $a=0,0530$ гр. на 20 куб. сант. раствора.

t	c	k
0,50	0,0051	0,00410
1,00	0,0100	0,00424
1,50	0,0141	0,00418
2,00	0,0130	0,00451
3,50	0,0289	0,00438
4,50	0,0333	0,00449
5,50	0,0365	0,00431
7,00	0,0406	0,00421

Какъ показываетъ эта таблица величина k , вычисленная по формулѣ (2), дѣйствительно остается во все время растворенія достаточно постоянной.

Будемъ же теперь проводить нашу аналогію. Пусть наша среда, растворитель, есть небольшое общество, состоящее изъ извѣстнаго числа людей; пусть объемъ этой среды постояненъ, т.-е. наше общество является болѣе или менѣе замкнутымъ, не измѣняющимся быстро въ числѣ своихъ членовъ. Съ этимъ растворителемъ—обществомъ находится въ соприкосновеніи «нѣчто», что способно усваиваться этимъ обществомъ, входитъ въ него, образовать съ нимъ нѣкоторое цѣлое.

Что это можетъ быть? Это могутъ быть люди, какая-нибудь новая народность, перемѣшивающаяся съ данной, это могутъ быть новыя идеи, входящія въ данное общество, но чаще всего это бываетъ какой-нибудь предметъ, нѣкоторый новый товаръ, только что изготовленный, недавно изобрѣтенный, или просто только что ввезенный въ данное общество, товаръ, который выгоденъ, удобенъ, или вообще нуженъ людямъ и который данное общество будутъ покупать, т.-е. какъ бы растворять въ себѣ. Если нашъ товаръ таковъ, что онъ не расходуется тотчасъ же, (или очень быстро) по его приобрѣтенію, то очевидно нашъ процессъ общественнаго растворенія не будетъ идти безъ конца. Онъ остановится, товаръ перестанетъ продаваться, когда всѣ члены нашего общества, которымъ данный товаръ былъ нуженъ, приобрѣтутъ его въ потребномъ для себя количествѣ. Въ этотъ моментъ наше общество будетъ насыщено этимъ товаромъ.

Предположимъ далѣе, что товаръ нашъ продается только въ одномъ мѣстѣ, и съ ходомъ продажи число мѣстъ продажи (такъ сказать своего рода поверхность соприкосновенія товара съ обществомъ) не увеличивается и не уменьшается. Мы допустимъ далѣе, что наше общество своевременно и довольно быстро было освѣдомлено о полученіи и свойствахъ этого новаго товара, такъ что можно считать, что потребность къ его приобрѣтенію во всякій моментъ болѣе или менѣе равномерно распределена на все данное общество.

Всѣмъ этимъ условіямъ съ достаточнымъ приближеніемъ можетъ удовлетворить слѣдующій случай. Въ нѣкоторой, по условіямъ жизни болѣе или менѣе замкнутой группѣ людей, напр. на фабрикѣ, въ полку и т. д., существуетъ потребительская лавка. Лавка эта приобрѣла болѣе или менѣе выгодный или модный товаръ. Потребители объ этомъ повѣщены или особымъ цирку-

ляромъ или просто, благодаря ихъ взаимной близости, быстро узнали о немъ другъ отъ друга. Интересующій насъ товаръ принадлежитъ къ разряду такихъ предметовъ, которые не уничтожаются тотчасъ же по ихъ приобрѣтеніи. Попробуемъ выразить уравненіемъ процессъ вхожденія этого товара въ общество.

Назовемъ черезъ c количество товара, проданнаго къ данному моменту торговли, черезъ a то количество его, на которомъ продажа пошла настолько медленно, что ее можно уже считать остановившейся. Сообразно нашей аналогіи должно имѣть мѣсто слѣдующее уравненіе продажи:

$$\frac{dc}{dt} = k(a - c)$$

что по интегрированіи приводитъ къ тѣмъ же двумъ уравненіямъ (1) и (2), которыя указаны выше.

Провѣркой сказанному можетъ служить слѣдующая таблица, данныя которой заимствованы изъ дѣйствительнаго случая продажи, имѣвшаго мѣсто въ одной изъ потребительскихъ полковыхъ лавокъ (т. наз. солдатской чайной) ¹⁾. Въ первой колоннѣ этой таблицы, подъ t стоитъ время въ суткахъ, начиная съ момента продажи, во второй колоннѣ, подъ c стоитъ число штукъ этого товара (особый сортъ мыла), проданнаго къ данному дню, считая съ самаго начала продажи, въ третьей колоннѣ, подъ k стоитъ постоянная величина, вычисленная по формулѣ (2). За предѣлъ a взято число 251, количество штукъ этого товара, проданныхъ за 21 день; къ этому дню, какъ показываютъ записи, продажа этого товара пошла уже настолько медленно, что ее можно считать остановившейся. Ниже мы вернемся еще къ этой величинѣ.

$a=251$

t	c	k
1	23	0,0417
2	40	0,0377
3	67	0,0449

¹⁾ Сообщеніемъ числовыхъ данныхъ приведеннаго случая продажи я обязанъ любезности А. Юргенсъ, бывшаго завѣдующаго солдатской чайной 4-го гренад. несвижск. полка.

t	c	k
4	87	0,0462
5	106	0,0476
6	114	0,0438
7	131	0,0452
8	138	0,0433
9	150	0,0373
10	162	0,0450
11	169	0,0442
12	175	0,0432
13	188	0,0467

сред. 0,0433.

Эта таблица съ достаточною убѣдительною показыва-
етъ, что наше уравненіе продажи довольно близко изобража-
етъ собою дѣйствительность. Постоянство величины k является
въ данномъ случаѣ нисколько не меньшимъ, чѣмъ постоянство
подобной же величины въ приведенномъ выше примѣрѣ раство-
ренія. А если обратить вниманіе на то, что послѣдняя величи-
на получается при соблюденіи особыхъ предосторожностей со
стороны быстроты перемѣшиванія, постоянства температуры и
другихъ условій опыта, то постоянство k для процесса продажи,
тянувшейся 2 недѣли, когда самыя величины надобности и при-
годности товара могли измѣниться,—является просто удиви-
тельнымъ.

Наше уравненіе (2) допускаетъ и еще одно интересное испы-
таніе. Имѣя четыре частныя значенія c напр. $c_0=0$, c_1 , c_2 и c_3 ,
которыя выбраны такимъ образомъ, что $t_3-t_2=t_1-t_0$, мы имѣ-
емъ изъ уравненія (1)

$$\frac{\lg(a-c_0)-\lg(a-c_1)}{t_1-t_0} = k = \frac{\lg(a-c_1)-\lg(a-c_3)}{t_3-t_2},$$

изъ котораго слѣдуетъ, что

$$\frac{a}{a-c_1} = \frac{a-c_2}{a-c_3}$$

Изъ послѣдняго по даннымъ c_1 , c_2 и c_3 легко вычислить величину a . Такимъ образомъ предѣлъ распродажи можетъ быть вычисленъ напередъ, имѣя статистику продажи за нѣкоторые три начальныхъ періода торговли. Мы доходили такимъ образомъ до предсказаній и притомъ количественныхъ, въ явленіяхъ общественной жизни. Подобныя вычисления, сдѣланныя для нашего случая, дають:

$c_0=0$	$c_1=40$	$c_2=131$	$c_3=150$	$t_1-t_0=t_3-t_2=2$	$a=260$
$c_0=0$	$c_1=40$	$c_2=87$	$c_3=114$	» » »	$a=206$
$c_0=0$	$c_1=67$	$c_2=106$	$c_3=138$	$t_0-t_0=t_3-t_2=3$	$a=212$
<hr style="width: 100%;"/>					ср. $a=226$

нетрудно убѣдиться, что это число въ общемъ недалеко отъ дѣйствительнаго=251.

Итакъ, нашу аналогію между процессомъ образованія химической или частичной системы (растворъ) и процессомъ образованія общественной системы можно считать оправданной. Законъ образованія по той и другой одинаковъ. Это обстоятельство даетъ намъ право надѣяться, что и многія другія явленія и законы частично-химическихъ системъ найдутъ себѣ аналоговъ въ системахъ социальныхъ, что законы тѣхъ и другихъ вѣроятно сольются со временемъ въ одномъ общемъ отдѣлѣ знанія, который можно будетъ назвать механикой коллективныхъ системъ, т. е. системъ, образованныхъ комплексомъ независимыхъ другъ отъ друга индивидуальностей.

Однако, пока подобный отдѣлъ знанія еще не установленъ, попробуемъ пойти нѣсколько далѣе, опираясь на нашу аналогію. Къ явленіямъ растворенія стоятъ весьма близко явленія диффузіи, которыя въ жидкихъ средахъ представляютъ собою въ сущности раствореніе каждымъ верхнимъ слоемъ вещества, уже раствореннаго въ сосѣднемъ, нижнемъ слоѣ. Почти нѣтъ сомнѣнія, что явленія, аналогичныя процессу диффузіи имѣютъ мѣсто и въ сферѣ общественныхъ системъ. Распространеніе новыхъ идей, вѣрованій, равно какъ модъ и т. п. среди сравнительно большихъ общественныхъ комплексовъ по всей вѣроятности происходятъ по уравненію диффузіи жидкостей. Нельзя не указать здѣсь же, что нашъ языкъ безсознательно уже отмѣтилъ возможность послѣдней аналогіи; мы часто говоримъ объ идеяхъ, диффундирующихъ въ общество.

Всѣма вѣроятно, что среди общественныхъ явленій есть и такіе процессы, которые можно уподобить и процессамъ собственно химическаго соединенія, т. е. такимъ, когда два тѣла, уже смѣшанныя предварительно въ однородное цѣлое, реагируютъ внутри этого цѣлага. Очень можетъ быть, что подъ этотъ типъ въ социальныхъ системахъ подойдетъ явленіе брака, если только вести статистику послѣдняго внутри нѣкотораго сравнительно небольшого района съ постояннымъ населеніемъ и считать скорость брачеванія на каждое поколѣніе отдѣльно.

Наша аналогія позволяетъ намъ сдѣлать и не одни количественныя заключенія, повѣрка которыхъ трудна за отсутствіемъ опредѣленнымъ образомъ собранныхъ данныхъ; она можетъ дать намъ интересныя качественныя заключенія. Къ группѣ частичныхъ системъ въ настоящее время съ успѣхомъ прилагается т. наз. теорія фазъ. Суть этой теоріи въ общемъ такова. Всякое однородное въ своихъ частяхъ цѣлое, какъ, напр., жидкость, кусокъ стекла, растворъ и т. д., называется фазой. Двѣ фазы, могущія существовать совмѣстно, въ непосредственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, не смѣшиваясь и не растворяя другъ друга, или отдѣльныхъ частей другъ друга, называются совмѣстными (coexistirende). Эти фазы могутъ быть составлены или изъ разныхъ тѣлъ, какъ напр., керосинъ или вода, или изъ одного и того же тѣла, напр. пары воды и жидкая вода (2 совмѣстимыхъ фазы), пары воды, жидкая вода и ледъ при 0° (3 совмѣстимыхъ фазы). Каждая фаза можетъ быть составлена только изъ одного тѣла, или изъ нѣсколькихъ тѣлъ (составляющихъ), при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть общими нѣсколькимъ фазамъ (общія составляющія). Количество общей составляющей въ двухъ совмѣстимыхъ фазахъ не обязательно одно и то же. Если, напримѣръ, къ двумъ совмѣстимымъ фазамъ, каковы керосинъ и вода, примѣшать общую составляющую, напр. іодъ, то онъ растворится въ обѣихъ фазахъ въ неровныхъ количествахъ. Больше его будетъ содержаться въ фазѣ: керосинъ+іодъ и меньше въ фазѣ: вода+іодъ. Но всегда онъ будетъ въ той и другой. Эти явленія носятъ названіе явленій распредѣленія. Равновѣсіе распредѣленія зависитъ исключительно отъ извѣстнаго соотношенія между концентраціями общей составляющей въ совмѣстимыхъ фазахъ, а не отъ величины самихъ фазъ. Если въ нашу двухфазную сис-

тому, содержащую уже данную общую составляющую, введем новую порцію ея, то она распредѣлится опять неодинаково, къ какой бы изъ двухъ совмѣстимыхъ фазъ мы нашу новую порцію ни прибавили; большую долю изъ этой новой порціи поглотитъ фаза, въ которой этой составляющей и безъ того уже содержалось болѣе (которая слѣдовательно обладаетъ къ ней большимъ сродствомъ).

Очевидно, что нѣкоторые въ хозяйственномъ отношеніи изолированные слои общества или даже соприкасающіяся другъ съ другомъ въ торговомъ отношеніи болѣе крупныя общественныя единицы-государства—могутъ быть разсматриваемы какъ общественныя фазы. Распредѣленіе нѣкоторыхъ цѣнностей между ними будетъ вообще неравномѣрно, и при этомъ будетъ имѣть мѣсто всегда тотъ же законъ, что всякое новое поступленіе той же цѣнности (завоеванія открытія) въ многофазную общественную систему будетъ распредѣляться всегда неравномѣрно; львиная доля всегда будетъ уходить въ сторону фазъ, и безъ того уже обладающихъ значительной величиной этой цѣнности. Повидимому подобныя соотношенія исторически и наблюдаются.

Въ первой статьѣ нашей, выясняя вопросъ о недѣлимыхъ, мы подробно указали, какимъ образомъ уравненіе скорости химическаго взаимодействія можетъ быть выведено изъ расчета вѣроятности встрѣчи двухъ молекулъ, при чемъ этотъ расчетъ предполагаетъ какъ исходное данное полную индивидуальность, независимость другъ отъ друга этихъ встрѣчающихся и взаимодействующихъ молекулъ. Уравненіе скорости растворенія можетъ быть интерпретировано подобнымъ же образомъ.

Въ растворяющей средѣ есть опредѣленное число молекулъ, способныхъ, приходя въ соприкосновеніе съ растворяемымъ тѣломъ, соединяться съ нимъ, уносить его молекулы съ собою и образовывать то, что называется растворомъ. При данныхъ условіяхъ температуры число этихъ молекулъ, очевидно, можетъ быть измѣрено (пропорціонально) максимальнымъ количествомъ тѣла, способнымъ раствориться въ данномъ объемѣ нашего растворителя. Такимъ образомъ процессъ растворенія можетъ быть представленъ, какъ процессъ попаданія активныхъ молекулъ растворителя на поверхность соприкосновенія его съ растворяемымъ и унесеніе послѣдняго первыми въ растворъ. Уравненіе скорости растворенія такимъ образомъ есть выраженіе вѣ-

роятности подобнаго событія для одной активной частицы растворителя. Эта послѣдняя очевидно прямо пропорціональна числу активныхъ частицъ, попадающихъ въ t времени на поверхность соприкосновенія, а послѣдняя величина прямо пропорціональна общему числу активныхъ частицъ, содержащихся въ единицѣ объема растворителя. Это послѣднее очевидно представится разностью данной концентраціи раствореннаго тѣла до максимальной, т.-е. до предѣла растворимости, ибо по нашему условію мы мѣряемъ степень активности растворителя тѣмъ количествомъ растворимаго, которое въ немъ еще можетъ раствориться. Если растворилось уже s , то можетъ еще раствориться $a-s$; такимъ образомъ при концентраціи s осталось свободнымъ еще число активныхъ частицъ пропорціональное $a-s$.

Итакъ, наше уравненіе скорости растворенія, такъ же какъ и другія уравненія такъ называемыя химической динамики, есть не что иное, какъ извѣстное выраженіе для вѣроятности наступленія даннаго событія въ коллективно-частичной системѣ. Нечего удивляться, что оно приложимо и къ явленіямъ, коллективно-общественнымъ системамъ, какъ выраженіе вѣроятности наступленія въ нихъ событій, ограниченныхъ сходными съ первыми условіями.

Теперь становится понятнымъ и высказанное выше положеніе, что законы общества легче вывести при предположеніи полной независимости, полной свободы поступковъ cadaго изъ его членовъ, ибо только при этомъ послѣднемъ условіи наступленія извѣстныхъ сочетаній и событій среди нихъ подчинены законамъ теоріи вѣроятностей, или иначе только при этомъ условіи теорія эта можетъ быть приложена для вывода вышеприведенныхъ уравненій.

Въ заключеніе нашей статьи мы позволимъ себѣ указать еще на одно слѣдствіе, къ которому приводитъ сближеніе общественныхъ явленій и явленій частичнаго міра. На этотъ разъ наше слѣдствіе будетъ имѣть однако чисто методологическій характеръ: оно будетъ указывать на возможность приложенія къ общественнымъ явленіямъ еще новаго метода. Дѣло въ томъ, что уравненіе коллективно-частичнаго міра въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кромѣ приведеннаго выше чисто динамическаго вывода, допускаютъ еще иную интерпретацію, обоснованную на пользованіи особымъ понятіемъ, понятіемъ объ энергіи. Ученіе объ энергіи

въ настоящее время (какъ показано было нами во 2-ой изъ нашихъ статей) является базисомъ всей физики; оно является лучшимъ средствомъ чисто феноменалистическаго міро-описанія; значеніе его громадно и всѣми признано. Является поэтому невольно вопросъ, не можетъ ли быть это ученіе, со всей строгостью своихъ положеній и слѣдствій, быть распространено и на тотъ родъ коллективныхъ системъ, который носитъ названіе общественныхъ?

Однако прежде чѣмъ разсматривать эту возможность, на которую уже указывали нѣкоторые ранѣе насъ, необходимо остановиться немного, или лучше просто условиться въ пониманіи слова энергія. Несмотря на огромныя приложенія, которыя имѣетъ это понятіе, нельзя сказать, чтобы содержаніе его понималось всѣми одинаково. Родившись въ вѣкъ господства нѣсколько туманной натурфилософіи, оно сохранило въ умахъ многихъ ислѣдователей и поднесъ нѣкоторую связь съ послѣдней. И теперь еще нѣкоторые хотятъ видѣть въ энергіи особое «ничто», родъ первосущности явленій. Не ставя себѣ задачи ни полемизировать по этому поводу, ни опровергать такое толкованіе, мы позволимъ себѣ предложить здѣсь нѣсколько иную интерпретацію термина энергія, интерпретацію, облегчающую приложеніе ея къ интересующей насъ группѣ явленій.

Смотря на окружающую природу, мы считаемъ (какъ и почему — это безразлично) ее за нѣчто совершающееся, за нѣкоторый процессъ. Мы раздѣляемъ этотъ процессъ на части, болѣе или менѣе произвольныя, и эти части называемъ явленіями. Что касается взаимныхъ отношеній этихъ явленій, мы можемъ установить опытомъ слѣдующій общій законъ: среди всего безконечнаго ряда явленій природы нѣтъ ни одного, которое бы стояло особнякомъ внѣ всякаго дѣйствительнаго или возможнаго соотношенія съ другими явленіями природы, и величина отношенія между нѣкоторыми двумя произвольно взятыми явленіями численно постоянна.

Послѣдній законъ въ группѣ физическихъ явленій носитъ названіе закона эквивалентности превращеній. Очевидно, что въ силу его всѣ явленія природы могутъ быть всегда количественно сравнены другъ съ другомъ, такъ сказать измѣрены общею мѣрою; эта мѣра и носитъ названіе энергіи. Такимъ образомъ, слово энергія можетъ быть понято какъ отвлеченное понятіе, вродѣ

понятія цѣнности, длины и т. д.; какъ въ природѣ нѣтъ цѣнностей, такъ нѣтъ и энергіи; энергія это только выраженіе соотносительности явленій природы, но взятыхъ не съ какой либо одной стороны, а какъ цѣлое.

За единицу, за общую мѣру такой соотносительности можетъ быть взято любое изъ явленій природы; обыкновенно же берутъ механическую работу и въ ея величинахъ выражаютъ всѣ остальные явленія природы. При этомъ нѣтъ никакой надобности разсматривать всѣ явленія природы исключительно какъ механическія, или предполагать возможность механическаго ихъ толкованія. За единицу мѣры соотносительности можетъ быть взято и всякое другое явленіе. Механическія явленія берутся лишь ради простоты связанныхъ съ ними вычисленій.

При такомъ толкованіи понятія «энергія», оно дѣлается очевидно въ высшей степени легко приложимымъ къ самымъ различнымъ вопросамъ въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія. Посмотримъ, какъ оно прилагается прежде всего къ ученію о коллективно частичныхъ системахъ. Образование фазы, какъ всякій другой процессъ природы, очевидно, можетъ быть оцѣнено энергіей ему соотвѣтствующей. Энергія введенія единицы вещества въ данную фазу называется его химическимъ потенциаломъ; величина послѣдняго зависитъ отъ концентраціи вещества въ данной фазѣ, т. е. отъ числа единицъ его, уже ранѣ введенныхъ въ ту же фазу. Пользованіе этой величиной приводитъ въ общемъ къ тѣмъ же слѣдствіямъ и даже численно къ тѣмъ же уравненіямъ, которыя нами были указаны выше.

Очевидно, что процессъ вхожденія нѣкоторой составляющей въ коллективно общественную систему, являющій такую аналогію процессу вхожденія тѣла въ коллективно-частичную систему, можетъ быть такъ же, какъ и всякое другое явленіе природы, оцѣнено энергіей ему соотвѣтствующей; можно также говорить объ энергіи вхожденія или введенія единицы составляющей въ данную общественную фазу, и эта послѣдняя будетъ, очевидно, также зависѣть отъ концентраціи этой составляющей, то-есть отъ числа ея единицъ, уже ранѣ введенныхъ въ общественную систему.

Эта зависимость потенциала общественной составляющей отъ концентраціи ея въ общественной фазѣ, каковая бы ни была числовая величина этой зависимости, можетъ объяснить нѣко-

торыя странныя на первый взгляд общественныя отношенія. Согласно ей напр. введеііе, т.-е. приобрѣтеніе, или выведеііе т.-е. трата нѣкоторой единицы общественной составляющей, напр. 1 рубля, такой общественной фазой, въ которой 100 руб. принадлежатъ 1-му лицу (концентрація $= \frac{100}{1}$) и такой въ которой 100 руб. принадлежатъ 100 лицамъ (концентрація $= \frac{100}{100}$), не равны между собою. Это слѣдствіе можетъ служить хорошимъ объясненіемъ такъ называемой «силѣ капитала». Но она можетъ помочь намъ отчасти и въ рѣшеніи другого крупнаго вопроса экономической науки, вопроса о цѣнности. Въ этомъ вопросѣ, какъ извѣстно, существуетъ два противоположныхъ воззрѣнія. Одно стремится найти объективную мѣру цѣнности общественныхъ благъ въ томъ трудѣ (работѣ), который при данныхъ условіяхъ техническаго производства необходимъ для созданія этой цѣнности. Трудовая теорія цѣнности не объясняетъ многихъ явленій и, особенно въ послѣдніе годы, вызвала противоположное стремленіе считать цѣнность исключительно понятіемъ субъективнымъ, выразителемъ мѣры надобности даннаго общества въ данномъ продуктѣ, несводимомъ къ какой-либо объективной мѣркѣ.

Мы сейчасъ показали, что надобность въ извѣстномъ продуктѣ, выражающаяся въ поступленіи или вхожденіи его въ общественную фазу, можетъ быть также выражена единицами энергіи или работы, какъ и процессъ созданія этой вещи.

Не можетъ ли указанное нами приложеніе ученія объ энергіи къ явленіямъ экономической жизни общества послужить для сліянія этихъ двухъ теорій въ одну? Нельзя ли разсматривать цѣнность, какъ энергію, соответствующую полному процессу образованія общественного блага, отъ момента отдѣленія элементовъ его отъ безцѣннаго лона природы вплоть до момента расходованія его потребителемъ, включая конечно въ этотъ рядъ и энергію введеііа его изъ рукъ производителя въ фазу потребителей?

А. Щукаревъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

А. Роджерсъ. „Краткое введеніе въ исторію новой философіи“. Переводъ С. С. Зелинскаго, подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. М. 1903. XX+224 стр. Ц. 1 р.

По мнѣнію О. Кюльпе, автора извѣстнаго «Введенія въ философію», «въ литературѣ можно отмѣтить два существенно различныхъ способа выполненія номинально одной и той же задачи» — составленія введенія въ философію. Одни намѣчаютъ извѣстныя проблемы философіи и даютъ рѣшеніе ихъ съ точки зрѣнія, раздѣляемой авторами; другіе стремятся «выйти изъ узкаго круга личныхъ убѣжденій и окинуть взоромъ всю философію въ ея цѣломъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ». И одинъ, и другой способы изложенія, конечно, имѣютъ свои хорошія стороны. Въ смыслѣ справочныхъ руководствъ или для цѣлей болѣе быстраго ознакомленія съ возможно большимъ количествомъ философскихъ системъ, быть можетъ, второй типъ «введеній» болѣе пригоденъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что первый зато выигрываетъ въ смыслѣ цѣльности общей картины, гармоніи частей и часто увлекательности изложенія. Иллюстраціей сказаннаго могутъ служить извѣстныя въ Россіи «Введенія» самого Кюльпе—второй типъ и Паульсена—первый.

Книга американскаго философа Роджерса также принадлежитъ къ первому типу. И авторъ, какъ это выясняется изъ его предисловія, вполне сознательно выбралъ такой способъ изложенія; въ ущербъ объективности онъ предпочелъ дать цѣль-

ность и законченность. Онъ горячо протестуетъ противъ распространеннаго взгляда о бесполезности философскихъ построений и успѣшно доказываетъ ихъ жизненность и даже практическую необходимость. Жизнь и философія для него одно. Мало того, жизнь лишается всякаго смысла, если предварительно не разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи конечной человѣческой жизни къ безконечной жизни міровой.

Въ своемъ «Введеніи» авторъ ограничивается разсмотрѣніемъ вопросовъ только метафизической проблемы и перехода ея въ гносеологическую (Роджерсъ называетъ ее эпистемологической); проблемъ этики, логики и психологіи онъ совершенно не касается. Въ живомъ и интересномъ изложеніи онъ разсматриваетъ и критикуетъ рѣшеніе указанныхъ проблемъ матеріализмомъ, дуализмомъ, пантеизмомъ, раціонализмомъ и другими философскими міровоззрѣніями, какія записаны на страницахъ исторіи философіи со времени Декарта. Изложеніе Роджерса очень оригинально и далеко отъ обычнаго шаблона учебниковъ исторіи философіи; не менѣе оригинальна и его интерпретація нѣкоторыхъ построений. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно его толкованія философіи Гегеля.

Отъ критики другихъ философскихъ построений Роджерсъ переходитъ къ положительному изложенію собственнаго міросозерцанія — *теистическаго идеализма*. Предыдущій обзоръ приводитъ его къ одному безусловному выводу, «что въ идеализмѣ, извѣстнаго рода и вида, и только въ идеализмѣ можно надѣяться найти такое рѣшеніе міровой загадки, несостоятельность котораго не предрѣшена заранѣе» (166 стр.). Основная черта идеализма состоитъ въ томъ, что реальность міра понимается по аналогіи съ жизнью сознанія. Но, чтобы сохранить познаваемость и отдѣльную реальность вещей внѣшняго міра, необходимо допустить ихъ существованіе въ болѣе основномъ сознаніи, чѣмъ наше. Такимъ сознаніемъ можетъ быть *сознаніе міровое*. Остается найти нѣкоторое *единство* для мірового разнообразія. Предыдущій анализъ показалъ, что его нельзя найти ни въ чисто абстрактныхъ сферахъ, ни въ вещахъ въ себѣ или субстанціяхъ, а въ единствѣ самого процесса жизни. По аналогіи съ человѣческою жизнью оно заключается въ единствѣ сознательной цѣли. Но согласно здравому разсудку мы признали разнообразіе внѣшняго міра, признали, что объекты

имѣютъ въ немъ отдѣльное существованіе. Возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключается ихъ реальная природа? Она можетъ быть или пассивнымъ состояніемъ сознанія, мыслью, или активной волей. Но наше «нормальное состояніе»—не въ размышленіи о вещахъ, какъ объектахъ, а въ пользованіи ими. Кисть художника мы опредѣляемъ не съ точки зрѣнія ощущеній, которыя она вызываетъ, а съ точки зрѣнія ея цѣли. Стало быть, на основную реальность вообще мы должны смотрѣть не какъ на абстрактную мысль, а какъ на движеніе къ опредѣленной цѣли, какъ на активную дѣятельность.

Возвратимся къ вопросу объ отношеніи высшей реальности къ индивидуальному *я*. *Я*, какъ нѣчто изолированное, немислимо: оно есть нѣкоторая часть мірового цѣлаго, въ которомъ занимаетъ опредѣленное мѣсто и исполняетъ опредѣленную функцію; тѣмъ не менѣе между жизнью индивидовъ и міромъ, какъ намъ кажется, существуетъ нѣкоторая раздѣльность. Допустимъ ее и постараемся понять ихъ единство. «Жизнь наша—это то, что мы *дѣлаемъ*, реализованное въ сознаніи, а это *дѣло* необходимо заключаетъ въ себѣ міръ и другія *я*» (180 стр.). Человѣкъ живетъ въ обществѣ, его жизнь внѣ социальной среды немислима. Каждый индивидуумъ обладаетъ собственными чувствами, собственной жизнью, извѣстною ему изъ непосредственнаго опыта. Другіе ее знаютъ только въ ея проявленіи. Такимъ образомъ оцѣнка извѣстнаго акта *въ сознаніи* дѣлаетъ его нашимъ. Но такъ какъ каждый актъ *реально* влечетъ за собою социальныя послѣдствія, которыя мы познаемъ и примѣняемъ къ общимъ цѣлямъ, то міръ есть единство, единство развитія къ опредѣленной цѣли мірового прогресса. «Если же перенести это на абсолютный опытъ, то высшее понятіе, какое только мы можемъ получить о мірѣ, будетъ понятіе социального цѣлага, гдѣ Богъ представляетъ высшее *я*, въ зависимости отъ котораго находится все остальное» (182 стр.). Природа Бога по существу, какъ и наша природа, социальна, жизнь его — это сознательная жизнь активной кооперации съ конечными существами, которыя онъ вызвалъ къ бытію. Индивидуальность отдѣльнаго *я* остается неприкосновенной и сознается въ непосредственномъ опытѣ; всѣ остальные, не исключая и Бога, могутъ ее только познавать. Но это не значитъ, что *я* совершенно независимо отъ Бога, вѣдь всякій актъ *я* входитъ въ смыслъ жизни

Бога, заключающейся въ развитіи соціальныхъ отношеній. Да и сама соціальная жизнь отсюда получаетъ основу въ «сокровеннѣйшей и существенной реальности міра».

Природа нашего я также есть не что иное, какъ активность, связанная въ единство сознательною цѣлью. Всякій актъ моего я находится въ безчисленныхъ соотношеніяхъ, составляющихъ его смыслъ и реализующихся въ сознаніи. «Я соціально по своей природѣ». Но намъ кажется, что отдѣльный актъ выражаетъ лишь часть нашего Я; намъ хочется найти нѣчто въ родѣ старой субстанции, дающей основу нашему я, объясняющей не только отдѣльные сознательные акты, но и скрытые импульсы, расположенія, склонности и пр. Причину ихъ надо искать не въ душѣ, а въ тѣлѣ. Это не значитъ что матерія—основа нашего Я. Въдѣ тѣло только элементъ въ сознаніи Абсолюта; оно результатъ очень длиннаго развитія, связывающаго насъ съ исторіей міра. Это точка соприкосновенія нашего сознательнаго существованія съ остальнымъ міромъ. «Вся исторія нашего прошлаго развитія заключена въ структурѣ тѣла и при удобномъ случаѣ заявляетъ о своихъ правахъ».

Еще одинъ вопросъ. Не противорѣчитъ ли такое телеологическое пониманіе міра твердо установившемуся въ наукѣ механистическому міровоззрѣнію? Нисколько. Механизмъ въ сущности отвѣчаетъ лишь на вопросъ, *какъ* совершается что-нибудь, а не *почему*. Механизмъ не исключаетъ телеологіи. Даже не можетъ существовать вопроса о противопоставленіи ихъ другъ другу можно противопоставлять только законмѣрность (цѣлесообразность) и случайность.

Таковъ въ существенномъ *теистическій идеализмъ* Роджерса. Правда, онъ много отнимаетъ отъ того Абсолюта (Бога), который мы привыкли себѣ представлять, и тѣмъ самымъ низводитъ его съ высоты его трона, но, намъ думается, все же, что цѣнность этого философскаго построенія несмотря на его противорѣчія, а можетъ быть, и благодаря имъ, заключается въ томъ, что оно даетъ богатый матеріалъ для собственной работы мысли. Въ особенности интересные выводы можно было бы сдѣлать изъ этой концепціи въ области философіи исторіи, — они съ одинаковымъ успѣхомъ били бы и направо, и налѣво.

Въ общемъ вся книжка прочтется каждымъ съ удовольствіемъ. Ея заглавіе можетъ соблазнить между прочимъ читателей незна-

комыхъ съ исторіей философіи и постановкой философскихъ проблемъ, но для нихъ эта книга едва ли много дастъ. Мы бы назвали ее не «Введеніемъ въ исторію философіи», а «Резюме» ея.

По-русски книга читается гладко и легко. На стр. 80, строка 3 снизу, по смыслу слѣдовало бы «трансцендентное», а не «трансцендентальное». На стр. 181-ой яснѣе было бы вм. «сознательная оцѣнка»—«оцѣнка въ сознаниі».

Г. Шпеттъ.

„Образовательная бібліотека“. Г. Ф. Липпезъ. Основы психифизики. Пер. Г. Котляра. Спб. 1903. 110 стр. Ц. 40 к.

Среди немногихъ прочно установленныхъ фактовъ современной психологіи нужно считать фактъ психофизическаго параллелизма. На какую бы точку зрѣнія мы ни стали—монизма, дуализма или другой какой-либо теоріи,—фактъ параллелизма психическихъ и физическихъ (фізіологическихъ) явленій неоспоримъ; это уже не гипотеза, а эмпирически установленный фактъ. Констатированіе этого факта породило и своеобразную науку—*психифизику*. Задача послѣдней сводится къ изслѣдованію психофизическаго параллелизма.

Разсмотрѣнію нѣкоторыхъ выводовъ этой науки посвящена названная книжечка Г. Липпса. (Его не слѣдуетъ, кстати, смѣшивать съ Теодоромъ Липпсомъ, извѣстнымъ проф. мюнхенскаго университета, нѣкоторые труды котораго переведены на русскій языкъ). Самостоятельными задачами изслѣдованія авторъ не задается, онъ лишь излагаетъ то, что сдѣлано молодой наукой со времени ея основателей—Вебера и Фехнера. И, нужно сознаться, дѣлаетъ онъ это не совсѣмъ удачно. Ни одного болѣе или менѣе оригинальнаго и мѣткаго опредѣленія мы не нашли. Самыя ординарныя мысли и самые элементарные факты изъ анатоміи, фізіологіи и психологіи излагаются самымъ скучнымъ образомъ на ряду съ нѣкоторыми выводами теоріи вѣроятностей, требующими предварительнаго знакомства съ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ.

Для кого эта книжка написана—неизвѣстно. А еще болѣе неизвѣстно, для чего она переведена на русскій языкъ... Специалисты, пользующіеся для своихъ работъ услугами математики и тратившіе время на ея изученіе, ужъ навѣрное знаютъ нѣмецкій языкъ, а для широкой публики все это—*terra incognita*. И какъ

эта книжка попала въ «Образовательную библиотечку»? Развѣ цѣль ея «образовывать» людей, знакомыхъ съ «закономъ Гаусса» и «методомъ среднихъ ошибокъ»?.. Книжка тѣмъ менѣе полезна, что для «образованія» и для широкой публики у насъ есть работа проф. Г. И. Челпанова—«Мозгъ и душа», въ которой понятно и популярно изложены вопросы, затрогиваемые Липпсомъ. Въ переводной книжкѣ Т. Цигена—«Физиологическая психологія»—также изложены въ очень ясной формѣ нѣкоторые вопросы психофизики.

Г. Шпеттъ.

Давидъ Юмъ. *Измѣдованіе челоѣтческаго разумнїя* (An inquiry concerning human understanding). Переводъ съ англїйскаго С. И. Церетели. С.-Петербургъ, 1902.

Наконецъ-то появилось въ русскомъ переводѣ знаменитое твореніе Юма, вышедшее въ оригиналѣ уже болѣе 150 лѣтъ тому назадъ. Какъ извѣстно, «Inquiry concerning human understanding» представляетъ собою сильно переработанную вторую редакцію перваго, почти юношескаго произведенія Юма «Treatise of human nature» («Inquiry» является переработкой первой части «Treatise», которое состоитъ изъ трехъ частей). Въ одномъ изъ предисловіи къ «Inquiry», напечатанномъ уже послѣ смерти автора, послѣдній проситъ смотрѣть только на это позднѣйшее сочиненіе какъ на вполне точное и вѣрное воспроизведеніе мыслей философа, почти отрекаясь отъ «Treatise». Но, несмотря на это заявленіе, историкъ философіи не можетъ игнорировать и перваго творенія Юма, тѣмъ болѣе, что оно представляетъ собою много оригинальнаго по сравненію со второю редакціей, т. е. Inquiry» (въ «Inquiry» не только опущены нѣкоторые существенные отдѣлы «Treatise», но и самыя воззрѣнія философа по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ подверглись значительнымъ измѣненїямъ, часто въ ущербъ ясности и послѣдовательности). Въ виду этого, очень жаль, что переводчикъ не предпослалъ своему труду хотя бы краткаго введенія, гдѣ указывалось бы отношеніе Inquiry къ «Treatise»; это было бы далеко не лишне для русскихъ читателей, которые почти ничего не могутъ найти объ Юмѣ на своемъ родномъ языкѣ. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что переводчикъ не ограничится «Inquiry», и со временемъ предложитъ русской публикѣ и болѣе раннее произведеніе Юма.

Самый переводъ мы можемъ признать удовлетворительнымъ: онъ, за очень рѣдкими исключеніями, вѣрно передаетъ оригиналь, читается легко и въ состояніи дать представленіе о томъ изящномъ стилѣ, которымъ написаны всѣ «Essays» (какъ извѣстно, «Inquiry» называлось первоначально «Essays philosophical»). Мы не замѣтили грубыхъ погрѣшностей, если не считать одной, которую можно скорѣе признать за опечатку (на 1 стр. 6 строка снизу «virtue» почему-то переводится «истины»). Зато нельзя сказать, чтобы была безупречна вся терминологія переводчика, которую онъ не пытается чѣмъ-либо аргументировать, хотя иногда это было бы прямо необходимо. Такъ переводчикъ передаетъ столь важный для пониманія философіи Юма терминъ «perception» словомъ «представленіе», не дѣлая при этомъ никакихъ поясненій, а между тѣмъ этимъ юмовскимъ терминомъ обозначается все содержаніе сознанія, и какъ далеко не покрывается онъ тѣмъ значеніемъ, которое дается слову «представленіе» въ современной психологіи (довольно подробные комментарии по этому вопросу можно было бы найти въ западныхъ переводахъ Юма, напр., въ «Философской библіотекѣ» Кирхмана). Далѣе, не всегда точно передается терминъ «mind», который переводится словомъ «умъ» тамъ, гдѣ правильнѣе было бы сказать «духъ» (такъ, напр., на стр. 106, строка примѣчанія, гдѣ «mind» противопоставляется «matter»). Иногда переводчикъ не вполне точно передаетъ оттѣнокъ термина или придаетъ русскому слову не совсѣмъ ясную форму. Такъ, «supposed» почему-то передается «мнимый», хотя по контексту удобнѣе было бы перевести болѣе буквально—«предполагаемый» (21 стран., строка 5 снизу); вмѣсто «предпосылаетъ» лучше было бы сказать «предполагаетъ» (24 стр., прим.); выраженіемъ «прижимается» (стр. 8, строка 8 снизу) допускается нѣкоторая неясность и ослабляется форма страдательнаго залога, которая здѣсь необходима; «tap of character» не совсѣмъ удачно передается словомъ «характерный», которое у насъ имѣетъ особенный оттѣнокъ (здѣсь лучше было бы перевести ближе къ тексту—«человѣкъ съ характеромъ»). Иногда переводчикъ дѣлаетъ небольшіе пропуски, правда очень незначительные, но едва ли мотивированные (напр., на стр. 152), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, вставляетъ лишнее слово, которое можетъ нѣсколько измѣнить смыслъ (такъ, на стр. 45, 13 строка сверху, переводчикъ употребляетъ

слова «можетъ быть», хотя въ подлинникѣ мысль выражается болѣе категорически).

Но всѣ эти погрѣшности не могутъ считаться очень значительными и не могутъ препятствовать тому, чтобы русскій читатель получилъ вѣрное представленіе о философіи Юма при помощи названнаго перевода. Можно сказать съ увѣренностью, что это произведеніе мало извѣстнаго въ Россіи классика новой философіи получитъ широкое распространеніе и возбудитъ значительный интересъ къ этому оригинальному мыслителю, вліяніе котораго сказывается въ нѣкоторыхъ самыхъ новѣйшихъ теченіяхъ философской мысли (мы разумѣемъ здѣсь не только позднѣйшій позитивизмъ и эмпиризмъ, но и такъ называемую имманентную философію).

Н. Виноградовъ.

L'année psychologique, publiée par Alfred Binet avec collaboration de H. Beaunis, V. Henri, Th. Ribot. Secrétaire de la Redaction: Larguier des Bangels. Huitième année. Paris, 1902.

8-й томъ «Психологическаго Ежегодника» своимъ расположеніемъ матеріала ничѣмъ не отличается отъ предшествующихъ выпусковъ. Подобно тому, какъ и въ нихъ, первая часть содержитъ оригинальныя работы, вторая посвящена «библіографическимъ анализамъ», третья представляетъ изъ себя указатель книгъ и статей изъ области психологической науки, явившихся въ теченіе 1900—1901 гг.

Что касается оригинальныхъ работъ, то нелегко ввести ихъ въ рубрики точной классификаціи. Большинство изъ нихъ имѣетъ отношеніе къ проблемамъ общей психологіи и въ то же время затрогиваетъ вопросы педагогическаго характера, поскольку послѣдніе въ своемъ рѣшеніи должны опираться на данныя экспериментальной психологіи и психофизиологіи. Другая часть содержащихся здѣсь работъ имѣетъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, такъ называемыя кефалометрическія изслѣдованія, каковыя изысканія уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ помѣщаются на страницахъ упомянутыхъ «Ежегодниковъ».

Самою крупною изъ работъ перваго рода является этюдъ В. Анри «Воспитаніе памяти». Эта статья имѣетъ особенную цѣнность для воспитателей и родителей, которые сами не въ состояніи слѣдить за быстро растущей литературой по экспери-

ментальной педагогикѣ. Авторъ знакомитъ со всѣми лучшими изслѣдованіями въ данной области и приводитъ рядъ собственныхъ интересныхъ наблюденій и экспериментовъ. Но мы не считаемъ необходимымъ подробно излагать эту работу, такъ какъ она, раньше помѣщенія въ названномъ сборникѣ, уже была напечатана (съ рукописи) у насъ въ «Вѣстникѣ воспитанія». Скажемъ только, что авторъ, анализируя различные способы запоминанія и воспроизведенія, справедливо отгѣняетъ громадное значеніе логическаго элемента въ дѣятельности памяти.—Дѣятельности же памяти касаются замѣтки Larguier des Bangers подъ заглавіемъ: «Методы запоминанія» и «Объ измѣненіяхъ въ дѣятельности памяти въ теченіе дня». Первая изъ этихъ замѣтокъ, кромѣ изложенія извѣстной работы m-lle Steffens о наиболѣе удобномъ способѣ повторенія, содержитъ собственные эксперименты автора и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ о двухъ главныхъ приѣмахъ заучиванія: путемъ прочтенія цѣлаго отрывка (mode globale) и путемъ повторенія его отдѣльныхъ частей (mode fragmentaire). Заключение автора, какъ по отношенію къ взрослымъ, такъ и по отношенію къ ученикамъ, однородно съ результатами, къ которымъ пришла г. Стеффенсъ: методъ чтенія цѣлыхъ отрывковъ требуетъ меньше повтореній и обеспечиваетъ лучше сохраненіе представленій, чѣмъ методъ фрагментарный, и поэтому первый методъ, какъ болѣе экономическій, и долженъ быть предпочитаемъ въ практикѣ школьнаго обученія. Въ концѣ статьи авторъ пытается вскрыть психологическія основы, которыя обеспечиваютъ преимущество «глобальному» методу и въ этомъ случаѣ дѣлаетъ нѣкоторыя существенныя дополненія къ замѣчаніямъ по этому поводу г. Стеффенсъ.—Вторая замѣтка того же автора посвящена вопросу объ измѣненіяхъ памяти въ теченіе дня. Авторъ производилъ эксперименты надъ самимъ собою, въ отношеніи къ успѣшности запоминанія, въ различное время дня: прямо послѣ вставанья, натошакъ; передъ завтракомъ и послѣ завтрака—въ полдень и, наконецъ, вечеромъ — передъ обѣдомъ и послѣ. Выводы автора таковы: при вставаніи, утромъ, удерживанье представленій происходитъ сравнительно легко и быстро; въ полдень и вечеромъ оно требуетъ для себя больше времени; наконецъ, можно констатировать повышеніе дѣятельности памяти послѣ завтрака и обѣда. Наблюдая въ послѣднемъ случаѣ усиленіе пульса (нужно замѣтить, что за завтракомъ и

обѣдомъ авторъ каждый разъ позволялъ себѣ и употребленіе алкоголя), Laguiet des Vangels старается повышеніе въ дѣятельности памяти поставить въ связь съ ускореніемъ кровообращенія. Онъ ссылается, между прочимъ, на аналогичный фактъ, подмѣченный Шарко надъ однимъ нервно-больнымъ.—Слѣдующая затѣмъ краткая замѣтка «О вниманіи» Kristian Aars'a не представляетъ чего-либо оригинальнаго. Авторъ видитъ сущность вниманія въ ясности наличныхъ перцепцій и въ интенсивности ожиданія грядущихъ состояній сознанія. «Чистое ожиданіе» извѣстной интенсивности тождественно съ пассивнымъ вниманіемъ, между тѣмъ какъ усиленное ожиданіе «желаемыхъ образовъ» можно отождествить съ волевымъ или активнымъ вниманіемъ.

Къ области общей же психологіи относится и небольшая работа Бурдона «Изслѣдованія о привычкѣ». Авторъ сообщаетъ здѣсь о своихъ экспериментахъ въ отношеніи названной дѣятельности, которые онъ производилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Здѣсь онъ разумѣетъ свои эргометрическія изслѣдованія подъ ассоціаціями словъ отечественнаго языка съ аналогичными иностранными терминами, подобныя же изслѣдованія подъ счетомъ (въ умѣ и при называніи чиселъ) и т. п. Мы не будемъ излагать всѣхъ результатовъ этихъ экспериментовъ вслѣдствіе ихъ значительной дробности, — замѣтимъ только, что авторъ констатируетъ въ заключеніи извѣстный фактъ, что прогрессъ въ успѣшномъ отправленіи той или другой дѣятельности, благодаря повторенію, особенно замѣтенъ въ началѣ работы, а затѣмъ благотворное дѣйствіе привычки нѣсколько ослабляется. Въ случаѣ возобновленія той или другой работы даже послѣ значительнаго перерыва (7 или 8 лѣтъ) мы можемъ наблюдать очень замѣтную легкость въ исполненіи этой работы, разъ предшествовавшее упражненіе было продолжительнымъ.—Въ одной изъ слѣдующихъ статей Renault d'Allones излагаетъ свои «Опыты относительно волевого усилія при опредѣленіи вѣса различныхъ тяжестей». Изслѣдованія эти съ трудомъ поддаются сжатою изложению, и поэтому мы только упомянемъ, что авторъ удѣляетъ достаточно мѣста обсужденію вопроса объ участіи обоихъ главныхъ чувствъ—при опредѣленіи вѣса—зрѣнія и мускульнаго. По мнѣнію автора, если испытуемый сначала опредѣляетъ вѣсъ при помощи зрѣнія и узнаетъ, что онъ недооцѣнилъ грузъ, то, послѣ приложенія

мускульнаго чувства, онъ обычно переоцѣниваетъ тяжесть. Наоборотъ, если при предварительной оцѣнкѣ при помощи зрѣнія встрѣчается переоцѣнка, то, при испытаніи мускульнымъ чувствомъ, субъектъ склоненъ всегда указать меньшій вѣсъ.—Интересна, далѣе, статья Маража, которая представляетъ собою изложеніе трудовъ французскихъ ученыхъ по экспериментальной фонетикѣ. Здѣсь разумѣются изслѣдованія Гилльмена «Объ образованіи голоса и тембра», Руссло «Основы экспериментальной фонетики», Маришеля «Слово по изслѣдованіямъ при помощи фонографа», Желе «Слухъ и его органы», Бонье «Ухо» и «Слухъ». Маражъ не только даетъ изложеніе содержанія этихъ работъ, но часто присоединяетъ сюда и собственныя критическія замѣчанія. Знакомство со всѣми этими трудами было бы очень полезно для многихъ педагоговъ, особенно въ виду недавно такъ занявшаго всѣхъ вопроса объ упрощеніи правописанія, каковая проблема едва ли можетъ быть рѣшена помимо нѣкоторыхъ твердо установленныхъ данныхъ экспериментальной фонетики.

Уже больше къ сферѣ психофизиологіи или физиологіи, чѣмъ общей психологіи, имѣетъ отношеніе работа Ферэ: «Вліяніе ритма на трудъ». Авторъ излагаетъ здѣсь свои довольно многочисленные опыты (на эргографѣ) относительно видоизмѣненной трудоспособности подъ вліяніемъ разнообразныхъ ритмическихъ движеній. Аналогичный же характеръ носить и другая работа того же автора, гдѣ онъ анализируетъ вліяніе различныхъ ядовъ (стрихнина, кодеина, хлораль-гидрата и т. п.) на повышеніе или пониженіе нашей работоспособности (опыты производились также при помощи эргографа.) Этому же автору принадлежитъ еще одно изслѣдованіе изъ родственной области—«О чередующейся дѣятельности мозговыхъ полушарій». Подобно тому, какъ и въ предшествующихъ работахъ, авторъ опирается здѣсь на данныя, полученныя путемъ эргографическихъ измѣреній надъ переменною дѣятельностью мускуловъ рукъ. Излагать опыты автора, выраженные въ массѣ цифровыхъ данныхъ, не представляется возможнымъ въ этой краткой замѣткѣ.—Скорѣе къ области физиологіи же относится изслѣдованіе Авг'а «О письмѣ въ зеркалѣ». Какъ извѣстно, подъ такимъ письмомъ разумѣется способъ писанія, обратный обыкновенному, т. е. когда буквы пишутся не слѣва направо (какъ обычно), а справа налѣво и

при томъ лѣвой рукой, (если написанное такимъ образомъ поставить передъ зеркаломъ и смотрѣть въ послѣднее, то мы получимъ обыкновенное расположеніе буквъ; отсюда названіе «письмо въ зеркалѣ», *écriture en miroir, écriture spéculaire*). Этотъ способъ писанія чаще всего встрѣчается у лицъ, у которыхъ правая сторона тѣла парализована; равнымъ образомъ, его можно наблюдать у нѣкоторыхъ лѣвшей; его можно также безъ труда вызывать у нѣкоторыхъ дѣтей и взрослыхъ, заставляя писать ихъ лѣвой рукой съ закрытыми глазами. Авторъ названной статьи производилъ свои опыты надъ тремя группами лицъ: надъ тѣми, гдѣ этотъ способъ былъ сознательный, надъ тѣми, гдѣ такое письмо было съ самаго начала независимо отъ сознательнаго обученія и, наконецъ, надъ такими индивидуумами, у которыхъ этотъ оригинальный приѣмъ получился, благодаря какому-нибудь патологическимъ явленіямъ. Подвергая анализу полученныя данныя, авторъ, между прочимъ, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Для болѣе легкаго «письма въ зеркалѣ» необходимы нѣкоторыя спеціальныя условія, какъ-то: не имѣть нужды заранѣе ясно представлять себѣ (при помощи зрѣнія) форму буквъ; имѣть вообще развитую лѣвую руку; представлять сравнительно легко движенія руки (по воспоминаніямъ мускульнаго чувства), необходимыя для начертанія буквъ. Далѣе, упомянутый способъ письма развивается преимущественно у такихъ лицъ, которыя, въ силу какихъ-либо патологическихъ явленій, затрудняются или иногда совсѣмъ не могутъ владѣть правой рукой (при гемиплегіи, при писчемъ спазмѣ и т. п.). Наконецъ, привычка писать, сосредоточивая свое вниманіе на движеніяхъ руки, очень способствуетъ развитію упомянутой особенности.

Значительную часть того отдѣла въ «Ежегодникѣ», который содержитъ оригинальныя работы, занимаютъ такъ называемыя кефалометрическія изслѣдованія, произведенныя извѣстнымъ А. Бинэ. Двѣ изъ этихъ работъ «Новыя изслѣдованія по кефалометріи» и «Соотношеніе головныхъ измѣреній» имѣютъ значеніе преимущественно методологическое. Первая работа, содержащая, между прочимъ, подробное изложеніе послѣдняго изслѣдованія американскаго антрополога Чемберлена, цѣнна благодаря обстоятельнымъ библиографическимъ указаніямъ. Въ третьей своей работѣ Бинэ излагаетъ свои наблюденія надъ развитіемъ черепа и лица у нормальныхъ индивидуумовъ въ пері-

одъ отъ 4 до 18 лѣтъ, гдѣ онъ констатируетъ преобладающее въ общемъ развитіе лица сравнительно съ увеличеніемъ объема черепа (за это же время). Двѣ послѣднія работы того же автора посвящены наблюдениямъ надъ развитіемъ черепа и лица у слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. У обѣихъ изъ этихъ категорій людей авторъ наблюдалъ двѣ характеристическія черты въ упомянутомъ процессѣ эволюціи: тенденцію къ брахицефалии, выражающуюся въ увеличеніи поперечнаго размѣра черепа и лица, и тенденцію къ микроцефалии, каковая особенность встрѣчается уже на болѣе поздней ступени развитія.

Что касается двухъ остальныхъ библиографическихъ частей сборника, то, насколько онѣ важны для всѣхъ, занимающихся психологіею и родственными ей дисциплинами, едва ли есть необходимость распространяться.

Н. Виноградовъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

В. Г. Алексѣевъ. Математика какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія. Посвящается памяти Н. В. Бугаева. Юрьевъ, 1903. Ст. 50.

Серафима Аргамакова. Панна Іоанна и Донъ-Жуанъ. Психологическій этюдъ. Спб., 1903. Ст. 104. Ц. 60 к.

Н. Н. Баженовъ. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. Москва, 1903. Ст. II + 159. Ц. 1 р. 50 к. Чистый доходъ съ изданія поступаетъ въ распоряженіе Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ въ пользу фонда имени покойнаго профессора *С. С. Корсакова*.

R. S. Woodworth. Le Mouvement. Paris, 1903. P. 4 fr. P. 425. Bibliothèque de psychologie expérimentale.

С. И. Гальперинъ. Современная социологія. Екатеринбургъ, 1903. Ст. VI + 375 + VI. Ц. 2 р. 25 к.

Paul Henzel. Hauptprobleme der Ethik. Лейпц., 1903. Ст. 106. P. 1. M. 60. Pf.

Н. Кажановъ. Психика жизни. (Логическое изслѣдованіе). Спб., 1903. Ст. 32. Ц. 30 к.

Э. Лависсъ. Основные моменты политической исторіи Европы. Переводъ П. Д. Первова. Изданіе второе. Москва, 1903. Ст. II + 91.

И. Левитовъ. Желтый Босфоръ. Спб., 1903. Ст. 86.

Фридрихъ Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Переводъ Ю. Антоновскаго. Изд. 2-ое. Спб., 1903. Ст. 432+V. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Орженцій. Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Ц. 2 р. Одесса, 1903. Ст. VIII+376.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ за 1901—1902 годъ. Годъ IV. Москва, 1903. Ст. 148+9+39.

А. П. Охитовичъ. Новый (неопредѣленный) методъ рѣшенія алгебраическихъ уравненій. Въ двухъ частяхъ. Часть I-ая. Казань, 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. Ст. XI+302+18.

Dr. August Schmarsow. Unser Verhältniss zu den bildenden Künsten. Лейпц., 1903. Ц. 2. М. Ст. 160.

Михаилъ Тарѣевъ. Жизнь и ученіе Христа. Часть первая. Философія евангельской исторіи. Сергіева Лавра, 1903. Ст. 319. Ц. 1 р. 50 к.

Михаилъ Тарѣевъ. По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки. Троицкая Лавра, 1903. Ц. 1 р. Ст. 187.

Графъ Л. Н. Толстой, великій писатель русской земли. Его жизнь. Семья. Друзья. Критики и толкователи. Въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, карриатурахъ и т. д. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Вып. I. Ц. 60 к.

Louis Favre. L'esprit scientifique et la méthode scientifique. Paris, 1903. Ст. 82+III.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Переводъ подъ ред. П. П. Соколова. Второе изданіе съ измѣненіями и дополненіями. Сергіевъ-Посадъ, 1903. Ст. XVI+376. Ц. 1 р. 25 к. Учащимся 1 р.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXVIII. Цензурный комитетъ—Человѣкъ.

Томъ XXXVIII А. Человѣкъ—Чугуевскій полкъ. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб., 1903.

Э. Ө. Эрдманнъ. Прологомена къ общей теоріи «понятій» на эмпириокритическомъ основаніи. Ст. 46. Варшава, 1903.

Обзоръ журналовъ.

Rivista filosofica. Ма й — де ка б р ь 1902.

Vidari. *Цивилизація и нравственность.*

Вѣра въ прогрессивное развитіе нравственности и связь его съ научнымъ прогрессомъ имѣетъ свой источникъ еще въ философіи XVIII в., а въ новѣйшее время главные представители ея—Контъ и Спенсеръ. Противники ихъ или вовсе отрицаютъ прогрессъ въ области нравственности, или всю современную цивилизацію считаютъ результатомъ чудовищнаго развитія эгоизма. Авторъ статьи принадлежитъ къ сторонникамъ идеи нравственнаго прогресса, но онъ различаетъ въ нравственности двѣ стороны: идеальную, или нравственные понятія, и практическую, или приложеніе нравственныхъ нормъ къ жизни. Постепенное измѣненіе нравственныхъ понятій и притомъ параллельное съ ходомъ цивилизаціи авторъ считаетъ несомнѣннымъ: таковы новые взгляды на трудъ, на отношеніе свободныхъ къ свободнымъ и многое другое; все это движеніе нравственности впередъ не можетъ быть приписано только одному христіанству, ибо, по мнѣнію автора, и само христіанство понемногу преобразуется, примѣняясь къ новымъ условіямъ общественной жизни. Но за то Vidari признаетъ, что въ практической жизни нравственный прогрессъ гораздо менѣ замѣтенъ, а гдѣ замѣтенъ, тамъ почти всегда имѣетъ и отрицательныя стороны, которыя нерѣдко порождаютъ враждебныя отношенія нравственности и цивилизаціи. Для устраненія этой враждебности, авторъ полагаетъ необходимымъ соотвѣтствіе морали главнѣйшимъ интересамъ человѣчества и даже приспособленіе ея къ измѣненію его реальныхъ потребностей. Только обладая этими свойствами, нравственность

можетъ пустить глубокіе корни въ обществѣ и отразиться не на его понятіяхъ только, но и на всей его жизни. При такомъ пониманіи морали всего яснѣе выступаетъ связь цивилизаціи и нравственности, какъ двухъ видовъ прогрессивнаго осуществленія идеи человѣчности.

Gentile. *Единство средней школы и свобода въ выборѣ занятій.*

Вопросы о томъ, нужны ли среднія школы различныхъ типовъ и, преимущественно, техническія, можно ли предоставить учащимся свободу въ выборѣ изучаемыхъ предметовъ,—по мнѣнію автора статьи, тѣсно связаны между собою. Предоставить всякому выбирать предметы, которые онъ захочетъ изучать въ средней школѣ, значитъ признать, что всякій можетъ судить объ истинѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эту возможность получаютъ только совершенные люди, путемъ образованія достигшіе полного развитія человѣческаго духа. Это-то всестороннее развитіе духа и есть цѣль средней школы, и потому предметы, въ ней преподаваемые, должны соответствовать человѣческимъ способностямъ, а вовсе не практическимъ требованіямъ жизни. Только изучивъ основательно языки, исторію, естественныя науки и философію, человѣкъ можетъ сдѣлаться свободнымъ въ выборѣ занятій, а въ средней школѣ свобода ученика выражается въ томъ, что онъ, добровольно подчиняясь преподавателю, по своей охотѣ изучаетъ указываемые имъ предметы.

Cantoni. *Этюды о Кантѣ.*

Критическій разборъ изслѣдованій о Кантѣ касается въ этой статьѣ трехъ важнѣйшихъ вопросовъ Кантовой философіи. Прежде всего, Кантони опровергаетъ мысль Рейнингера, будто Кантъ представленіе времени считалъ формою воспріятія не только внутренняго, но и внѣшняго міра. Рейнингеръ забываетъ, что представленія предметовъ внѣшняго міра, какъ явленія нашей внутренней жизни, могутъ быть въ свою очередь объектами воспріятія и вотъ тогда-то они и воспринимаются подъ формою времени; а самъ по себѣ внѣшній міръ, конечно, существуетъ независимо отъ внутренняго и ему не подчиненъ.—Другой изслѣдователь, Вартенбергъ, полагаетъ, что понятіе вещи въ себѣ и трансцендентальнаго объекта у Канта должны быть строго разграничены, такъ какъ о вещи въ себѣ мы ничего не знаемъ, между тѣмъ какъ трансцендентальный объектъ мы сами же и создаемъ, для синтезирования нашихъ понятій и приданія имъ уни-

версального характера. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Кантони думаетъ, однако, что для философіи Канта характерно не это разграниченіе двухъ понятій, которыя самъ философъ нерѣдко смѣшивалъ, а то, что ни вещь въ себѣ, ни трансцендентальный объектъ самостоятельно не существуютъ, что оба они—созданія нашего интеллекта, который мыслить ихъ для общей связи явленій, но не касается ихъ дѣйствительнаго существованія.—Въ другомъ сочиненіи Вартенбергъ толкуетъ о законѣ причинности, который онъ считаетъ не необходимо существующею связью между явлениями, а постулатомъ, при посредствѣ котораго мы устанавливаемъ законы для познаваемыхъ нами явленій. Конечно, думаетъ Кантони, Кантъ не такъ понималъ причинность, онъ признавалъ ее основнымъ принципомъ, которому разумъ подчиняетъ явленія, но и тутъ, какъ вездѣ, онъ не переходилъ за предѣлы познаваемаго и не отрицалъ, что сами явленія и связь между ними не суть произведенія нашего разума, что разумъ — только законодатель въ познаваемомъ мірѣ, а вовсе не творецъ его.—Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ изслѣдуемыхъ вопросахъ Кантъ вѣренъ себѣ: вездѣ онъ настаиваетъ на необходимости ограничиться познаваемымъ міромъ и не выходить за его предѣлы въ міръ, который существуетъ въ дѣйствительности.

Varisco. *Мысль и дѣйствительность.*

Статья касается, собственно, трехъ сторонъ міровоззрѣнія Renouvier въ его *Histoire et solution des problèmes métaphysiques*: его ученія объ относительности познанія, о законѣ причинности и его теологіи. По вопросу объ относительности нашего познанія Ренувье считаетъ себя послѣдователемъ Декарта, который дѣйствительно существующимъ признавалъ только наше мыслящее «я»; это «я», по мнѣнію Ренувье, и познаетъ только отношенія, а не факты, ибо, кромѣ самого «я», все остальное суть только отношенія: по мнѣнію-же автора статьи, нѣкоторые факты, какъ напримѣръ, способность испытывать ощущенія или законы логики, существуютъ несомнѣнно, такъ какъ, не будь фактовъ, не было бы и отношеній между ними. Другая мысль Ренувье — о возможности замѣнить понятіе причинности понятіемъ закона, которому мы сами подчиняемъ познаваемые нами явленія,—тоже вызываетъ возраженія автора, ибо, если личность и предшествуетъ опыту, и даетъ ему законы, то все-таки она тоже есть явленіе и въ свою очередь подчинена закону причинности, который,

такимъ образомъ, стоитъ выше ея; да и самое дѣйствіе законовъ едва ли можетъ быть объяснено безъ помощи понятія причинности. Наконецъ, въ теологіи Ренувье Varisco видитъ внутреннее противорѣчіе: Ренувье признаетъ нашъ міръ совершеннѣйшимъ, какъ состоящей изъ монадъ, во взаимодѣйствіи стремящихся къ совершенству; но, въ то же время, Богъ, въ умѣ котораго явился этотъ міръ, есть, по его мнѣнію, существо личное и временное и, подобно человѣку, не знающее своего начала. Если же, думаетъ Varisco, признать Бога внѣвременнымъ и одареннымъ особаго рода сознаниемъ, то нѣтъ основанія не допускать существованія другихъ боговъ и другихъ міровъ, находящихся во взаимодѣйствіи.

Rigoni. *Интуиція пространства.*

Излагается не совсѣмъ ясная теорія Panizza о трехъ пространствахъ: осязаемомъ, физическомъ и умственномъ, изъ которыхъ послѣднее есть не что иное, какъ сама наша внутренняя психическая жизнь, слагающаяся изъ представленій; носителя этой психической жизни, т. е. наше «я», авторъ теоріи опредѣляетъ, какъ сознание нашихъ отношеній къ другимъ предметамъ, при чемъ все-таки остается неразъясненнымъ, самое-ли сознание отношеній есть «я», или «я»—это-то, что находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ предметамъ.

Pagano. *Теорія наказанія въ этикѣ Вундта.*

Наказаніе, по Вундту, есть дѣйствіе коллективной воли общества, направленное противъ единичной воли преступника. Вполнѣ присоединяясь къ такому пониманію, Pagano, однако, предлагаетъ внести нѣкоторое дополненіе въ теорію Вундта, именно, при разрѣшеніи вопроса о цѣли наказанія: оно не можетъ быть само себѣ цѣлью, и всѣ теоріи, выставляющія цѣлью наказанія возмездіе, предупрежденіе преступленій, исправленіе преступника или устраненіе общества, авторъ вмѣстѣ съ Вундтомъ признаетъ несостоятельными. Съ своей стороны онъ предлагаетъ цѣлью наказанія считать искупленіе, на которое Вундтъ обратилъ мало вниманія. Только не слѣдуетъ смѣшивать искупленіе съ возмездіемъ, которое ставитъ себѣ недостижимую задачу — уравнивать наказаніе и вредъ, причиненный преступленіемъ; искупленіе же имѣетъ въ виду просто причинить преступнику страданіе, какъ естественное послѣдствіе совершеннаго имъ преступленія.

Sacchi. *Теорія трагедіи у Брюнетьера.*

Авторъ указываетъ существенную ошибку въ теоріи Брюнетьера: во всей исторіи литературы онъ находитъ только два рода истинной трагедіи—у древнихъ грековъ и во Франціи въ XVIII вѣкѣ; а между тѣмъ французская трагедія, по мнѣнію итальянскаго критика, представляетъ собою точное подражаніе древнегреческой трагедіи и, слѣдовательно, не можетъ считаться особымъ отъ нея родомъ трагедіи. Во второй половинѣ статьи авторъ приводитъ нѣсколько общеизвѣстныхъ указаній относительно того, какую должна быть современная трагедія, въ противоположность классической, которую Брюнетьеръ считаетъ единственною истинною трагедіею.

Gorrali. *Проблема происхожденія права въ сочиненіяхъ Романьози.*

Романьози признаетъ два вида естественнаго закона: законъ предшествующій (*legge naturale antecedente*) и законъ послѣдующій (*legge naturale contingente*). Первый выражаетъ собою комплексъ отношеній, существующихъ между человѣкомъ и природою, а второй есть отраженіе этихъ отношеній въ душѣ человѣка и основанный на нихъ кругъ обязанностей и правъ человѣка. Это-то отраженіе высшихъ требованій природы въ душѣ человѣка и считаетъ Романьози естественнымъ правомъ, т. е. идеальнымъ образомъ нравственной и правовой дѣятельности (*il modello ideale di pratica morale e giuridica*). Подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ двухъ естественныхъ законовъ слагается въ душѣ человѣка идея нѣкотораго необходимо существующаго порядка въ распредѣленіи добра и зла въ мірѣ; а самое это взаимодѣйствіе Романьози считаетъ дѣйствіемъ природы, т. е. нѣкоторой тайной, невидимой и самопроизвольной силы, которая существуетъ въ душѣ каждаго человѣка. Въ этомъ пунктѣ всего яснѣе противорѣчіе между Романьози и Спенсеромъ, которому Gorrali и противопоставляетъ итальянскаго философа: вся философская система Спенсера проникнута принципомъ механической причинности, тогда какъ у Романьози надъ всѣмъ господствуетъ мысль, что все въ мірѣ управляется нѣкоторою сверхъестественною силою, которая вноситъ порядокъ и гармонию въ естественно необходимыя явленія міровой жизни.

Н. К. Вальденбергъ.

Archiv für systematische Philosophie. B. VIII. Heft 2. /

H. Rickert *О задачахъ логики исторіи.*

Статья эта является отвѣтомъ на небольшой экскурсъ Тѳннiаса «Къ теоріи исторіи», напечатанный въ предшествующей книжкѣ Архива и посвященный воззрѣніямъ Риккерта на этотъ предметъ. Разбирая высказанные Риккертомъ взгляды относительно теоріи исторіи, Тѳннiасъ нападаетъ на какое бы то ни было противопоставленіе естественнонаучнаго и историческаго методовъ: критерій научности той или другой дѣйствительной или претендующей на это названіе дисциплины лежитъ для него въ возможности примѣненія къ обработкѣ даннаго эмпирическаго матеріала естественнонаучныхъ методовъ; поскольку же къ исторіи, какъ таковой, научный, т.-е. для Тѳннiаса *естественнонаучный* методъ неприменимъ, то исторія не есть наука, и ея мѣсто должна заступить оперирующая естественнонаучными методами социологія. Возражая Тѳннiасу, Риккертъ разборомъ задачъ логики исторіи подтверждаетъ свою точку зрѣнія. Логика, въ отличіе отъ специальныхъ дисциплинъ, имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе тѣхъ формъ, гsr. понятій, помощью которыхъ отдѣльныя науки обрабатываютъ свой матеріалъ. Понятія наукъ суть понятія задачъ или *цѣлей*, которыя ставитъ себѣ та или другая научная обработка эмпирической дѣйствительности. Изслѣдуя вопросъ о цѣляхъ, которыя ставитъ себѣ историческое изученіе дѣйствительности, логика исторіи должна показать, что задачей исторіи является обработка соотвѣтствующаго матеріала въ *индивидуальныхъ* понятіяхъ, въ противоположность естествознанію, стремящемуся воспроизвести дѣйствительность въ системѣ *общихъ* понятій. Этимъ самымъ общая методологія устанавливаетъ правомѣрную противоположность *историческаго* и *естественнонаучнаго* методовъ научной обработки дѣйствительности. Ошибочно было бы считать естественнонаучный методъ фиксированнымъ къ области физическаго, тѣлеснаго, а историческій къ области культурно-духовнаго: какъ область физическаго, такъ и область духовнаго равно допускаютъ примѣненіе обоихъ типовъ научной обработки: такъ примѣромъ исторической обработки физическаго является филогенетическая біологія, поскольку въ ней задача лежитъ въ воспроизведеніи въ индивидуальныхъ понятіяхъ *однажды бывшаго* (des Einmaligen); LABOROTЪ возможна и такая обработка культурно-духовнаго

матеріала, въ которой частное и однажды бывшее отступаетъ на второй планъ, а весь интересъ лежитъ въ разработкѣ матеріала въ системѣ общихъ понятій. Соотвѣтственно этимъ двумъ типамъ научной обработки получается *логическая классификація наукъ*: къ одной группѣ должны быть отнесены такія науки, какъ физика, эмбриологія, психологія и соціологія (поскольку она, подобно первымъ тремъ, стремится создать систему общихъ понятій). Наоборотъ въ другую группу слѣдуетъ отнести такія науки, какъ филогенетическая біологія и историческія дисциплины. Подобная группировка, быть можетъ, противорѣчитъ привычкамъ мысли, но она неизбежна, разъ мы выяснимъ себѣ *логическую специфичность* научныхъ методовъ; а разъ это сдѣлано, то тотчасъ же выступаетъ логически-принципіальная противоположность обѣихъ группъ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что эта противоположность коренится не въ различіи *матеріала*, съ которымъ имѣетъ дѣло изслѣдователь, а въ различіи *цѣлей*, которыя онъ себѣ ставитъ. Въ силу чисто-логическихъ основаній невозможно сдѣлать изъ исторіи культуры естественную науку, подобно тому какъ невозможно превратить филогенетическую біологію въ онтогенетическую дисциплину.

Stephan Witasek. *Цѣнность и красота.*

Въ современной философіи довольно распространенъ взглядъ, по которому эстетика есть наука объ извѣстнаго рода цѣнности, поскольку она трактуетъ о цѣнности въ области красоты и искусства. Рука объ руку съ этимъ взглядомъ идетъ стремленіе ставить эстетику въ параллель съ этикой и теоріей познанія, какъ имѣющими своимъ предметомъ два другихъ рода философскихъ цѣнностей—добро и истину. По мнѣнію автора, эта аналогія ошибочна, сбивчива и закрываетъ коренное различіе той роли, которую играетъ цѣнность въ области эстетическаго и логическаго, съ одной стороны, и этического, съ другой, и ведетъ къ неясности въ опредѣленіи сущности каждой изъ этихъ областей, особенно области эстетическаго.

Неправильно опредѣлять эстетику какъ науку о цѣнности: можно, правда, сказать, что эстетика имѣетъ дѣло съ *цѣнными объектами*, поскольку мы цѣнимъ красоту: но вѣдь и пищевые продукты, и старинныя монеты тоже являются объектами цѣнности, однако никто не назоветъ химію пищевыхъ продуктовъ или нумизматику науками о цѣностяхъ! Подобно этому и

для эстетики *цѣнность* ея объектовъ играетъ второстепенную роль, ея прямая задача сущность *прекраснаго*, независимо отъ того, цѣнимъ ли мы это прекрасное или нѣтъ: нѣчто прекрасно не потому, что мы его цѣнимъ, но мы его цѣнимъ потому, что оно прекрасно. Въ подобномъ же отношеніи стоитъ цѣнность истиннаго къ истинѣ: и здѣсь цѣнность есть не сущность истины, а ея слѣдствіе; извѣстное сужденіе истинно не потому, что оно цѣнно, а оно цѣнно потому, что оно истинно. Наоборотъ, этичность тождественна съ цѣнностью: нѣчто хорошо или дурно именно потому, что оно цѣнно и обратно. Итакъ, эстетика какъ наука о прекрасномъ не есть наука о цѣнности.

Если съ одной стороны цѣнность есть нѣчто второстепенное для прекраснаго, то съ другой стороны для него существенно то, что оно нравится. Но въ испытываніи «нравящагося» (*das Gefallen*) сказывается извѣстная реакція субъекта на данное ему извнѣ, въ которой онъ выступаетъ какъ *оцѣнивающий* такъ или иначе (въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ) это данное. Не оказывается ли такимъ образомъ «нравящееся» специальнымъ случаемъ «цѣнности», и эстетическое, вопреки утверждавшемуся выше, цѣннымъ по самой своей сущности? Авторъ доказываетъ, что нѣтъ: оцѣнка и испытываніе нравящагося представляютъ два совершенно различныхъ факта въ жизни чувства, и потому одно изъ нихъ не можетъ быть субсумировано подъ другое; сущность ихъ различія сводится къ тому, что чувство цѣнности обусловлено психологически факторомъ *сужденія*, между тѣмъ какъ для чувства нравящагося достаточно представленія, будь то конкретное представленіе, образъ воспоминанія или фантастическое представленіе. Другими словами, эстетическое чувство есть *чувство представленія*, а чувство цѣнности — *чувство сужденія*.

Прекрасное, не будучи по своей сущности цѣнностью, можетъ быть однако цѣннымъ объектомъ. Представляетъ ли эта цѣнность, независимо отъ самаго объекта, что-либо специфически-отличное отъ другихъ цѣнностей? Путемъ критическаго разбора работы J. Sohn'a «*Allgemeine Aesthetik*» (въ которой дается утвердительный отвѣтъ) и прямого анализа различныхъ видовъ цѣнностей авторъ приходитъ къ отрицательному результату: эстетическая цѣнность, рассматриваемая формально, т.-е. независимо отъ своего объекта, не представляетъ никакой цѣнности

sui generis, и характеръ ея, какъ эстетической, обусловливается исключительно специфичностью ея объекта.

Arthur Drews. *Къ вопросу о сущности Я.*

Въ работѣ берлинскаго теолога Георга Воббермина «Theologie und Metaphysik. Das Verhältniss der Theologie zur modernen Erkenntnisstheorie und Psychologie» (Brl. 1901) затронуты въ отрицательно-критическомъ смыслѣ нѣкоторыя положенія изъ книги Дрэвса «Das ich, als Grundproblem der Metaphysik». Въ настоящей статьѣ Д. выступаетъ въ защиту своихъ взглядовъ на сущность Я. Вобберминъ признаетъ, что путемъ внутренняго опыта мы познаемъ реальное такъ, какъ оно есть, и такимъ образомъ въ Я мы познаемъ реальную субстанцію, сущность которой опредѣляется сознательностью. Признавая вмѣстѣ съ Вобберминомъ, что проблема о Я является основной проблемой метафизики, къ которой могутъ быть сведены всѣ остальные метафизическія проблемы и тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ которой обусловливается между прочимъ и отвѣтъ на жгучій вопросъ нашего времени «теизмъ или пантеизмъ?», Дрэвсъ возстаетъ противъ утвержденія В. о познаніи во внутреннемъ опытѣ подлино-реальнаго. Это не значитъ, чтобы онъ раздѣлялъ взгляды Конта или Маудсли на невозможность познанія путемъ внутренняго опыта: познаніе путемъ внутренняго опыта возможно, но въ немъ тѣмъ не менѣе не познается непосредственно реальное. Если бы во внутреннемъ опытѣ, т.-е. въ непосредственныхъ состояніяхъ сознанія, познавалась подлинная реальность, то были бы невозможны ни тѣ разногласія, которыя мы наблюдаемъ въ исторіи философіи, (которая со времени Декарта есть не что иное, какъ рядъ попытокъ достигнуть реальнаго, исходя изъ Cogito erga sum), ни тѣ разногласія относительно рода и сущности внутренне-переживаемаго, которыя царятъ среди современныхъ психологовъ. Поэтому авторъ настаиваетъ на томъ, что въ непосредственныхъ состояніяхъ сознанія мы имѣемъ дѣло не съ окончательно и подлинно реальнымъ, а лишь съ явленіями, отъ которыхъ мы должны заключать къ ихъ носителю и реальному основанію. И такъ какъ этимъ основаніемъ не можетъ быть что-либо матеріальное, то его надо искать въ *психическомъ* и въ то же время *безсознательномъ*, которое на почвѣ теоріи активности сознанія и анализа предѣльныхъ элементовъ психическихъ явленій опредѣляется авто-

ромъ какъ Единая Реальная бессознательная Воля. Очевидно авторъ является въ этомъ отношеніи вѣрнымъ послѣдователемъ Э. фонъ-Гартмана.

Кромѣ того, во 2-й книжкѣ Архива помѣшено продолженіе статьи **E. Bullaty** «Проблема сознанія въ критико-познавательномъ освѣщеніи», начало которой было напечатано въ Архивѣ въ 1900 г. (статья еще не окончена) и статья **A. Zucca** «La soluzione del grande Enigma». Обычный Jahresbericht посвященъ въ этомъ № обзору работъ по социологіи за 97 и 98 гг., данному Тöp-ries'омъ.

А. Б.

Московское Психологическое Общество.

ССVІІ. Протоколъ очередного открытаго засѣданія Психологическаго Общества 8 марта 1903 года.

Засѣданіе было открыто въ актовомъ залѣ университета въ 8³/₄ ч. вечера подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ц. П. Балталона, А. П. Басистова, А. Н. Бернштейна, А. С. Бѣлкина, Д. В. Викторова, В. В. Воробьева, П. Б. Ганнушкина, Н. П. Корелиной, Н. П. Постовскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, П. П. Стрѣльцова и постоянной публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Былъ читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2) Сторонній посѣтитель И. Н. Холчевъ прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: «Мечтательная ложь».

3) Послѣ перерыва происходили пренія, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ референта, слѣдующія лица: В. В. Воробьевъ, А. Н. Бернштейнъ, Г. И. Россолимо и Л. М. Лопатинъ.

4) Были предложены въ дѣйствительные члены Общества: *И. Н. Холчевъ* (Л. М. Лопатинымъ, А. Н. Бернштейномъ и Н. Д. Виноградовымъ), *М. К. Любавскій* (Л. М. Лопатинымъ, А. С. Бѣлкинымъ и Н. Д. Виноградовымъ), *М. Н. Розановъ* (Л. М. Лопатинымъ, А. С. Бѣлкинымъ и Н. Д. Виноградовымъ).

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

ССVІІІ. Протоколъ очередного открытаго засѣданія Психологическаго Общества 27 марта 1903 года.

Засѣданіе было открыто въ залѣ правленія университета въ 8³/₄ ч. вечера подѣ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при

секретарѣ Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. С. Бѣлкина, В. В. Воробьева, П. Б. Ганнушкина, Н. П. Корелиной, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, члена-соревновательницы М. А. Каринской и посторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Предсѣдатель доложилъ собранію о кончинѣ двухъ дѣйствительныхъ членовъ Общества: М. В. Духовскаго и М. С. Соловьева, и предложилъ почтить память покойныхъ вставаніемъ. Собраніе единодушно присоединилось къ этому предложенію.

2) Былъ читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3) Дѣйствительный членъ Общества В. В. Воробьевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Основы энергетическаго міросозерцанія» (В. Оствальдъ: «Философія природы»).

4) По прочтеніи первой части реферата былъ сдѣланъ перерывъ на 10 минутъ, по истеченіи котораго были произведены выборы предложенныхъ въ предшествующихъ засѣданіяхъ въ дѣйствительные члены Общества, *М. К. Любавскаго, М. Н. Розанова, И. Н. Холчева, А. А. Спасскаго, П. Д. Перлова* и въ члены соревнователи *К. М. Горскаго*.

5) По окончаніи баллотировки были предложены въ дѣйствительные члены Общества: ассистентъ при физической лабораторіи университета *А. І. Бачинскій* (Н. А. Умовымъ и Л. М. Лопатинымъ) и приватъ-доцентъ Московскаго университета *В. К. Поржезинскій* (Л. М. Лопатинымъ и А. С. Бѣлкинымъ).

6) Послѣ этого В. В. Воробьевымъ было dokonчено чтеніе реферата.

7) Послѣ перерыва въ 10 минутъ происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ референта, Г. А. Рачинскій и Л. М. Лопатинъ.

Засѣданіе закрыто въ 11³/₄ ч. вечера.

ПОЛЕМИКА.

Возраженіе П. А. Некрасову

По поводу моихъ замѣчаній на основныя идеи доклада П. А. Некрасова, прочитаннаго въ Психологическомъ Обществѣ, референтъ выступилъ съ обширнымъ отвѣтомъ (*Вопросы философіи и психологіи*, кн. 68).

Я остаюсь при высказанномъ мнѣніи, что Лапласъ былъ противникомъ свободы воли (*libre arbitre*). Подчиненная мотивамъ, какъ выражается П. А. Некрасовъ, свобода воли есть *несвобода воли* (Шопенгауэръ).

Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до анекдота объ атеизмѣ Лапласа: въ его механической теоріи міра нѣтъ мѣста для высшей творческой силы. Спорить объ этомъ совершенно напрасно.

П. А. Некрасовъ неправильно понялъ мое замѣчаніе о странномъ выборѣ имъ авторитетовъ: сослаться на Паскаля, Лейбница, Лапласа, Кондорсе даже—это одно дѣло; но съ такимъ же довѣріемъ сослаться на Бюффона и Зюссмильха—на довольно почетныя историческія воспоминанія, — дѣло другое и напрасное.

П. А. Некрасовъ отрицаетъ всякую оригинальность въ Контѣ, какъ математикѣ. Историки-математики едва-ли съ этимъ согласятся. Но мнѣ и этого не нужно: Контъ былъ математикъ по профессіи, знатокъ ея. Что сдѣлалъ въ математикѣ Кетле, на котораго П. А. Некрасовъ ссылается какъ на авторитетъ?

По поводу разъясненій П. А. Некрасова о философскомъ идеализмѣ, который онъ противопоставляетъ *отвлеченному идеализму*, а теперь называетъ *идеальнымъ реализмомъ*, я долженъ сказать, что остаюсь при прежнемъ недоумѣніи. Авторъ признаетъ *вселенскій разумъ*, который накопился, между прочимъ,

въ сокровищахъ іосударства, и, съ другой стороны, враждебно относится къ космополитическимъ отвлеченностямъ. Мнимая аксіома соціальной физики, имъ выставляемая—«вселенское идеально-реальное братство племень и народовъ, а не космополитизмъ»—звучитъ въ высшей степени неопредѣленно и бездоказательно, какъ *идеально-реальное* сочетание предустановленной гармоніи и бронированнаго кулака. Всякій великій (почему *только* великій?) народъ, говоритъ П. А. Некрасовъ въ своемъ рефератѣ, долженъ развивать *свою* національную идеально-реальную благотворную свободу. Стало бытъ *сокровища вселенскаго разума* на смарку?

Нисколько не отрицая *національныхъ* вкладовъ въ сокровища *вселенскаго разума*, я не могу согласиться съ утверженіемъ П. А. Некрасова, что «въ сущности всѣ цѣнности въ соціальной жизни сводятся къ цѣнности личностей, къ поднятію ихъ нравственнаго (*только нравственнаго?*) совершенства».

Въ заключеніе укажу на непонятное для меня утверженіе въ рефератѣ П. А. Некрасова: «самое происхожденіе (такихъ) *априорныхъ* понятій (курсивъ во всей цитатѣ мой) и связанныхъ съ ними постулатовъ можетъ быть какимъ угодно: *эмпирическимъ* (!) умозрительнымъ или мистическимъ». Въ устахъ П. А. Некрасова признаніе эмпирическаго происхожденія т. н. априорныхъ идей меня удивляетъ.

В. Гольцевъ.

Отвѣтъ г. Каплану.

(По поводу статьи г. Каплана „Плюшкинъ и Старосвѣтскіе помѣщики“.)

При всемъ моемъ нежеланіи полемизировать, я долженъ сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г. Каплана. Дѣло въ томъ, что въ этой статьѣ г. Капланъ, анализируя повѣсть Гоголя «Старосвѣтскіе Помѣщики», щедрой рукой разсыпаетъ упреки по моему адресу и пытается опровергнуть идеи, развитыя мною въ работѣ «Значеніе болѣзни Плюшкина». Такъ какъ я указалъ на то, что нормальная старость прекрасно изображена въ вышеназванной повѣсти, то главная часть статьи г. Каплана является лишь развитіемъ высказанной мною мысли, и я далѣе говорить объ этомъ предметѣ не нахожу нужнымъ. Также не нахожу нужнымъ отвѣчать на многочисленныя упреки г. Ка-

плана по моему адресу; обиліе упрековъ и тонъ какими они высказаны, а *le ton fait la musique*—весьма ясно указываютъ на то, что г. Капланъ не нашель другихъ, болѣе вѣскихъ аргументовъ. Къ такому выводу необходимо притти при сравненіи первой и второй статьи г. Каплана: въ первой онъ высоко цѣнилъ мои работы, во второй онъ упрекаетъ меня въ ненаучности, въ логическихъ скачкахъ, поверхностности сужденій и даже неумѣннн выражаться. Очевидно, что такая рѣзкая перемѣна въ отношеніи ко мнѣ г. Каплана произошла лишь потому, что онъ не нашель аргументовъ болѣе убѣдительныхъ. Я, конечно, не послѣдую за г. Капланомъ въ этомъ направленіи и не стану рачотать ему упрековъ; напомнимъ лишь слова стараго профессора (Чеховъ. Скучная исторія). «А это, ужъ, какъ любятъ выражаться въ своихъ статейкахъ молодые врачи, *ultimo ratio!* Такія отношенія неминуемо должны отражаться на нравахъ молодого поколѣнія пишущихъ»... Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу возраженій, высказанныхъ г. Капланомъ, отвѣчать на всѣ возраженія нѣтъ надобности; достаточно указать на ихъ значеніе вообще и ограничиться нѣсколькими примѣрами.

Г. Капланъ приводитъ возраженія, только подтверждающія справедливость мною сказаннаго, или же его возраженія содержатъ невѣрныя свѣдѣнія.

Напримѣръ, (стр. 641) онъ говоритъ, что Вирховъ при празднованіи «своего послѣдняго юбилея» обнаруживалъ признаки одряхлѣнія нервной системы. Едва ли г. Капланъ не понималъ, что именно біографія Вирхова прекрасно подтверждаетъ справедливость развитаго мною взгляда; смѣю думать, что онъ отлично это понималъ, и прибѣгъ къ неудачному полемическому приему. Если бы г. Капланъ не понималъ, что біографія Вирхова подтверждаетъ справедливость мною сказаннаго, онъ не прибѣгъ бы къ такому неопредѣленному выраженію «своего послѣдняго юбилея». Г. Капланъ читалъ, какъ самъ говоритъ, статью Korte, и потому отлично зналъ, что Вирховъ родился въ 1821, поэтому когда онъ праздновалъ «свой послѣдній юбилей», ему было 80 лѣтъ, слѣдовательно, у Вирхова наступило одряхлѣніе очень, очень поздно, именно въ томъ возрастѣ, когда оно наступаетъ по моему мнѣнію. Въ 1890 г. этотъ великій ученый проявилъ необычайную ясность своего ума и оказалъ громадную услугу человѣчеству, указавъ на несостоятельность лѣченія ту-

беркулиномъ Коха; въ 1894 на медицинскомъ конгрессѣ въ Римѣ всѣ удивлялись уму и любви къ наукѣ великаго старца. О такихъ возраженіяхъ, а ихъ немало, говорить не стоитъ; это лишь полемическій приѣмъ, къ которому прибѣгаютъ только при сознанной невозможности защищать свое мнѣніе.

Еще болѣе убѣдительно невѣрныя свѣдѣнія, которыми г. Капланъ старается опровергнуть мой взглядъ. На 643 стр. г. Капланъ утверждаетъ, что въ Германіи «приходится занимать ее (каеэдру) въ весьма почтенномъ возрастѣ»; при этомъ попутно достается нашимъ профессорамъ. Въ дѣйствительности однако въ Германіи каеэдра достигается приблизительно въ томъ же возрастѣ, какъ и у насъ; понятно, я говорю лишь объ ординатурѣ. Не знаю, чѣмъ объяснить совершенно невѣрное утвержденіе г. Каплана: есть ли это полемическій приѣмъ или просто ошибка, легко объяснимая его малымъ знакомствомъ съ германскими университетами. Какъ я уже сказалъ, ординатура въ Германіи достигается въ томъ же возрастѣ, какъ и у насъ, т.-е. совѣмъ не «въ весьма почтенномъ». Waentig получилъ ординатуру 30 лѣтъ, Краepelin—35 лѣтъ, Nernst и A. Schultze—36 лѣтъ и т. д. Если бы г. Капланъ просмотрѣлъ весьма распространенный Deutscher Universitäts Kalender, онъ узналъ бы, что въ Германіи каеэдры занимаютъ далеко не старые люди, напр., изъ 18 профессоровъ Грейсвальдскаго философскаго факультета въ 1900 г. 10 были моложе 50 лѣтъ; изъ нихъ 5 моложе 40 лѣтъ. Не знаю, зачѣмъ г. Каплану понадобилось приводить невѣрныя свѣдѣнія и на основаніи ихъ восхвалять германскихъ профессоровъ и порицать русскихъ; и тѣхъ, и другихъ онъ знаетъ очень мало, такъ мало, что даже не знаетъ ихъ возраста; я уже не говорю о томъ, что онъ даже не знаетъ ихъ работы, какъ то докажу ниже.

Еще болѣе удивительно и, нужно сказать, ужъ очень смѣло утвержденіе г. Каплана, что Гоголь вѣрно изобразилъ старческое слабоуміе Афанасія Ивановича. Г. Капланъ (стр. 617) говоритъ: «И утвержденіе его (т.-е. мое), что во всѣхъ произведеніяхъ Гоголя выводится лишь одинъ душевно-больной (именно Плюшкинъ), конечно, невѣрно». Дѣйствительно, я утверждаю, что Гоголь далъ только одно вѣрное изображеніе душевной болѣзни, при чемъ указываю, что въ «Запискахъ сумасшедшаго» душевная болѣзнь изображена невѣрно. Конечно, я зналъ какъ описалъ Гоголь послѣдній періодъ Афанасія Ивановича и по-

тому сказали, что въ произведеніяхъ Гоголя дано одно вѣрное изображеніе душевной болѣзни: такого болѣзненного состоянія, какое описано въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ», въ дѣйствительности не бываетъ. Ничего подобнаго состоянію А. И. я не видѣлъ за 26 лѣтъ моей психіатрической дѣятельности, не видѣлъ и г. Капланъ, когда посѣщалъ мои лекціи, не могъ видѣть по окончаніи въ декабрѣ 1898 г. курса въ Юрьевѣ. Не считаю даже нужнымъ подробно объяснять, почему послѣдній періодъ жизни Афанасія Ивановича не похожъ на то, что мы, психіатры, называемъ старческимъ слабоуміемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же страницы журнала занимать элементарными свѣдѣніями по психіатріи. Г. Капланъ только въ неспеціальному органу рѣшился высказать, что въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» вѣрно изображено старческое слабоуміе. Напомню, что моя работа о Плюшкинѣ была напечатана въ медицинскомъ органу («Врачебная Газета»), и г. Капланъ, конечно, имѣлъ основаніе возражать мнѣ не въ медицинской прессѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, къ сожалѣнію, нерѣдко употребляемый полемическій приѣмъ, къ которому прибѣгаетъ г. Капланъ. Онъ цитируетъ мои учебники «Лекціи по судебной психопатологіи» и сопоставляетъ цитаты изъ этого учебника съ сказаннымъ мною въ работѣ «Значеніе болѣзни Плюшкина», и говоритъ (стр. 623): «Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности (да и считаю лишнимъ) останавливаться на всѣхъ противорѣчіяхъ между мыслями, высказанными въ этихъ лекціяхъ, и тѣми, которыя приводятся въ статьѣ проф. Чижа «Значеніе болѣзни Плюшкина». Такимъ образомъ г. Капланъ весьма недвусмысленно намекаетъ, что я въ пылу полемики отрекаюсь отъ собственныхъ взглядовъ, противорѣчу самъ себѣ, приписываетъ мнѣ недобросовѣстность. Дѣйствительно, въ работѣ «Значеніе болѣзни Плюшкина» много мыслей, стоящихъ въ противорѣчьи съ сказаннымъ въ моемъ учебникѣ, но это объясняется тѣмъ, что «Лекціи по судебной психіатріи» были напечатаны въ 1890 г., а моя статья въ 1902. Въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ наука подвинулась впередъ, и я работалъ прилежно; многія мои воззрѣнія, особенно о причинахъ душевныхъ болѣзней, весьма измѣнились. Мои воззрѣнія измѣнились настолько, что я нашелъ необходимымъ заново переработать мой учебникъ; эта переработка была напечатана въ 1902. Кромѣ того я напечаталъ мое изслѣдованіе объ

этіологіи въ статьѣ «Главныя причины душевныхъ болѣзней» («Народное Здравіе» 1899—1901.) Я не упрекну г. Каплана за то, что онъ не слѣдитъ за новыми изслѣдованіями по психіатріи и потому не знаетъ тѣхъ моихъ работъ, которыя легли въ основу взглядовъ, высказанныхъ въ статьѣ «Значеніе болѣзни Плюшкина», но крайней грустно, что г. Капланъ такъ необдуманно обвинилъ меня въ неблаговидномъ полемическомъ приѣмѣ. Если бы г. Капланъ слѣдилъ за психіатрической литературой и относился съ уваженіемъ къ научному труду, онъ бы не нашелъ «лишнимъ» выяснить происхожденіе найденныхъ имъ противорѣчій. Онъ узналъ бы, что мои изслѣдованія привели меня къ новымъ выводамъ, что мои воззрѣнія на причины душевныхъ болѣзней далеко не совпадаютъ съ мнѣніемъ большинства. Такимъ образомъ, если бы г. Капланъ хотя немного интересовался вопросами, относительно которыхъ полемизируетъ, онъ не нашелъ бы «лишнимъ» выяснить встрѣтившіяся недоразумѣнія, не опровергалъ бы меня цитатами изъ моего учебника и, главное, не взвелъ бы на меня обвиненія въ весьма неблаговидномъ полемическомъ приѣмѣ. Упрекъ, сдѣланный мнѣ г. Капланомъ, ужъ я не говорю о тонѣ, какимъ онъ сдѣланъ, весьма характеренъ для полемики г. Каплана; вся моя вина оказалась въ томъ, что я работалъ, а г. Капланъ даже не потрудился просмотрѣть работы психіатра, хотя самъ г. Капланъ занимается психіатріей.

Понятно, что въ виду такихъ полемическихъ приѣмовъ г. Каплана, я отъ дальнѣйшей полемики съ нимъ отказываюсь.

В. Чижъ.

XIV г. Вышла сентябрьская книжка журнала XIV г. „ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

I. Оригинальныя и переводныя статьи. О задачахъ школы общественныхъ наукъ. Проф. *Максима Ковалевскаго*. — Объ ученіи Петра Великаго и объ его отношеніи къ наукѣ. *В. Якушкина*. — Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. Проф. *Д. Овсяннико-Куликовскаго*. — Изъ исторіи министерства народнаго просвѣщенія. Прив.-доц. *Е. Синицкаго*. — Антропологическое изученіе Россіи. Прив.-доц. *А. Ивановскаго*. — Духовное образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка. *А. Лотоцкаго*. — Мои дѣтскіе годы и школа. *А. Красноперова*. — II. Критика и библиографія. Журналы: „Дѣтское Чтеніе“, „Родникъ“ и „Всходы“ за 1-е полугодіе 1903 г. — Арс. И. Введенскій, Литературныя характеристики. Прив.-доц. *П. Сакулина*. — А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ѳ. Неладовъ, С. Смирновъ, Десять чтеній по литературѣ, изд. второе. *Его же*. — Растеніе, популярныя лекціи изъ области ботаники д-ра Ф. Кона, пер. съ нѣмецк. *С. Григорьева*. — Р. Раевскій, Ботаническія экскурсіи. *Его же*. — Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній, сост. В. Н. Львовъ, части I и II. *Его же*. — Б. А. Вилеръ и Ч. Г. Терберъ, Организация средняго образованія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, пер. съ нѣм. Д. Королькова. *Г. П.* — „Благотворительное общество общепользныхъ и дешевыхъ книгъ въ С.-Петербургѣ“, брошюры №№ 1—22. *Д. Д.* — III. Рефераты и мелкія сообщенія. Изъ практики распространенія гигиеническихъ знаній въ народѣ. — Исторія, какъ учебный предметъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. *Н. Н.-скаго*. — Керченскій педагогическій кружокъ. Прив.-доц. *П. Сакулина*. — Четыре первыхъ года въ жизни нижегородской секціи гигиены, воспитанія и образованія. *Н. Скворцова*. — О системѣ конкурсныхъ экзаменовъ. *Его же*. — Англійская утопія образованія за обработки. Прив.-доц. *Вл. Ивановскаго*. — IV. Хроника. Школа, литература и жизнь. Къ вопросу о сѣздахъ, общеобразовательныхъ курсахъ и лекціяхъ. Народныя училища высшаго типа и предстоящее преобразование городскихъ училищъ. Къ вопросу объ общественной компетенціи въ учебномъ дѣлѣ. Предстоящія преобразованія въ общей постановкѣ народнаго образованія. Голоса дворянства. О всеобщемъ обученіи. Къ вопросу о постройкѣ школьныхъ зданій. Положеніе вопроса о передвижныхъ школахъ. Предстоящее преобразование попечительствъ о народной трезвости. Правила о книжной торговлѣ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ. О школьныхъ сберегательныхъ кассахъ. Новыя ходатайства и проч. *В. Ивановича*. — Къ открытію памятника Ивану Петровичу Котляревскому въ Полтавѣ. — V. Объявленія.

Продолжается подписка на 1903 г.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, общественно-дѣльной, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печати листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (*Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова*) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Открыта подписка на 1904 г.

(двадцать пятый годъ изданія)

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Вышла октябрьская (десятая) книга.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Профессоръ Спирька. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряна.— II. Неразлучные. Романъ Густава Френссена. Перев. съ нѣмецк. Максъ Ли.— III. Напастъ. Л. Н. Тычино.— IV. Ссора. Гольдебаева.— V. Стихотворенія. К. Д. Бальмонта.— VI. Дѣтскій трудъ въ Америкѣ. И. М. Рубинова.— VII. Новый трудъ о волѣ. (Fr. Paulhan: la volonté.) М. С. Окончаніе.— VIII. Вызовъ менонитовъ въ Россію. Г. Г. Писаревскаго.— IX. Отвѣтственность и страхованіе. В. Я. Канель.— X. Земская и церковная школы въ Олонекскомъ краѣ. К. С. Еремѣва.— XI. Пяточный синдикатъ. И. Р. Бродовскаго.— XII. И. П. Котляревскій. (Опытъ характеристики.) W.— XIII. Константинъ Михайловичъ Станюковичъ. Е. С. Некрасовой.— XIV. Отчего Америка идетъ такъ быстро впередъ? И. Х. Озерова.— XV. Жанъ Масэ. Г.— XVI. Къ чему сводятся основныя пожеланія общества въ дѣлѣ преобразованія средней школы. Л. Р.— XVII. Журнальное обзорніе.— XVIII. Внутреннее обзорніе.— XIX. Иностранное обзорніе. В. А. Г.— XX. Современное искусство. Н. А.— XXI. Библиографическій отдѣлъ.— XXII. Объявленія.

Подписн. цѣна съ дост. 12 мѣс.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
и перес. во все мѣста				
Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р. 3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 юля, 1 октября по 3 рубля при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 руб. 30 коп.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Ваганьковскій пер., д. Куманина.
 Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.
 Въ Невѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.
 Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.
 Въ Вильнѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.
 Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Все изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.